

Казимир  
ВАЛИШЕВСКИЙ



РОМАН ИМПЕРАТРИЦЫ  
Екатерина II  
ВОКРУГ ТРОНА  
СЫН ВЕЛИКОЙ ЕКАТЕРИНЫ  
Павел I

ПОЛНОЕ ИЗДАНИЕ  
В ОДНОМ ТОМЕ



Издательство  
АЛЬФА-КНИГА  
Москва  
2014

УДК 821.161.1  
ББК 84Р1  
В15

Серия основана  
в 2007 году

*Перевод с французского*

**Валишевский Казимир**

**В15** Роман императрицы. Екатерина II; Вокруг трона; Сын Великой Екатерины. Павел I: Полное издание в одном томе. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2014. — 1274 с.: ил. — (Полное издание в одном томе).

ISBN 978-5-9922-1597-7

Казимир Валишевский (1849—1935) — известный польский историк, публицист и писатель, большую часть жизни трудившийся во Франции; отмечен наградой французской Академии наук «за большой вклад в современную историографию». Более 30 лет он изучал историю России XVI—XIX веков. Валишевский работал в архивах Петербурга, Парижа, Лондона, Берлина и Вены. Результатом этой работы стала серия книг «Происхождение современной России», вышедшая во Франции в период с 1892 по 1925 год.

В настоящее издание, содержащее многочисленные иллюстрации, вошли три книги из этой серии — «Роман императрицы. Екатерина II», «Вокруг трона» и «Сын Великой Екатерины. Павел I».

**УДК 821.161.1**  
**ББК 84Р1**

ISBN 978-5-9922-1597-7

© Художественное оформление,  
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2014

---

**РОМАН ИМПЕРАТРИЦЫ**  
**Екатерина II**

---



## ПРЕДИСЛОВИЕ

В предлагаемом вниманию читателей романе вымысел полностью отсутствует. Даже легендарные элементы занимают в нем лишь строго отведенное место, в котором нельзя им отказать при желании вызвать к жизни точную картину прошлого. Мы полагаем, однако, что как любопытство читателя, так и его интерес к приключениям будут удовлетворены.

Вторая половина восемнадцатого века, мрачная и бурная как вечер, насыщенный грозой, была озарена ослепительным видением. Далеко в снегах таинственного Севера занимался свет, подобно восходящей звезде. Над повергнутыми в прах старинными европейскими монархиями возносился трон с византийскими очертаниями, окруженный небывалым величием, и по ступеням его всходила женщина в красном сиянии, цвета пурпура или крови. Она царствовала, сосредоточив вокруг себя все величие, все счастье и все торжество, а со всех концов Европы поднимался гул удивления и восторга, смешивавшийся с раскатами разразившейся вскоре бури. Поэты воспевали «северную Семирамиду», философы утверждали, что «свет идет с севера», а изумленная толпа восторженно рукоплескала. Победоносная за границами своей империи, Екатерина внушала и внутри ее сперва уважение, затем и любовь к себе. В ней воплощались неосознанные еще гений и сила огромного народа; славянская раса неожиданно пышно в ней расцвела и внезапно устремилась гигантскими шагами по пути к величавому своему уделу.

Однако история нам указывает, что эта обаятельная государыня, эта женщина, пред которой преклонялись все державы цивилизованного мира, эта «матушка-царица», коленопреклоненно, как икона, чтимая миллионами крестьян, была маленькой немецкой принцессой, попавшей в Россию благодаря случайности. Горстка смелых молодых людей возвела ее на место, откуда она, казалось, диктовала законы всему миру.

Это необычайное происшествие не раз уже рассказано, и не одна рука пыталась начертать образ необыкновенной женщины, игравшей в нем главную роль. Этим попыткам недоставало лишь одного, — того, что не в силах заменить собою и талант писателя: твердой документальной основы. За неимением этой опорной точки, де-

ло воссоздания, двадцать раз начатое, двадцать же раз обрушивалось в пустоту и граничило с басней. Час истории в то время еще не настал. Он пробил только теперь. В России и отчасти в Германии историческое прошлое великой славянской империи стало предметом изучения; под эгидой более либерального режима было в первый раз дозволено исследователям подняться до первоисточников. Государственные архивы распахнули свои двери, и частные лица, следуя примеру, данному сверху, поддержали усилия науки, предав гласности тайны своих хранилищ. Таким образом увидели свет столь драгоценные архивы князей Воронцовых. Вследствие естественного порыва, помянутые исследования коснулись главным образом личности Екатерины и великой эпохи, отмеченной ее именем. Результаты почти не оставляют желать ничего лучшего. Более пятидесяти томов сборника, издаваемого Императорским Русским Историческим Обществом, имеют к ней прямое отношение. В различных других коллективных изданиях Екатерина все же занимает первенствующее место.

Все эти элементы научного анализа, отныне столь обильные, требуют синтеза. Он и был уже предпринят в России. Тонкий писатель, В. А. Бильбасов, издал первый том труда, который, к сожалению, ему пришлось прервать. Екатерина, может быть, еще долго будет ожидать своего историка в стране, обязанной ей самыми славными страницами своей истории. Приступив к предлагаемому труду, появившемуся сначала во Франции, мы не намереваемся предвосхитить задачу, которая, мы надеемся, когда-нибудь будет приведена в исполнение в России. Мы попытались закрепить на этих страницах некоторые общие черты, которые в лице, подобном Екатерине, несомненно, интересуют образованное общество всех стран. Женщина, принимавшая участие во всех великих событиях своей эпохи, имевшая сношения со всеми выдающимися людьми своего времени, долго переписывавшаяся с Вольтером и бывшая в дружеском общении с Дидро, прожившая, наконец, с точки зрения умственной, нравственной и даже чувственной, жизнь редкую по полноте, разнообразию и богатству ощущений, подобная женщина не может нигде встретить равнодушного к себе отношения.

Это еще не все. Эта женщина — *русская* государыня, с которой современная Россия, столь жадно изучаемая в настоящее время и все же столь загадочная, находится в прямой непосредственной связи. Действительно, Екатерина по приезде в свое новое отечество сумела с изумительной гибкостью примениться к новой среде, в которой ей приходилось отныне жить; но, в свою очередь, Екатерина и на среду эту произвела взаимное действие; она во многих отношениях вылепила ее по своему образцу и наложила на нее неизгладимую печать своей могучей личности. Чтобы проникнуть в тайну великой политической и социальной организации, огромную тяжесть которой уже



Портрет Екатерины II. Художник *Ф. С. Рокотов*



начинает чувствовать Европа, следует прежде всего обратиться к Екатерине; современная Россия в большей своей части является лишь наследием великой государыни; к ней же следует обращаться для проникновения в тайны некоторых русских душ: в каждой из них кроется нечто, свойственное Екатерине Великой.

Материалы, которыми мы пользовались, почти недоступны большой европейской публике. Доступ к ним загражден не только малоизвестностью языка, но и разбросанностью их по разным сборникам, названия которых даже неизвестны. Мы дополнили их личными изысканиями в различных архивах, в особенности в столь богатых во всех отношениях архивах Министерства иностранных дел во Франции.

Что касается духа, одушевляющего наш труд, я надеюсь, что всем станет ясно, что мы решительно ступевывались перед собранными нами свидетельствами, заботясь лишь о проверке их подлинности и степени их значения. Нам сдается, что настал час, когда голос их может быть всюду услышан и должен быть терпим. Через год пройдет уж целое столетие над могилой Екатерины. На этом расстоянии и на вершине, на которую потомство поставило ее память, история может делать свое дело, не причиняя ни обиды, ни вреда кому бы то ни было. Что бы она ни сделала, она лишь прибавит один барельеф к памятнику, воздвигнутому восторгом и благодарностью великого народа одному из предметов величайшей своей славы. Вольтер, пожалуй, пошел слишком далеко, утверждая, что «у потомства никогда не будет недоразумений с его императрицей». Но он мог с полным правом предполагать, что чувство уважения будет вечно лежать в основе тех законных поправок, которые историческая критика сочтет своим долгом внести в иллюзии, ошибки и увлечения далекого прошлого.

# Книга первая ВЕЛИКАЯ КНЯГИНЯ

## Часть первая ОТ ШТЕТТИНА ДО МОСКВЫ

### Глава 1 НЕМЕЦКАЯ КОЛЫБЕЛЬ. ДЕТСТВО

*1. Место рождения — Штеттин или Дорбург? — Спорный вопрос об отце. — Фридрих Великий или Бецкий? — Дом принцев Ангальт-Цербстских. II. Рождение Фигхен (Figchen). — Воспитание немецкой принцессы в восемнадцатом столетии. — Мадемуазель Кардель. — Путешествия и впечатления. — Эйтин и Берлин. — Предсказание. — III. Русско-немецкое свойство. — Русское влияние в Германии; соперничество немцев в России. — Потомство царя Алексея, привитое к двум германским стволам. — Голициния или Брауншвейг. — Торжество Елизаветы; Петр Ульрих становится ее наследником. — Русский курьер в Цербсте*

#### I

Лет пятнадцать тому назад маленький уголок старинного немецкого городка был охвачен волнением: предполагалось выстроить в этой местности железную дорогу, которая по обыкновению нарушала укоренившиеся привычки, разрушала старые дома и уничтожала сады, где гуляло несколько поколений подряд. Среди предметов, которым угрожало бессердечие инженеров, возбуждавшее отчаяние местных жителей, была липа весьма почтенного вида; она, казалось, была предметом специального культа и особенно жгучих сожалений. Все-таки железная дорога была проведена. Липу не срубили, но ее вырыли из уголка земли, где она пустила корни, и пересадили в другое место. С целью оказания ей большего почета ее посадили против нового вокзала. Она оказалась равнодушной к подобной чести и засохла. Из нее сделали два стола: один из них преподнесли королеве прусской Елизавете, а другой — русской императрице Александре Федоровне. Жители Штеттина называли эту липу «императорской» (Kaiserlinde); если верить их словам, она была посажена немецкой принцессой, называвшейся тогда Софией Ангальт-Цербстской, а в просторечии Фигхен (Figchen). Принцесса охотно играла на большой городской площади с резвившимися здесь детьми; впоследст-

вии же, — они хорошенько и не знали, как это случилось, — она превратилась в императрицу Всероссийскую под именем Екатерины Великой.

Екатерина действительно провела часть своего детства в этом старом померанском городке. Увидела ли она в нем также свет? Редко случалось, чтобы место рождения великих людей современной истории вызывало те же споры, что возникли в прежние времена вокруг колыбели Гомера. Следовательно, происшедшее в этой области относительно Екатерины является одной из особенностей ее судьбы. Ни в одной приходской книге в Штеттине не сохранилось и следа ее имени. Тот же факт повторился и с принцессой Вюртембергской, супругой Павла I, но ему можно подыскать объяснение; ребенка, вероятно, окрестил священнослужитель лютеранской церкви, ректор или президент, не причисленный к приходу. Однако нашлась одна заметка, казавшаяся подлинной и основательной и указывавшая на Дорнбург как на место рождения и крещения Екатерины, и весьма серьезные историки приводили эти данные в связи с самыми странными предположениями. Дорнбург был родовой резиденцией дома Ангальт-Цербст-Дорнбург — именно семьи Екатерины. Не жила ли там ее мать некоторое время около 1729 г. и не приходилось ли ей часто встречаться с молодым принцем, которому едва исполнилось 16 лет и который недалеко оттуда вел угрюмую жизнь в обществе своего мрачного отца? Немецкий историк Зугенгейм не побоялся указать на этого молодого принца, известного впоследствии под именем Фридриха Великого, как на «отца инкогнито Екатерины».

Письмо принца Христиана-Августа Ангальт-Цербстского, официального отца Екатерины, по-видимому, лишает это смелое предположение всякого правдоподобия. Оно помечено 2 мая 1729 г., написано в Штеттине, и принц объявляет в нем, что в тот же день, в два с половиной часа ночи у него родилась дочь в *этом городе*. Эта дочь не может быть иная, чем та, о которой идет речь. Христиан-Август не мог не знать, где родятся его дети, хотя, может быть, он и не был достаточно осведомлен о том, каким образом они появлялись на свет. Существуют еще и другие доводы. Ничем не доказано, что Дорнбург принимал в своих стенах мать Екатерины незадолго до рождения последней; скорее даже вполне достоверно доказано обратное. Принцесса Цербстская, оказывается, провела часть 1728 года очень далеко и от Дорнбурга и от Штеттина, а именно, в Париже. Как известно, Фридрих никогда не был в Париже. Он даже чуть не поплатился головой за одно желание его посетить, как недавно рассказал историк Лависс со свойственным ему тонким талантом.

Но воображение историков, даже немецких, неиссякаемо. За отсутствием Фридриха, в 1728 г. в русском посольстве в Париже находился молодой человек, незаконный сын знатной семьи, несомнен-

но посещавший принцессу Ангальт-Цербстскую. Следовательно, мы опять попали на след другого романа и другого предполагаемого отца. Этот молодой человек именовался Бецким и стал впоследствии знатным вельможей. Он умер в Петербурге в очень преклонном возрасте; говорят, что, посещая этого старца, которого она окружала заботами и нежным попечением, Екатерина наклонялась над его креслами и целовала его руку. Этого оказалось достаточно для того, чтобы немецкий переводчик «Воспоминаний» Массона пришел к убеждению, которое мы, однако, не можем разделить. Таким образом, пожалуй, не окажется во всей истории восемнадцатого века ни одного знатного рождения, которое не давало бы пищи аналогичным предположениям.

Мы не станем их дальше оспаривать. Женщина, носившая впоследствии имя Екатерины Великой, по-видимому, родилась в Штеттине, и ее родители по закону и, насколько нам известно, по природе были: принц Христиан-Август Цербст-Дорнбург и принцесса Иоанна-Елизавета Голштинская, его законная супруга. Наступило время, как мы увидим, когда малейшее деяние этого ребенка, столь скромно вступившего в жизнь, было отмечено самыми достоверными числами, и жизнь его прослежена день за днем, почти час за часом. Это послужило ей отмщением и вместе с тем мерилom пути, пройденного ее лучезарной судьбой.

Но что представляло в 1729 г. рождение маленькой принцессы Цербстской? Княжеская семья этого имени — одна из тех, которыми Германия кишела в то время, — являлась ветвью Ангальтского дома, насчитывавшая их восемь. До того времени, как неожиданное счастье озарило его небывалым сиянием, ни одно из разветвлений этого корня не потревожило эхо славы. Вскоре окончательное пресечение всего рода подрезало эти зачатки известности. Не имев истории до 1729 г., Ангальт-Цербстский дом перестал существовать в 1793 г.

## II

Родители Екатерины не жили в Дорнбурге. Заботы направили их в другое место. Отец ее должен был зарабатывать свой хлеб (он родился в 1690 г.) и принужден был поступить на службу в прусскую армию. Он воевал с Нидерландами, с Италией, с Померанией, со Швецией и Францией. Тридцати одного года он заслужил эполеты генерал-майора; тридцати семи лет он женился на принцессе Иоанне-Елизавете Гольштейн-Готторпской, младшей сестре того самого принца Карла, который чуть было не сел на российский престол рядом с Елизаветой и в лице которого она вечно оплакивала обожаемого жениха. В этом заключалось какое-то предопределение. Христиан-Август, назначенный командиром пехотного Ангальт-Цербст-

ского полка, должен был отправиться в Штеттин, чтобы принять над ним командование. То была настоящая гарнизонная жизнь.

Христиан-Август был образцовым супругом и отцом. Он очень любил своих детей. Но, ожидая сына, он был сильно разочарован, когда родилась Екатерина. Первые годы детства Екатерины были этим омрачены. Когда принялись заниматься этим периодом ее жизни, — а заинтересовались им впоследствии страстно, — воспоминания свидетелей его значительно потускнели. Сама она неохотно их освежала, отвечая с непривычной ей скрытностью на предлагаемые ей по этому поводу вопросы. «Я не вижу тут ничего интересного», писала она Гримму, самому смелому ее вопрошателю. Впрочем, и ее воспоминания не отличались точностью. «Я родилась, — говорила она, — в доме Грейфенгейма, на Mariekirchenhof». Однако в Штеттине нет и никогда не было дома этого имени. Командир 8 пехотного полка жил на Dom-Strasse, в доме № 791, принадлежавшем председателю коммерческого суда в Штеттине, фон Ашерлебену. Квартал, где находилась эта улица, назывался Грейфенгаген (Greifenhagen). Дом переменил и номер и владельца. Он принадлежит теперь советнику *Движу* и помечен № 1. На одной выбеленной стене замечается черное пятно, являющееся единственным следом, оставленным пребыванием великой императрицы, — то следы дыма от жаровни, зажженной 2 мая 1729 г. около колыбели Екатерины. Сама колыбель исчезла. Она находится в Веймаре.

Названная при крещении Софией-Августой-Фредерикой, в честь трех ее теток, Екатерина для всех была просто *Figchen* или *Fichchen*, как писала ее мать, — по-видимому, уменьшительное от слова *Sophiechen*. Вскоре после ее рождения родители ее переселились в штеттинский замок, заняв левое его крыло, находившееся возле церкви. Фигхен были отведены три комнаты; из них одна — ее спальня — была рядом с колокольной. Таким образом ей представилась возможность подготовить свой слух к оглушительному трезвону православных церквей. Может быть, само Провидение это устроило! Там она росла и воспитывалась, весьма просто. Штеттинские улицы действительно были свидетельницами ее игр с детьми местной буржуазии, ни один из которых, несомненно, и не думал величать ее по титулу. Когда матери этих детей посещали замок, Фигхен выходила им навстречу и почтительно целовала полу их платья. Таково было желание ее матери, имевшей иногда мудрые мысли. Это, впрочем, случалось с ней нечасто.

Однако у Фигхен было много учителей, кроме особой приставленной к ней гувернантки, — конечно, француженки. В то время в каждом более или менее значительном немецком доме были французские гувернеры и гувернантки. Это явление было одним из косвенных следствий отмены Нантского эдикта. Они преподавали французский язык, французские изысканные манеры и любезности. Они

учили тому, что сами знали, а большинство кроме этого ничего и не знало. Таким образом и у Фигхен появилась мадемуазель Кардель. Кроме того, у нее были французский капеллан Перо (Péraud) и учитель чистописания, тоже француз, Лоране (Laurent). Несколько местных учителей дополняли собой этот довольно обильный педагогический персонал. Некий Вагнер обучал Фигхен родному языку. Музыкой занимался с ней также немец, Религ (Roellig). Впоследствии Екатерина вспоминала первых воспитателей своей юности с чувством умиленной благодарности, но с примесью некоторого шаловливого юмора. Она, однако же, отводила особое место мадемуазель Кардель, «знавшей почти все, хотя сама она никогда не училась, почти как и ее ученица», говорившей ей, что у нее «неповоротливый ум», и каждый день напоминавшей ей, чтобы она опускала свой подбородок. «Она находила, что он необыкновенно длинен, — рассказывала Екатерина, — и думала, что, вытягивая его вперед, я рискую толкнуть им встречающих людей». Добрая мадемуазель Кардель, вероятно, не подозревала, какие встречи выпадут на долю ее ученицы! Однако она не только выправляла ее ум и заставляла ее опускать подбородок: она давала ей читать Расина, Корнеля и Мольера и отвоевывала ее от немца Вагнера, его немецкой педантичности, его померанской неповоротливости и от нелепости его «Prüfungen», оставивших по себе ужасное впечатление в душе Екатерины. Несомненно, она сообщила ей и долю своего ума — ума парижанки, сказали бы мы сегодня, живого, острого и непосредственного. Сказать ли? Она, по-видимому, оказала ей еще большую услугу, спасая ее от ее матери и не только от пощечин, расточаемых ею будущей императрице по каждому самому пустячному поводу, повинувшись «не разуму, а настроению», а главным образом от духа, присущего супруге Христиана-Августа, которым она заражала всех окружающих и с которым мы познакомимся впоследствии: духа интриги, лжи, низких инстинктов, мелкого честолюбия, отражавшего в себе целиком душу нескольких поколений германских мелких князьков. В общем мадемуазель Кардель вполне заслужила меха, присланные ей ее ученицей по приезде ее в Петербург.

Важным дополнением к обставленному таким образом воспитанию служили частые путешествия Фигхен и ее родителей. Жизнь в Штеттине не представляла ничего привлекательного для молодой женщины, жаждавшей веселья, и молодого полкового командира, изъездившего пол-Европы. Поэтому предлоги к путешествиям всегда принимались с радостью, а их было немало при наличности большой семьи. Ездили в Цербст, в Гамбург, в Брауншвейг, в Эйтин, встречая всюду родных и не роскошное в общем, но радушное гостеприимство. Доезжали и до Берлина. В 1739 г. принцесса София впервые увидела в Эйтине того, у кого ей суждено было вырвать по-

лученный ею престол. Петру-Ульриху Голштинскому, сыну двоюродного брата ее матери, было тогда одиннадцать лет, а ей десять.

Эта первая встреча, прошедшая тогда незаметно, не произвела на Фигхен благоприятного впечатления. По крайней мере, она утверждала это впоследствии в своих воспоминаниях. Он показался ей тщедушным. Ей сказали, что у него был скверный характер и — что кажется почти невероятным — что он имел уже пристрастие к спиртным напиткам. Другое путешествие как будто оставило более глубокий след в ее молодом воображении. В 1742 и 1743 г. в Брауншвейге, у вдовствующей герцогини, воспитавшей ее мать, католический каноник, занимавшийся хиромантией, рассмотрел на ее руке три короны и не увидел ни одной на руке хорошенькой принцессы Бевернской, которую в то время старались выдать хорошо замуж. В поисках мужа наткнуться на корону — вот в чем состояла мечта, общая всем этим немецким принцессам!

В Берлине Фигхен увидела Фридриха, но он не обратил на нее внимания; а она, в свою очередь, им не занималась. Он был великим королем и стоял на пороге великолепной карьеры; она была лишь девочкой, по-видимому, предназначенной украшать собой микроскопический двор, затерянный в каком-нибудь уголке империи.

В общем, таковы были воспитание и вступление в жизнь всех немецких принцесс того времени. Впоследствии Екатерина не без некоторой рисовки подчеркивала пробелы и недостатки этого воспитания. «Что ж? — говаривала она, — меня воспитывали, чтобы я вышла замуж за какого-нибудь мелкого соседнего принца, и соответственно этому меня и учили всему, что тогда требовалось. Ни я, ни мадемуазель Кардель ничего этого не ожидали». Баронесса Принтен, статс-дама принцессы Цербстской, говорила, не обвиняясь, что, пристально следя за ходом учения и успехами будущей императрицы, она не обнаружила в ней никаких особенных качеств и дарований. Она предполагала, что Екатерина будет «заурядной женщиной». Мадемуазель Кардель также не подозревала, по-видимому, что, поправляя тетради своей ученицы, она является, как однажды выразился восторженный Дидро, «подсвечником, носящим свет ее эпохи».

### III

Однако в этой скромной жизни было нечто, что приближало принцессу Софию к ее будущей судьбе. Она была лишь маленькой немецкой принцессой, воспитывавшейся в маленьком немецком городе, окруженном жалким, печальным, песчаным горизонтом. Но близкое соседство бросало на него гигантскую тень, принимавшую вид привидения или чарующего миража. В этой провинции еще незадолго до того по городу расхаживали солдаты, показывая странные мундиры и нарождающийся престиж державы, недавно появившейся-

ся в Европе и внушавшей уже удивление и ужас, возбуждавшей беспредельные опасения или надежды. В самом Штеттине подробности осады, которую недавно пришлось выдержать от великого Белого царя, оставались у всех в памяти. В семье Фигхен Россия, огромная и таинственная Россия, ее бесчисленное войско, неисчерпаемые богатства, самодержавные ее государи служили беспрестанной темой интимных разговоров, к которым присоединялась, может быть, и некоторая доля вождлений и даже смутное предчувствие. Почему же нет? Вследствие браков, соединивших дочь Петра I с принцем Голштинским, внучку Иоанна, брата Петра, с герцогом Брауншвейгским, целая сеть взаимных нитей и притяжений образовалась между великой северной державой и многочисленным племенем хилых немецких княжеств. Семья Фигхен оказалась особенно втянутой в эту сеть. Когда в 1739 г. в Эйтине Фигхен встретила своего троюродного брата Петра-Ульриха, она узнала, что мать его была русской царевной, дочерью Петра Великого. Она узнала и историю другой дочери Петра Великого, Елизаветы, едва не ставшей невесткой ее матери.

Вдруг разнеслась весть о восшествии на престол этой самой принцессы, печальной невесты принца Карла-Августа Голштинского. 9 декабря 1741 г. Елизавета посредством одного из переворотов, становившихся частыми в истории северной дворцовой жизни, положила конец царствованию маленького Иоанна Брауншвейгского и регентству его матери. Каков же должен был быть отклик этого события в семейном кругу, где росла Екатерина! Разлученная жестокою судьбой с избранным ею супругом, новая императрица сохранила не только о молодом принце, но и о всей его семье трогательное воспоминание. Незадолго еще до того она просила прислать портреты братьев покойного принца. Очевидно, она не могла забыть и его сестры. В то время мать Фигхен несомненно припомнила предсказание каноника-хироманта. Как бы то ни было, она не замедлила написать своей двоюродной сестре и принести ей свои поздравления. Ответ на них способен был поощрить нарождающиеся надежды. Елизавета ответила не только любезно, но и нежно, объявляя себя очень тронутой вниманием, и просила прислать портрет своей сестры, принцессы Голштинской, матери принца Петра-Ульриха. Она, по-видимому, собирала коллекцию портретов; не крылось ли в этом какое-то таинственное указание?

Тайна вдруг разоблачилась. В январе 1742 г. принц Петр-Ульрих, «чертушка», как обыкновенно звала его императрица Анна Иоанновна, которую беспокоило его слишком близкое родство с русским царствующим домом, маленький троюродный брат, мельком виденный Фигхен, исчез из Киля и появился через несколько недель в Петербурге: Елизавета вызвала его, чтобы объявить своим наследником.

Это событие не оставляло места сомнениям. В России, бесспорно, взяла верх голштинская кровь, кровь матери Фигхен, и восторжест-



вовала она над брауншвейгской кровью. Голштиния или Брауншвейг, потомство Петра Великого или потомство его старшего брата Иоанна, умерших без прямых наследников мужского пола, — вся история русского царствующего дома с 1725 г. заключалась в этой дилемме. По-видимому, торжествовала Голштиния, и тотчас же счастье нового императорского принца, едва установившись, начало уже отражаться на его скромных родственниках в Германии. Лучи его достигли и Штеттина. В июле 1742 г. отец Фигхен был возведен Фридрихом в чин фельдмаршала — это была любезность, по-видимому, по адресу Елизаветы и ее племянника. В сентябре секретарь русского посольства в Берлине привез самой принцессе Цербстской портрет государыни, обрамленный великолепными бриллиантами. В конце того же года Фигхен отправилась с матерью в Берлин, где знаменитый французский художник Пэн написал ее портрет. Фигхен знала, что этот портрет должен быть отправлен в Петербург, где любоваться им будет не одна императрица.

Однако прошел целый год, не принеся с собой более решительных событий. В конце 1743 г. вся семья оказалась в сборе в Цербсте. Вследствие пресечения старшей ветви, незадолго перед тем цербстский престол перешел во владение родного брата Христиана-Августа. Весело отпраздновали Рождество среди небывалого комфорта и веселых предположений насчет будущего, не говоря уж о более смелых мечтаниях. Не менее весело начали и новый год, когда эстафета, прискакавшая во весь опор из Берлина, заставила вскочить со своих стульев не только порывистую Иоанну-Елизавету, но и ее более положительного супруга. На этот раз оракулы были правы, и хиромантия торжествовала блестящую победу: эстафета привезла письмо от Брюммера, гофмейстера великого князя Петра, бывшего Петра-Ульриха Голштинского, и письмо это, адресованное на имя Иоанны-Елизаветы, приглашало ее немедленно пуститься в дорогу вместе со своей дочерью, чтобы посетить императорский двор либо в Петербурге, либо в Москве.

## Глава 2

### ПРИБЫТИЕ В РОССИЮ. СВАДЬБА

*I. Выбор будущей императрицы. — Соперничество и интриги. — Роль Фридриха II. — II. Отъезд в Россию. — Путешествие. — От Берлина до Риги. — Россия обрисовывается. — Поезд родственницы императрицы. — Императорские сани. — Приезд в Петербург. — III. От Петербурга до Москвы. — Прием Елизаветы. — Уверенность в успехе. — Политические предприятия принцессы Цербстской. — Борьба с Бестужевым. — IV. Великий князь. — Воспитание кандидата на престолы России и Швеции. — Два немецких преподавателя. — Брюммер и Штелин. — Дебют Фигхен. —*

*Она учится русскому языку. — Болезнь и выздоровление. — Религиозный вопрос. — Пастор или русский священник? — V. Мать Фихен намеревается управлять Россией. — Неподозреваемая опасность. — В Троице-Сергиевой Лавре. — Катастрофа. — Отозвание Шетарди. — Торжество Бестужева. — Портрет Елизаветы. — VI. Обращение принцессы Софии в православную веру. — Сопроотивление Христиана-Августа. — Публичное исповедание. — Обручение. — Екатерина Алексеевна. — Путешествие в Киев. — Мать и дочь. — Жених и невеста. — Болезнь великого князя. — Жизнь в Петербурге. — Граф Гилленборг. — Пятнадцатилетний философ. — VII. Свадьба. — Церковные и придворные торжества. — Апартаменты новобрачных. — Морская церемония: «девушка русского флота». — Отъезд принцессы Цербтской*

## I

Брюммер был старинный знакомый принцессы Иоанны-Елизаветы. Он был гувернером великого князя и, по всей вероятности, сопровождал своего воспитанника и в Эйтин. Письмо его было пространно и исполнено подробными указаниями. Принцессе следовало собраться возможно скорее, и свита ее, сокращенная до минимума, должна была состоять из одной статс-дамы, двух горничных, одного офицера, повара и двух или трех лакеев. В Риге ее будет ожидать приличная свита, которая и проводит ее до места пребывания двора. Ее мужу было строго воспрещено ее сопровождать. Ей надлежало хранить цель своего путешествия в глубокой тайне. На расспросы ей следовало отвечать, что она едет к императрице, чтобы поблагодарить ее за оказанные ей милости. Ей разрешалось, однако, открыться Фридриху II, которому все было известно. К письму был приложен чек на одного берлинского банкира, предназначенный на покрытие путевых расходов. Сумма была скромная: 10 000 р., но, по словам Брюммера, важно было не возбуждать подозрений присылкой более значительного куша. Переступив границу России, принцесса ни в чем нуждаться не будет.

Само собой разумеется, что Брюммер посылал это приглашение, похожее на приказание, и властные инструкции от имени императрицы. Впрочем, он не пояснял намерений государыни. Другой человек взял на себя этот труд. Через два часа после приезда первого курьера прискакал второй и привез письмо от прусского короля. Фридрих все объяснял. Он, впрочем, приписывал себе решение, принятое Елизаветой, остановившей свой взор на молодой принцессе Цербтской. Он в это дело действительно вмешался, и вот каким образом.

Матримониальные вожделения, конечно, не замедлили возгореться вокруг «чертушки», ставшего наследником лучезарной короны. Вскоре, начиная с бывшего гувернера великого князя, немца Брюм-

мера, и кончая лейб-медиком императрицы, французом Лестоком, каждое лицо, игравшее роль при дворе, превосходившем по интригам все дворы Европы, имело свою кандидатку и партию, поддерживавшую ее. Заходила поочередно речь о французской принцессе, о саксонской принцессе, дочери польского короля, о сестре короля прусского. Саксонский проект, поддерживаемый всемогущим канцлером Бестужевым, имел одно время наибольшие шансы на успех.

«Саксонский двор, — писал впоследствии Фридрих, — будучи раболепным слугой России, намеревался пристроить принцессу Марианну, вторую дочь польского короля, с целью усилить свое влияние... Русские министры, настолько алчные, что они, кажется, способны были бы торговать самой императрицей, продали преждевременно свадебный контракт: они получили щедрые дары, а король польский лишь слова...»

Принцесса Саксонская была шестнадцати лет от роду; она была тщательно воспитана и представляла подходящую партию; к тому же этот брак должен был служить основанием обширной комбинации, имевшей целью, согласно замыслам Бестужева, соединить Россию, Саксонию, Австрию, Голландию и Англию, т. е. три четверти Европы, против Пруссии и Франции. Эта комбинация не удалась, и неудаче ее всеми силами способствовал Фридрих. Однако он отказался расстроить эти планы кандидатурой своей сестры, принцессы Ульрики, которая пришлась бы по вкусу Елизавете. «Было бы жестоко, — говорил он, — принести в жертву эту принцессу». На некоторое время он предоставил своего посланника, Мардефельда, его собственным, довольно ограниченными силам и силам его французского коллеги, де ла Шетарди, также не особенно значительным в то время. Мардефельд находился в немилости с некоторых пор, и Елизавета подумывала даже о том, чтобы заставить его отозвать. Что касается де ла Шетарди, то, сыграв значительную роль при восшествии на престол новой императрицы, он сделал ошибку и не сохранил за собой завоеванного им положения. Он оставил свой пост и, вернувшись на него, не нашел уже прежних привилегий. Впрочем, его правительство его не поддерживало и заставляло его поминутно требовать инструкций. Он даже спрашивал себя: «Может быть, король все так же настроен против намеков на возможность брака великого князя с одной из сестер короля, сделанных после восшествия на престол императрицы?»

Однако Фридрих не дремал. Мысль об отправке в Петербург портрета, написанного Пэном в Берлине, исходила от него. Одному из братьев матери Фигген, принцу Августу Голштинскому, было поручено преподнести его царице. Портрет был неважен — по-видимому, Пэн уже состарился. Однако он понравился императрице и ее племяннику. В решительную минуту, в ноябре 1743 г., Мардефельд получил приказание решительно выдвинуть принцессу Цербстскую

или, если она не понравится, одну из принцесс Гессен-Дармштадтских. Не пользуясь личным влиянием, прусский агент и его французский коллега решили заручиться помощью двух упомянутых нами лиц Брюммера и Лестока, и, по свидетельству де ла Шетарди, результатом этого союза была победа. «Они представили государыне, что принцесса из влиятельного дома не окажется достаточно покладистой... Они также ловко воспользовались некоторыми духовными лицами, чтобы внушить ее величеству, что, вследствие незначительного различия между обеими религиями, католическая принцесса будет опаснее и в этом смысле». Может быть, орудуя далее в этом направлении, они подчеркнули и наличие сговорчивого отца в лице принца Цербстского, который, по словам Шетарди, «был славным малым сам по себе, хотя и необыкновенно ограниченным». Словом, в первых числах декабря Елизавета поручила Брюммеру написать письмо, взволновавшее несколько недель спустя мирный двор, где Екатерина росла под строгим надзором мадемуазель Кардель.

## II

Сборы принцессы Елизаветы и ее дочери своею поспешностью удовлетворили бы Брюммера. Никто и не думал о составлении приданого для Фигхен. «Два или три платья, дюжина сорочек, столько же чулок и носовых платков» — вот все, что она взяла из родительского дома. Раз обещано было, что в России ни в чем недостатка не будет, к чему было тратить? Впрочем, и времени на то не было. Фридрих и Брюммер слали письмо за письмом, настаивая на скором отъезде. Между тем торопить принцессу Иоанну-Елизавету было нечего. «Ей недостает только крыльев, чтобы скорее лететь», писал Брюммер Елизавете. Впрочем, по-видимому, принцесса и не намеревалась окружить особенным блеском первое появление своей дочери в России. Перечитывая ее переписку с Фридрихом в ту минуту, удивляешься, как мало попечений она уделяла будущей великой княгине. Возникает вопрос, действительно ли речь идет о свадьбе Фигхен, и предпринимаемое путешествие в Россию имеет ли в самом деле эту цель? В этом можно усомниться. Иоанна-Елизавета едва даже намекает на это. Она главным образом думает о себе, о великих планах, возникающих в ее голове, которые она намеревается развернуть на достойной ее умения арене, об услугах, которые она собирается оказать своему державному покровителю и за которые она, как будто загодя, требует достойного вознаграждения. В этом смысле она и думала действовать в Петербурге и в Москве.

Знала ли Фигхен, о чем шла речь и в каких целях, добрых или дурных, ей приказывали укладываться? Этот пункт спорный. Она, несомненно, догадывалась, что дело было не в простой экскурсии, подобной предпринятым раньше, в Гамбурге или Эйтине. Продол-

жительность и горячность споров между ее отцом и матерью перед отъездом, необычайная торжественность проводов и прощания ее дяди, принца Иоанна-Людвига, даже небывалая роскошь подарка — великолепная голубая материя, затканная серебром, — которым он сопроводил последние свои излияния, все это предвещало необыкновенные события.

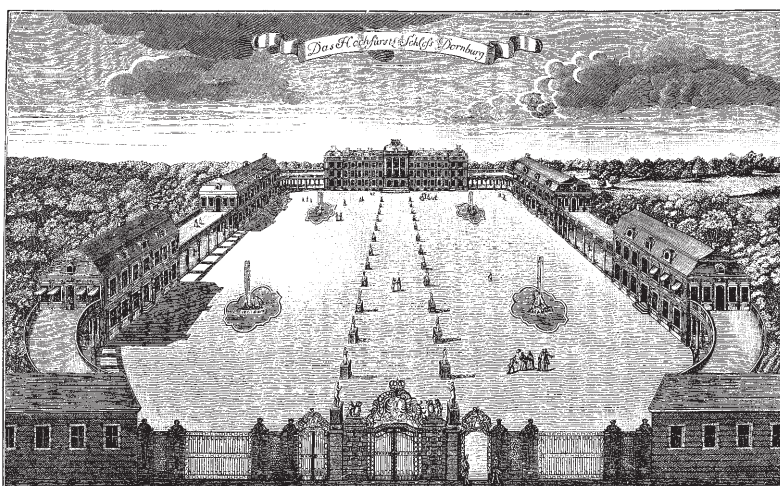
Отъезд состоялся 10 или 12 января 1744 г., причем не произошло никаких инцидентов. В ратуше в Цербсте до сих пор еще показывают чашу, из которой будто бы принцесса Иоанна-Елизавета пила за здоровье именитых граждан, торжественно собравшихся, чтобы пожелать ей счастливого пути. Вероятно, это лишь легенда. Однако в минуту отъезда случилось одно происшествие. Нежно поцеловав свою дочь, принц Христиан-Август вручил ей толстую книгу, прося тщательно ее беречь и добавив с таинственным видом, что ей вскоре придется к ней прибегнуть. Одновременно он передал и жене рукопись, чтобы она отдала ее дочери, после того как сама прочтет и тщательно обдумает содержание. Книга эта была трактатом Гейнекция о греческой религии. Рукопись являлась плодом ночных размышлений Христиана-Августа и была озаглавлена: «Pro memoria»; он пытался выяснить в ней вопрос: может ли Фигхен каким-нибудь образом стать великой княгиней, не меняя религии? Это являлось главной заботой Христиана-Августа и предметом супружеских споров, привлечших внимание Фигхен и сопровождавших пригласение к отъезду. Христиан-Август оказался непоколебимым в этом вопросе, между тем как Иоанна-Елизавета была гораздо более склонна признать необходимость, нераздельную с новой судьбой ее дочери. Почему-то отец Фигхен пожелал лично дать своей дочери оружие против покушений, оскорблявших его. Труд Гейнекция и долженствовал служить этой цели. То была тяжелая крепостная артиллерия. «Pro memoria» заключала в себе соображения и советы другого порядка, в которых отражались практический ум, свойственный самым возвышенным немецким душам, и мелочные привычки двора, подобного Цербстскому или Штеттинскому. Он советовал будущей великой княгине оказывать крайнее уважение и беспрекословное повиновение тем, от кого зависела отныне ее судьба; выше всего ей подлежало ставить желания ее супруга; ей следовало избегать слишком интимного сближения с кем бы то ни было из окружающих ее лиц. В приемных залах ей надлежало не разговаривать ни с кем в отдаленности. Ей надо было беречь свои карманные деньги, дабы не подпасть под власть гофмейстерины. Наконец, она в особенности не должна была вмешиваться в дела управления. Все это было изложено на жаргоне, представляющем любопытный образчик обычного языка той эпохи, того немецкого языка, который Фридрих презирал не без причины, судя по следующему отрывку: «*Nicht in familiarité oder badinage zu entriren, sondern allezeit einigen égard sich conserviren. In*



Христиан-Август, князь Ангальт-Цербстский, герцог Саксонский, отец русской императрицы Екатерины II



Иоганна-Елизавета, княгиня Ангальт-Цербстская, мать русской императрицы Екатерины II.  
*С портрета работы И.М. Бернигерота*



Дорнбург. Загородный дворец принцев Ангальт-Цербстских.  
*С картины Г. Х. Гроота*

*keine Regierungssachen zu entriren, um den Senat nicht aigriren*». И так далее.

Два месяца спустя Фигхен горячо благодарила отца за эти «мило- стивые советы». Увидим далее, как она ими воспользовалась.

В Берлине, где обе принцессы остановились на несколько дней, будущая императрица последний раз в жизни увидела Фридриха Ве- ликого. В Шведте-на-Одере она распрощалась навеки с отцом, со- провождавшим их до этого города. Он вернулся в Штеттин, а Иоан- на-Елизавета направилась через Штаргарт и Мемель в Ригу. Это пу- тешествие, в особенности в то время года, не представляло ничего приятного. Снега не было, но острый холод заставлял обеих женщин закрывать лицо маской. Не было комфортабельных пристанищ, где можно было бы отдохнуть. Приказания Фридриха, отрекомендовав- шего графиню Рейнбек — принцесса путешествовала под этим име- нем — прусским почтмейстерам и бургомистрам, не могли ничего из- менить к лучшему. «Так как комнаты в почтовых домах не отаплива- лись, то приходилось ютиться в комнате самого почтмейстера, ничем не отличавшейся от свиного хлева: муж, жена, сторожевой пес, куры, дети спали вповалку в колыбелях, в кроватях, за печами, на матрацах». После Мемеля было еще хуже. Не было даже почтовых дворов. При- ходилось обращаться к крестьянам, чтобы достать лошадей, а их надо было двадцать четыре для четырех тяжелых дорожных карет, везших принцесс и их свиту. К каретам в предвидении снега, который мог бы встретиться по мере движения на север, были привязаны сани. Внеш- ний вид поезда получал таким образом живописный оттенок, но зато затруднялось его движение. Двигались медленно. Фигхен успела даже расстроить себе желудок местным пивом.

В Митаву приехали 5 февраля в совершенном изнеможении. Там их встретили лучше, и гордость Иоанны-Елизаветы, тайно уязвленная вынужденною близостью к почтмейстерам, получила впервые удовле- творение. В Митаве был русский гарнизон, и командир, полковник Воейков, постарался принять как можно лучше столь близкую родст- венницу своей государыни. На следующий день уже приехали в Ригу.

Сцена внезапно переменилась, будто в феерии. Письма принцес- сы к своему мужу дают восторженные описания этого неожиданного превращения: гражданские и военные власти, с вице-губернатором кня- зем Долгоруковым во главе, встретили ее у въезда в город; другой вель- жожа, Семен Кириллович Нарышкин, бывший послом в Лондоне, привез парадную карету; по дороге во дворец гремели пушки и т. д. И в самом замке, уготованном для приема дальних гостей, какая рос- кошь! Великолепно меблированные комнаты, часовые у всех дверей, курьеры на всех лестницах, барабанный бой во дворе. Ярко осве- щенные залы — полны народа; придворный этикет, целование рук и низкие реверансы; обилие великолепных мундиров, чудных наря- дов, ослепительных бриллиантов; бархат, шелк, золото, невероятная,

невиданная дотоле роскошь кругом... Иоанна-Елизавета чувствует, что голова ее кружится, ей все это кажется сном.

«Когда я иду обедать, — пишет она, — раздаются звуки трубы; барабаны, флейты, гобои наружной стражи оглашают воздух своими звуками. Мне все кажется, что я нахожусь в свите ее императорского величества или какой-нибудь великой государыни; я не могу освоиться с мыслью, что это для меня, для которой в иных местах едва бьют в барабаны, а в иных местах и этого не делают». Однако она охотно все принимает и всей душой наслаждается. Что касается Фигхен, нам неизвестно, какое впечатление произвела на нее картина могущества и роскоши, внезапно раскинувшаяся перед ней. Но, несомненно, оно было глубоко. То была Россия, великая, таинственная Россия, являющаяся ей и заставляющая ее предвкушать будущее великолепие.

9 февраля снова пустились в путь. Поехали в Петербург, где по желанию государыни им следовало остановиться на несколько дней, а затем уже ехать к ней в Москву. Принцессы должны были воспользоваться своим пребыванием в столице, чтобы применить свой туалет к общепринятой моде. Со стороны Елизаветы это был деликатный способ исправить угаданные или сообщенные заранее неисправности и нехватки в гардеробе Фигхен. Несомненно, со своими тремя платьями и дюжиной сорочек будущая великая княгиня играла бы плачевную роль при дворе, являвшемся средоточием всякой роскоши. Сама государыня имела пятнадцать тысяч шелковых платьев и пять тысяч пар башмаков! Екатерина безбожно вспоминала впоследствии о бедности, сопровождавшей ее в ее новое отечество. В то время она полагала, что уплатила уже свой долг.

Само собой разумеется, что в Митаве остались тяжелые немецкие дорожные кареты. Другой поезд должен был везти обеих путешественниц по дороге к новому счастью. Принцесса Цербстская описывает его следующим образом: «1 — отряд лейб-кирасир его императорского высочества, именуемый голштинскими полками, под командой поручика; 2 — камергер князь Нарышкин; 3 — шталмейстер; 4 — офицер лейб-гвардии Измайловского полка; 5 — метрдотель; 6 — кондитер; 7 — не знаю уже, сколько поваров и их помощников; 8 — ключник и его помощники; 9 — человек для кофе; 10 — восемь лакеев; 11 — два гренадера лейб-гвардии Измайловского полка; 12 — два фурьера; 13 — не знаю сколько саней и конюхов... Среди саней есть сани, которыми пользуется ее императорское величество, так называемые «les linges» (sic!). Они ярко-красные, украшенные серебром, опущенные внутри куньим мехом. Усланы они шелковыми матрасами и такими же одеялами, поверх них лежит одеяло, присланное мне вместе с шубами, — подарок императрицы, привезенный Нарышкиным. Я буду лежать в этих санях во весь рост вместе с дочерью. У мадам Кайн (статс-дама принцессы) менее кра-



сивые сани, она едет совсем одна». Далее Иоанна-Елизавета еще более восторгается совершенствами чудесных императорских саней: «Они по форме очень длинные; верх напоминает верх наших немецких экипажей. Они обиты красным сукном с серебряными галунами. Низ устлан мехом; на него положены матрасы, перины и шелковые подушки; а сверх всего этого разостлано очень чистое атласное одеяло, на которое и ложишься. Под голову кладут еще другие подушки, а покрываются подбитым мехом одеялом; таким образом оказываешься совсем как в постели. Кроме того, длинное расстояние между кучером и задком служит еще и для других целей и полезно в том отношении, что по каким бы ухабам мы ни ехали, не чувствуется вовсе толчков; дно саней представляет ряд сундуков, куда кладешь что угодно. Днем на них сидят лица свиты, а ночью люди могут лечь на них во весь рост. Они запряжены шестью лошадьми парами, опрокинуться они не могут... все это придумано Петром Великим».

Елизаветы не было в Петербурге с 21 января. Все же в столице находилось еще много лиц, принадлежавших ко двору, и часть дипломатического корпуса. В то время путешествие в Москву являлось целым событием. Приходилось брать с собой не только людей, но и часть мебели. Отъезд государыни перемещал до ста тысяч человек и целый квартал города. Впрочем, французский и прусский посланники не позволили никому предупредить их у обеих принцесс. Оба поспешно отправились к ним. Таким образом принцесса Цербстская оказалась окруженной атмосферой искательства, почтения, чрезмерной лести, в которой уже проглядывали интриги и страстное соперничество. Она очутилась в своей стихии и сладострастно погрузилась в нее, делая приемы, давая аудиенции с утра до вечера, приглашая на «партию» выдающихся знатных людей и приучаясь к более сложной игре в политику. Через неделю она сильно утомилась. Ее дочь оказалась выносливее. «Figchen southenirt die Fatige besser, als ich», писала принцесса своему мужу. Она добавляла и следующую черточку, где проглядывает уже характер будущей Семирамиды: «Величие всего окружающего поддерживает мужество Фигхен».

Величие! Действительно, эта черта как будто сильнее всего занимает ум этой пятнадцатилетней девочки в эту минуту, когда раскрывалась перед ней тайна ожидавшей ее судьбы. Позднее, находясь на вершине своей удивительной карьеры, она сохранила как бы следы ослепления и опьянения горизонтами, развернувшимися перед ней в то время. Вместе с тем она узнает, из чего соткано это величие и как оно достигается. Ей показывают казармы, из которых Елизавета отправилась завоевывать престол; она видит и суровых гренадеров Преображенского полка, сопровождавших государыню в ночь 5 декабря 1741 г. Эти беспримерные наглядные уроки запечатлеваются в ее пытливым уме.

В уме ее матери, однако, иногда к упоению настоящей минуты

примешивается и некоторая тревога. Сквозь расточаемые ей комплименты и похвалы к ее уху прокрадываются некоторые сдержанные предупреждения и скрытые угрозы. Всемогущий Бестужев все еще противится предполагаемому браку и не складывает оружия. Он рассчитывает на епископа Новгородского, Амвросия Юшкевича, оскорбленного слишком близким родством между великим князем и принцессой Софией и, по слухам, подкупленного Саксонским двором тысячей рублей.

Влияние его значительное. Но Иоанна-Елизавета мужественна. Две причины, стоящие аргументов всех ее противников, поддерживают ее самоуверенность и веру в успех: во-первых, необыкновенное легкомыслие ее характера, вследствие чего она сама называет себя «игривым духом», и ее мнение о себе, о своих способностях интриговать и умнее преодолевать самые большие препятствия. В чем, собственно, было дело? В победе над оппозицией недоброжелательного министра. К тому было средство, о котором было говорено ею с Фридрихом при проезде ее через Берлин; оно состояло в том, чтобы устранить оппозицию, устранив самого министра, «свергнуть Бестужева». Фридрих давно уже подумывал об этом. Что ж? Она свергнет Бестужева, как только придет в Москву! Брюммер и Лесток ей в этом помогут.

### III

Это путешествие ничем не походило на путешествие из Берлина в Ригу. Почтовые дворы по дороге напоминают скорей дворцы. Сани летят по твердому снегу. Едут день и ночь, чтобы приехать в Москву 9 февраля, ко дню рождения великого князя. На последней заставе, в семидесяти верстах от Москвы, в знаменитые сани, придуманные Петром Великим, впрягают шестнадцать лошадей и в три часа сжигают это пространство. Этот головокружительный бег, однако, чуть не был прерван несчастным случаем. Проезжая одну деревню во весь дух, тяжелые сани, везомые шестнадцатью конями и еще раз везущие счастье России, ударяются об угол избы. От толчка два толстых железных бруса отрываются от покато́й крыши и, скатившись с нее, чуть не убивают обеих принцесс. Один из них ударяет Иоанну-Елизавету по груди, но шуба, в которую она закутана, ослабляет удар, дочь ее даже не проснулась. Два гренадера Преображенского полка, сидевшие на козлах, лежат в снегу с окровавленными головами и поломанными членами. Жителям села предоставляют их поднять, стегают лошадей и в восемь часов вечера останавливаются у деревянного «Головинского дворца», обитаемого государыней.

Елизавета, снедаемая нетерпением, стала за двойными шпалерами придворных, выстроившихся для встречи приезжих гостей. Ее племянник, еще более нетерпеливый, нарушает этикет и спешит в их апартаменты, где, не дав им даже снять шубы, приветствует их

самым нежным образом (*auf tendreste*). Вскоре они являются императрице, свидание сходит самым лучшим образом. Оно даже оттенено ноткой умиления, являющейся счастливым предзнаменованием. Внимательно взглядевшись в мать будущей великой княгини, императрица поворачивается и поспешно выходит. Оказывается, она хочет скрыть свои слезы, так как черты лица принцессы напомнили ей ее неутешную скорбь. Впрочем, принцесса, следуя совету Брюммера, не преминула поцеловать руку императрицы, а Елизавета чувствительна к знакам чрезвычайного почтения.

На следующий день Фигхен и ее мать одновременно производятся в кавалерственные дамы ордена Св. Екатерины — по просьбе великого князя, как уверяет их Елизавета. «Моя дочь и я живем, как королевы», пишет принцесса Цербстская своему мужу. Что касается всемогущего Бестужева, судьба его решена. Принцессе не приходится даже организовывать заговора для его свержения, так как он уже готов: перемена в судьбе Петра-Ульриха привлекла в Россию партию Франции и партию Пруссии, поддерживаемую голштинцами. По-видимому, всеми ими управляет Лесток, выдвигая вперед, в виде оппозиции Бестужеву, графа Михаила Воронцова, принимавшего участие в восшествии на престол Елизаветы. Здесь не место для характеристики министра, одного из самых замечательных дипломатических кондотьеры той эпохи, служившего многим лицам перед тем, как предложить окончательно свои услуги России. Сознает ли мать Фигхен значение затеянной ею борьбы и могущество своего соперника? Вряд ли. Она твердо помнит, что Фридрих обещал дать ее младшей сестре Кведлинбургское аббатство в случае успеха ее затеи, и она намерена получить свое аббатство. Падение Бестужева, согласно плану Фридриха, являлось бы сигналом к перемещению фигур на политической шахматной доске, следствием которого было бы сближение между Россией, Пруссией и Швецией. Как прославилась бы принцесса Цербстская, если бы ей удалось пристегнуть свое имя к подобному событию! Она чувствует, что это ей по плечу. Она — женщина, и приехала из Цербста: в этом заключается ее оправдание. Ей все кажется, что она имеет дело с маленькими интригами и жидкими политическими комбинациями, с которыми она была знакома в Цербсте; в этом и состояла ее великая ошибка вплоть до того дня, когда перед ее прозревшими глазами предстала необъятность бездны, на край которой она бессознательно ступила. О браке своей дочери она более и не заботится. «Это дело сделано», пишет она своему мужу. Фигхен всем понравилась. «Государыня ее ласкает, наследник любит ее». Что же, между тем, говорит сердце невесты? Воспоминание о первой встрече в Эйтине с тщедушным «кильским ребенком» уступило ли теперь место более благоприятным впечатлениям? Мать Фигхен и не заботится об этом. Петр — великий князь, он будет когда-нибудь императором. Сердце ее дочери было бы сделано из дру-

гого теста, чем сердца всех немецких настоящих и прежних принцесс, если бы оно не удовлетворилось обещаниями счастья, данными в такой форме. Посмотрим, однако, что стало с хилым ребенком после неожиданной перемены, внесенной в его судьбу!

#### IV

Петр родился в Киле 10 февраля 1728 г. В этот день голштинский министр Бассевич писал в Петербург, что царевна Анна Петровна родила здорового и крепкого мальчика. Под его пером то было лишь придворная лесть. Ребенок не был крепким и никогда им не стал. Мать его умерла от чахотки три месяца спустя. Его слабое здоровье и было причиной, почему воспитание его было неудовлетворительно. До семи лет он оставался на руках у нянек — как в Штеттине, так и в Киле они были француженки. У него был и учитель французского языка, Милле. В семь лет его резко заставили перейти под дисциплину офицеров голштинской гвардии. Не став еще мужчиной, он уж делается солдатом — солдатом казарменным, кордегардии и плац-парада. Вследствие этого он приобретает пристрастие к ремеслу, но к наиболее низменной его стороне, к его грубости, мелочности и вульгарности. Он участвует в учениях, несет караульную службу. В 1737 г., девяти лет, он уже сержант и по обязанностям службы стоит с обнаженным оружием у двери зала, где отец его роскошно пирует с офицерами. По мере того, как перед его глазами проносятся вкусные блюда, слезы ручьями текут по щекам ребенка. Вступив на престол, Петр называл это происшествие самым лучшим воспоминанием своей жизни.

В 1739 г., по смерти отца, наступает другой режим: появляется главный воспитатель, руководящий несколькими другими. Этот главный воспитатель — знакомый уже нам голштинец Брюммер. Рюльер восхваляет этого человека, «обладающего редкими достоинствами», и находит, что единственная его ошибка заключается в том, что он «воспитал молодого принца по самым высоким образцам, соображаясь скорей с его судьбой, чем с его умом». Другие показания касательно этого лица не столь для него благоприятны. Француз Милле утверждал, что он «годен был воспитывать лошадей, а не принцев». Он грубо обращался со своим воспитанником, подвергая его неразумным наказаниям, не соответствовавшим его хрупкому телосложению; например, он оставлял его без пищи или подвергал мукам долгого стояния на коленях *на сухом горохе, рассыпанном по полу*. Вследствие того, что маленький принц, «чертушка», упорно продолжавший жить наперекор императрице Анне, был одновременно кандидатом и на шведский и на русский престолы, его попеременно обучали то русскому, то шведскому языку, сообразно планам данного момента. В результате он не знал ни того, ни другого языка. Когда

он приехал в Петербург в 1742 г., Елизавета удивилась его отсталости. Она поручила его Штелину. Он был саксонец, переселившийся в Россию в 1735 г., профессор элоквенции, поэзии, философии Готтшедта, логики Вольфа и еще многих других предметов. Кроме своей профессорской учености, он обладал еще и множеством талантов: писал стихи по поводу придворных торжеств, переводил итальянские оперы для театра ее величества, составлял рисунки для медалей в память побед, одержанных над татарами, управлял хорами императорской капеллы, сочинял эмблемы для фейерверков и т. п.

Легко себе представить, каково было воспитание Петра среди вышеупомянутых обстоятельств! Брюммер остался при нем в качестве гофмаршала и, по свидетельству Штелина, стал еще грубее. Однажды потребовалось его вмешательство для того, чтобы предотвратить насилие над великим князем, так как голштинiec бросился на него с поднятыми кулаками, а Петр, полумертвый от страха, стал звать на помощь гренадер гвардии, стоявших на часах.

Под влиянием подобного режима характер будущего супруга Екатерины приобрел уродливые и порочные свойства: он стал одновременно несдержан и хитер, труслив и хвастлив. Он удивлял чистосердечную Фигхен своею ложью, как удивлял впоследствии весь мир своей трусостью. Однажды он захотел было повергнуть в изумление Фигхен рассказами о своих подвигах во время войны с датчанами. Она наивно спросила, когда это было. — «За три или четыре года до смерти моего отца». — «Значит, вам не было еще и семи лет!» Он очень рассердился.

Вместе с тем он оставался щедедушным, непривлекательным как в физическом, так и в нравственном отношении и обладал странной, беспокойной душой, заключенной в узком, малокровном и преждевременно истощенном теле. Фигхен, несомненно, ошиблась бы, если бы рассчитывала на его привязанность для упрочения своего положения в России, как эта привязанность ни казалась искренней Иоанне-Елизавете. Был ли он вообще способен любить, этот молодой человек столь печального образа?

К счастью для себя, Екатерина могла с самого начала полагаться, помимо всякой другой поддержки, на свои собственные силы. Ее рассказы про эту эпоху ее жизни показались бы почти невероятными, если бы мы не имели возможности проверить искренность ее повествования. Ей едва исполнилось пятнадцать лет, но уже мы замечаем в ней верный и проницательный взгляд, меткость суждений, изумительную способность схватывать положение и необыкновенно здравый смысл, составлявшие впоследствии части ее гения, может быть, даже весь ее гений. Прежде всего она поняла, что для того, чтобы остаться в России, иметь в ней значение и — как знать? — играть в ней роль, следует сделаться русской. Ее троюродный брат Петр, без сомнений, и не помышлял об этом. Но она быстро отдает себе

отчет в неловкости и тайном недовольстве, возбуждаемом его голштинским жаргоном и немецкими манерами.

Она встает ночью, чтобы повторять уроки учителя русского языка Ададунова. Она не дает себе труда одеться и ходит босиком по комнате, чтобы не заснуть, и простужается. Вскоре жизнь ее находится в опасности.

«Молодая принцесса Цербстская, — пишет Шетарди 26 марта 1744 г., — заболела воспалением легких». Саксонская партия поднимает голову. Согласно свидетельству французского дипломата, она жестоко ошибается, так как Елизавета не намерена, что бы ни случилось, дать ей воспользоваться событиями. «Она говорила третьего дня Брюммеру и Лестоку, что они тем ничего не выиграют, а ежели б она такое дражайшее дитя потерять несчастье имела, то она диаволом клялась, что саксонской принцессы, однако ж, никогда не возьмет». Впрочем, Шетарди пишет: «Брюммер мне в конфиденции открыл, что в случае бедственной крайности, которой опасаться и предусматривать надлежит, он пути приуготовил и что молодая принцесса д'Армштадтская (sic), прекрасная собою и которую король Прусский представлял, в случае когда б принцесса Цербстская успеха не получила, — всем другим принцессам предпочтена была б. Однако ж прибежище к такому способу немалым несчастьем быть имело б, и мы в том много б потеряли, в рассуждении того мнения и удостоверения, которые принцессы Цербстские, мать и дочь, обо мне имеют, что я в будущем их благополучию, которое им приуготовляется, вспомоществовал».

В то время как вокруг нее пробуждается честолюбивое соперничество, принцесса София борется со смертью. Доктора предписывают кровопускание. Ее мать этому противится. Дело передается на обсуждение императрицы; но она находится в Троицкой Лавре, погруженная в молитвы, которым она предается страстно, хотя и порывами, влагая страсть во все свои поступки. Проходит пять дней; больная все ждет. Наконец Елизавета приезжает в сопровождении Лестока и приказывает пустить кровь. Бедная Фигхен теряет сознание. Придя в себя, она видит себя в объятиях императрицы. Чтобы вознаградить ее за то, что она дала уколоть себя ланцетом, императрица дарит ей бриллиантовое ожерелье и серьги ценою в двадцать тысяч рублей, по оценке принцессы Иоанны-Елизаветы. Сам Петр обнаруживает щедрость и преподносит ей часы, осыпанные бриллиантами и рубинами. Однако ни бриллианты, ни рубины не властны над лихорадкой. В течение двадцати семи дней больной пускают кровь шестнадцать раз, иногда по четыре раза в сутки. Наконец, молодость и крепкий организм Фигхен одерживают верх и над болезнью и над лечением. Оказалось даже, что этот долгий и болезненный кризис имел на ее судьбу решительное и особенно счастливое влияние. Во-первых, насколько мать ее умудрилась опротивить всем, веч-

но препираясь с докторами, ссорясь с окружающими и со своей дочерью, которую мучила, невзирая на ее страдания, настолько Екатерина сумела, несмотря на свое положение, завоевать все сердца и привлечь все симпатии. В это время разыгралась история с материей — со знаменитой голубой материей, подаренной ей ее дядей Людвигом. Иоанна-Елизавета почему-то вздумала отнять ее у бедной Фигхен. Можно себе представить, какой шум поднялся вокруг больной по случаю этого пустого инцидента: хор упреков по адресу бесчувственной, жестокой матери, — хор симпатий в пользу дочери, жертвы столь недостойного обращения. Фигхен уступила материю и ничего от этого не потеряла. Она торжествовала, впрочем, и другие победы.

Ее болезнь сама по себе делала ее привлекательной в глазах русских. Все знали, каким образом она ее схватила. Образ молодой девушки, босиком изучающей по ночам созвучия славянского языка, невзирая на суровую зиму, пленял воображение и становился легендарным. Вскоре стало известно, что, когда она была очень плоха, мать ее хотела позвать протестантского пастора. «Это зачем? — сказала она. — Позовите лучше Симеона Тодорского». Симеон Тодорский был православный священник, которому поручили религиозное воспитание великого князя и который должен был приняться и за религиозное воспитание великой княгини.

Каковы были в данную минуту чувства принцессы Софии относительно этого щекотливого вопроса? Трудно произнести о них правильное суждение. Некоторые признаки указывают на то, что труд Гейнекция и советы, изложенные в «Pro memoria» Христиана-Августа, произвели на нее довольно глубокое впечатление. «Я молю Бога, — писала она отцу еще из Кенигсберга, — чтобы он даровал моей душе силы, необходимые для того, чтобы выдержать искушения, которым я, по-видимому, буду подвергнута. Он дарует мне эту милость молитвами вашего высочества и дорогой мамы». Со своей стороны Мардефельд был озабочен. «Меня сильно смущает лишь одно обстоятельство, — пишет он, — а именно: мать думает или делает вид, что думает, что молодой красавице нельзя будет перейти в православную веру».

Он рассказывает еще, что как-то раз пришлось призвать протестантского пастора, чтобы он успокоил ее сердце, встревоженное уроками православного священника. Вот, однако, какое представление составила себе впоследствии Екатерина, опираясь на личный опыт, о трудностях, с которыми сопряжен переход в лоно православной церкви немецкой принцессы, воспитанной в лютеранстве, о количестве времени, требуемом для одоления их, и о ходе разрешенной подобным образом нравственной задачи.

В письме к Гримму от 18 августа 1776 г. она выражается следующим образом о принцессе Вюртембергской, выбранной ею для своего сына Павла: «Как только мы ее получим, мы приступим к ее обра-

щению. На это потребуется, пожалуй, дней пятнадцать... Чтобы ускорить дело, Пастухов отправился в Мемель, где выучит ее азбуке и исповеданию веры по-русски: *убеждение придет после*.

Как бы то ни было, но отказ от лютеранского пастора — отречение от верований детства, исходящее из уст умирающей будущей великой княгини, и призыв Годорского к исповеданию православной веры — нашли сочувственный отклик в России. С этого времени положение Фигхен было обеспечено. Что бы ни случилось, она отныне могла быть уверена в том, что найдет приют в сердце наивного и глубоко религиозного народа, желающего доказать ей свою благодарность. Узы, связавшие маленькую немецкую принцессу с великим славянским народом, на языке которого она только что начинала лепетать, договор, в продолжение почти столетия соединявший их в одной славной судьбе и расторгнутый лишь смертью, — эти узы, этот договор образовались с этой минуты.

20 апреля 1744 г. принцесса София впервые после болезни появляется публично. Она еще так бледна, что императрица посылает ей банку румян, но она все-таки привлекает все взоры и чувствует, что взоры эти большей частью благожелательны. Она уже нравится и привлекает к себе. Она сияет и согревает ледяную атмосферу двора, которому она сумеет впоследствии придать столько блеска. Даже Петр становится любезнее и доверчивее. Увы! его любезность и доверчивость совершенно особого свойства: он рассказывает своей будущей супруге историю своей любви к одной из фрейлин императрицы, Лопухиной, мать которой была недавно сослана в Сибирь. Фрейлине пришлось при этом покинуть двор. Петр хотел было на ней жениться, но подчинился воле императрицы. Фигхен краснеет и, не теряя самообладания, благодарит великого князя за честь, оказываемую ей тем, что делает ее поверенной своих тайн. Таким образом, уже выясняется, какая будущность ожидает эти два столь различные существа.

## V

Тем временем принцесса Иоанна-Елизавета вполне погрузилась в свои политические предприятия. Она сошлась с семьей Трубецких и даже с Бецким, проявлявшим уже свой беспокойный характер. В ее салоне собираются все противники настоящей политической «системы», все враги Бестужева: Лесток, Шетарди, Мардефельд, Брюммер. Она интригует, замышляет, шепчется. Она смело идет вперед со свойственной нервным женщинам страстностью и присутствием ей легкомыслием; ей кажется, что в ее руках успех и Кведлинбургское аббатство. Она в воображении уже принимает поздравления Фридриха и входит в роль посланника при великом северном дворе, ставшем его лучшим и драгоценнейшим союзником. Она не видит разрывающейся у ее ног пропасти.



1 июня 1744 г. Елизавета снова отправляется в Троицкую Лавру. Путешествие совершается со всей пышностью торжественного богомолья; императрицу сопровождает половина двора, а сама она идет пешком. Вступая на престол, она дала обет возобновлять это богомолье каждый раз, как будет приезжать в Москву, в память того, что Петр I нашел в древней обители убежище во время стрелецкого бунта. Принцесса София, будучи еще слишком слабой, не могла сопровождать императрицу, и мать ее осталась с ней. Однако через три дня является курьер с письмами от Елизаветы, повелевающей обоим принцессам присоединиться к императорскому шествию, дабы присутствовать при торжественном въезде императрицы в Троицкую Лавру. Не успели они расположиться в келье, куда пришел и великий князь, как является императрица в сопровождении Лестока. Она, в большом волнении, приказывает принцессе Иоанне-Елизавете следовать за ней в соседнюю комнату. За ними идет и Лесток. Свидание длится долго, но Фигхен не тревожится этим, так как она поглощена вздорной, по обыкновению, болтовней Петра. Мало-помалу молодость и живость ее ума одерживают верх над чувством неловкости, внушаемым ей обыкновенно присутствием великого князя, и они весело разговаривают и смеются. Вдруг возвращается Лесток. «Ваша радость скоро кончится!» сказал он резко; затем, обращаясь к принцессе Софии, он прибавил: «Вам остается только укладываться». Фигхен немеет от изумления, а великий князь спрашивает, что это значит. «Сами скоро увидите», отвечает Лесток.

«Я ясно видела, — пишет Екатерина в своих «Записках», — что он (великий князь) расстался бы со мной без сожаления. Ввиду его отношения ко мне, я была к нему почти совсем равнодушна, но я не была равнодушна к российской короне». Могла ли, действительно, эта пятнадцатилетняя девочка думать уже о короне? Почему же нет? Она писала свои записки через сорок лет — если предположить, что она их писала в том виде, в каком они до нас дошли, — и неизбежно преувеличивала свои детские впечатления. «Сердце мое, — говорит она дальше, вспоминая ту же эпоху своей жизни, — не предвещало мне ничего доброго; меня поддерживало лишь честолюбие. В глубине моего сердца всегда таилось нечто, что не позволяло мне сомневаться в том, что мне удастся сделаться императрицей всероссийской по собственному своему почину». Здесь преувеличение очевидно и добавление а posteriori бросается в глаза. Но престол, разделенный с Петром, мог, пожалуй, казаться заманчивым ее детскому воображению; случилось ведь, что и более отдаленные «надежды» фигурировали в брачном приданом, и даже в настоящее время пятнадцатилетние невесты прекрасно умеют их учитывать.

Вслед за Лестоком появляется императрица, очень красная, а за ней принцесса Иоанна-Елизавета, очень взволнованная и с заплаканными глазами. При виде государыни молодые люди, сидевшие

на подоконнике и болтавшие ногами, поспешно соскакивают на пол. Эта картина как будто обезоруживает императрицу. Она улыбается, подходит к ним, целует их и выходит, не вымолвив ни слова. Тут тайна разоблачается. Уж больше месяца принцесса Цербтская, не подозревая того, ходила по mine, вырытой под ее ногами врагом, которого она думала одолеть без труда. И вот мина взорвалась.

Маркиз де ла Шетарди вернулся в Россию с репутацией самого блестящего дипломата того времени, опиравшейся на роль, сыгранную им в России. Ему было двадцать шесть лет. Он был высокого роста, строен, красивой, аристократической наружности и, казалось, предназначен был занять высокое положение при дворе, где все решения зависели от фавора, где прежде всего и главным образом надо было нравиться и где, как говорят, он раньше уже успел понравиться. Он составил себе очень ловкий план, пожалуй, даже слишком ловкий план; ему не без труда удалось заставить Версальский двор принять его. Он заключался в том, чтобы поставить падение Бестужева, т. е. отречение от австрийской политики, защищаемой им, условием уступки, давно уже обсуждаемой обоими дворами, чрезвычайно желаемой Елизаветой и упорно отвергаемой Францией. Дело шло о титуле императорского величества, молчаливо признаваемом за преемниками Петра Великого, но еще не зарегистрированном и потому отсутствовавшем в официальных бумагах, исходивших из канцелярии наихристианейшего короля.

Шетарди добился того, что в его верительные грамоты был внесен желанный титул. Он оставил их у себя, чтобы отдать их лишь преемнику Бестужева, после падения последнего. Это стало известно Елизавете, а вскоре и всему двору. До тех пор французский дипломат, опираясь на личное влияние, имел дело непосредственно с императрицей, помимо ее канцлера. Однако он слишком понадеялся на свои силы и обманывался насчет характера Елизаветы. Портрет дочери Петра I был не раз обрисован, и мы имеем, по всей вероятности, верное понятие о характере этой странной государыни, одновременно беспокойной и ленивой, любящей веселиться и интересующейся делами, проводящей целые часы за своим туалетом, но заставляющей ожидать неделями и даже месяцами подписи или приказа. В ней уживались самые противоречивые свойства. Это была женщина властная, чувственная, набожная, неверующая и суеверная, поминутно переходившая от излишеств, разрушавших ее здоровье, к религиозной экзальтации, поражавшей ее разум: в наше время мы бы назвали ее истеричной. Барон де Бретейль рассказывает в одной из своих депеш, что в 1760 г. ей следовало подписать возобновленный договор, заключенный в 1746 г. с Венским кабинетом; она уже написала Ели..., когда на ее перо села оса. Она остановилась, и лишь через шесть месяцев dokonчила свою подпись! Принцесса Цербтская оставила недурное описание ее внешности:

«Императрица Елизавета очень высокого роста; она была отлично сложена. В мое время она уже стала полнеть, и мне всегда казалось, что ее касались слова Сент-Эвремона в описании знаменитой герцогини Мазарини, Гортензии Манчини: «Талия ее тонка в той мере, в какой у другой она была бы красивой». В то время это к ней относилось в буквальном смысле. Голова безукоризненна; правда, нос менее безупречен, но он на месте. Рот бесподобен; другого такого не сыскать: он полон грации, улыбки и кокетства. Он не умеет гримасничать и слагается только в грациозные складки; и брань из этих уст казалась бы прелестной, если бы они умели ее выговорить. Два ряда жемчужин виднеются меж красных губ, совершенство которых нельзя себе представить, не видев их. Глаза трогательны; да, они на меня производят именно это впечатление! Они кажутся черными, в действительности они голубые. Они внушают кротость, которою проникнуты... Лоб чрезвычайно приятен. Волосы ее растут так правильно, что от одного взмаха гребня они искусно и красиво ложатся. У императрицы черные брови и волосы естественного пепельного оттенка. Все ее лицо благородно, походка красива; она грациозна, говорит хорошо, приятным голосом, движения ее решительны. Словом, нет лица, подобного ей! Цвет лица, грудь и руки — невиданные по красоте. Поверьте мне, я знаток, и говорю без предубеждения!»

В отношении нравственном желчное перо маркиза Шетарди в то же время противопоставляло этому грациозному видению совершенно иную характеристику. Всем известна история перехваченной переписки неосторожного дипломата, в которой негодующая государыня прочла самые возмутительные обвинения. В своих мемуарах, являющихся, по всей вероятности, апокрифическими, д'Эон приписывает, кроме того, графу Воронцову следующие суждения:

«Под личиной добродушия, она (Елизавета) обладает тонким, острым умом. Если заранее не застегнуться и не надеть панциря, защищающего от ее взгляда, он проникает под ваше одеяние, раскрывает его, раздевает вас, открывает вашу грудь и, когда вы это заметите, то уже слишком поздно: вы обнажены, эта женщина все прочла внутри вас и обыскала вашу душу... Ее чистосердечие и доброта не что иное, как маска! Во Франции, например, и во всей Европе она пользуется репутацией милостивой. Действительно, при восшествии на престол она поклялась св. Николаю Чудотворцу, что в ее царствование никто не будет казнен. Она сдержала свое слово в буквальном его смысле: ни одна голова не была еще отрублена; но зато отрублены две тысячи языков и две тысячи пар ушей... Вы, вероятно, знаете историю бедной и интересной Евдокии Лопухиной? Она, может быть, и была виновата перед ее величеством, но главная ее вина заключалась в том, что она была ее соперница и красивее ее. Елизавета велела проколоть ей язык раскаленным железом и дать ей двадцать ударов кнута рукой палача; несчастная была беременна и должна была ро-

дить... Вся ее частная жизнь полна таких же противоречий. То безбожная, то набожная, неверующая до атеизма, ханжа и суеверная, она проводит целые часы на коленях перед иконой Богородицы, разговаривая с Ней и страстно вопрошая Ее, в какой гвардейской роте ей надлежит взять любовника... Я забыл еще одно обстоятельство... Ее величество питает сильное пристрастие к спиртным напиткам. Случается, что под их влиянием она теряет сознание. Тогда приходится разрезать ее платье и корсет. Она бьет слуг и служанок...».

Можно себе представить, с какими трудностями приходилось сталкиваться Шетарди, имея дело с государыней подобного странного характера, и на какой скользкий путь стала принцесса Цербстская. Она сделалась его сообщницей и в конце концов возложила на него все свои надежды. Мардефельд от нее отошел, Брюммер малопомалу уклонился, а Лесток лавировал, повинувшись своему верному инстинкту. Из Версаля маркизу советовали быть осторожнее. Наконец ему было властно приказано не делать признание императорского титула предметом столь сомнительного торга, так как само по себе это обстоятельство не было важно. «Король-император Франции», писали ему. Благоразумнее было «оказать любезность» царице, показав ей письмо короля. Может быть, она вследствие этого и заставит своего министра заключить столь желанный союз. Шетарди готов был повиноваться, но ему предстояло одолеть еще одно препятствие: надо было по крайней мере на четверть часа «удержать внимание» государыни, и это ему не удавалось.

Между тем Бестужев готовил свой удар. С помощью чиновника иностранной коллегии Гольдбаха, опять-таки немца, а может быть и еврея, специалиста по чтению шифров, он перехватывал и перлюстрировал всю переписку французского посланника и наконец представил ее императрице, отметив места, относившиеся до нее лично. Де ла Шетарди жаловался на лень, легкомыслие государыни, на ее ужасную жажду удовольствий и кокетство, заставляющее ее менять туалет четыре-пять раз в день. Можно себе представить гнев Елизаветы! Последствия его известны. Шетарди упорно не представлял своих верительных грамот, и потому его пребывание в Петербурге не носило официального характера, он жил в нем частным человеком. Посредством простой записки из коллегии ему было сообщено приказание в двадцать четыре часа покинуть Петербург и Россию. Императрица повелела даже отобрать у него портрет на крышке осыпанной бриллиантами табакерки, пожалованной ему государыней! Табакерку ему оставили.

Не он один оказался замешанным в это дело. Его депеши открыли императрице глаза на участие принцессы Цербстской в неудавшейся интриге. Она оказалась в роли шпиона Пруссии и Франции при русском дворе, дающего советы Шетарди и Мардефельду, тайно

переписывающегося с Фридрихом. Вот что обозначала загадочная сцена в Троицкой Лавре!

Принцесса Цербстская отделалась лишь испугом, горькими истинами, которые ей пришлось выслушать от Елизаветы, и безвозвратной потерей не только того влияния, которое она мечтала приобрести при дворе, — тайные пружины его она только начинала постигать, — но и того, на которое она имела право рассчитывать. «Имя принцессы Цербстской», пишет год спустя преемник Шетарди д'Альон, — часто встречалось в перехваченных письмах маркиза де ла Шетарди. С тех пор императрица чувствует к ней сильную неприязнь... Для нее лучше всего было бы вернуться в Германию». Она так и сделала, но сперва ей удалось присутствовать при единственной победе, на которую она могла рассчитывать под этим небом, ставшим для нее столь немилостивым, — и той именно, которую она до того упустила из виду, что чуть ее не погубила.

## VI

Личность Фигхен вышла чистой из этого кризиса. Наоборот, с этой минуты победа ее не подлежит сомнению, и брак с великим князем становится делом окончательно решенным, как будто ее невинность заставила ее противников и политических врагов сложить оружие. Оставалось решить еще один щекотливый вопрос — о торжественном принятии принцессы Софии в лоно православной церкви. Принцесса Цербстская последовала по мере возможности советам своего мужа. Она употребила все усилия, чтобы отстоять свою веру и веру своей дочери. Она даже осведомилась, не может ли прецедент супруги царевича Алексея, оставшейся лютеранкой, послужить на пользу Фигхен. Но все ее попытки в этом направлении остались бесплодными. Она, однако, скрасила свое сообщение об этом набожном Христиану-Августу некоторыми утешительными рассуждениями. Она просмотрела с Симеоном Тодорским весь православный Символ Веры, тщательно сравнила его с лютеранским вероисповеданием и пришла к убеждению, что между обеими религиями нет коренного различия. Фигхен же еще скорее поняла, что она может спастись и в православной вере. Гейнецкий, очевидно, ошибался, а Мефодий во всем сходился с Лютером. Аргументы Симеона Тодорского оказались неопровержимыми. Этот архимандрит был очень ловок. Он много путешествовал и учился в университете в Галле. Христиан-Август, однако, поддавался не сразу. «Добрый принц Цербстский, — писал впоследствии Фридрих, — упорствовал... На все мои убеждения он отвечал только: «Моя дочь не будет православной». К счастью, в Берлине нашелся другой Симеон Тодорский. «Один пастор, — пишет Фридрих, — которого мне удалось привлечь на свою сторону... согласился убедить его, что православная вера похожа на лютеранскую. С тех

пор он все повторял: «Лютеранско-греческая, греко-лютеранская — это одно и то же». В июне месяце курьер, отправленный Елизаветой, привез официальное разрешение принца на брак принцессы Софии и ее обращение в православную веру. Добрый принц Христиан-Август писал, что видит перст Божий (eine Führung Gottes) в обстоятельствах, продиктовавших ему его решение.

Публичное исповедание веры было назначено на 28 июня, а обручение на 29 июня, день св. апостолов Петра и Павла. Близость этого обряда волновала Фигхен. Письма, в большом количестве получаемые ею от родных из Германии, не способствовали ее успокоению. Можно себе представить, какие обильные и разнородные комментарии вызвала столь неожиданная судьба маленькой принцессы в среде, в которой она жила до тех пор! Общий характер их не был благожелательным. Может быть, к опасениям, внушаемым, по-видимому, лишь нужной заботливостью, примешивалась и некоторая доля зависти. Припоминалась печальная судьба несчастной Шарлотты Брауншвейгской, супруги Алексея, покинутой мужем, забытой царем. Вообще, далекая Россия не сыграла ли роковой роли в истории всей этой немецкой семьи, также думавшей найти в ней прекрасную и великую будущность? Все это было изложено в длинных, путанных фразах немецким жаргоном, пестревшим французскими словами, в которых Фигхен подмечала гораздо больше досады, чем искренней тревоги. Но они, однако же, заставляли ее дрожать каждый раз, как она устремляла тревожный взор в загадочное будущее.

Однако никто из придворных, толпившихся 28 июня 1744 г. в десять часов утра в церкви Головинского дворца, не подозревал состояния ее души. Одетая в платье «adrienne» из алого «gros de Tours», выложенного серебряным галуном, с простой белой лентой в ненапудренных волосах, Фигхен дышала молодостью, красотой и скромностью. Ее голос не дрогнул, память не изменила ей ни на секунду, когда она в присутствии умиленных слушателей произносила по-русски Символ своей новой веры. Новгородский архиепископ, тот самый, что был против ее брака, пролил слезы, и все присутствующие сочли своим долгом последовать его примеру. Правда, они плакали и при обращении Петра-Ульриха, несмотря на то, что тот гримасничал во время богослужения и глумился над священнослужителями. Умиление, однако, входило в расписание подобных дней. Императрица выразила свое удовольствие тем, что подарила новообращенной аграф и бриллиантовое ожерелье стоимостью в 100 000 р., согласно оценке принцессы Цербстской.

Что бы сказал добрый Христиан-Август, если бы он слышал, как дочь его объявила перед лицом Бога и людей: «Верую и исповедую, что одна вера недостаточна для моего спасения»? Не потребовалось ли со стороны самой Фигхен некоторого усилия, чтобы произнести эти слова, окончательно отделявшие ее от ее прошлого? Лица, усмотр-

ревшие в данном случае влияние парижских философов на ее юный ум, ошиблись числами. По всей вероятности, будущий друг Вольтера в то время еще и не подозревала существования этого писателя. По выходе из церкви силы ей изменили, и она не могла присутствовать при обеде. Однако то не была уже ни Фигхен, ни принцесса София-Фредерика, что нетвердыми ногами переступила порог церкви, увешанной золотыми иконами. В тот же день на литургии впервые было провозглашено на ектенные прошение о «благоверной Екатерине Алексеевне». Принцесса Цербстская объяснила мужу, что к имени София лишь присоединили имя Екатерина, «как то бывает при конфирмации». Слово «Алексеевна» обозначало, разумеется, «дочь Августа», что нельзя было перевести по-русски иначе, чем Алексеевна. Добрый Христиан удовлетворился этим объяснением: ему за последнее время вообще приходилось запастись большим доверием.

Обручение было совершено на следующий день в Успенском соборе. Принцесса Цербстская сама надела на пальцы Екатерины Алексеевны и ее будущего супруга два кольца, «ценою в 50 тысяч экю», писала она. Некоторые писатели, в том числе и Рюльер, утверждают, что Екатерина тут же получила и титул «наследницы престола», с правом наследования в случае смерти великого князя. Современные писатели оспаривают этот факт. Для такого постановления надо было бы издать манифест; его, однако ж, не существует. Будущая великая княгиня продолжала приводить всех в восторг совершенной грацией и тактичностью своего поведения. Даже ее мать заметила, что она краснела каждый раз, как согласно требованиям своего нового положения она принуждена была идти впереди своей матери. Однако принцесса не могла не заметить также, что ее дочь намерена была воспользоваться своим новым положением, чтобы избавиться от давно угнетавшей ее опеки. К тому же не одна Екатерина видела, что присутствие ее матери становилось тягостным и что в среде, где ей приходилось вращаться, принцессу Цербстскую не любили и смотрели на нее как на «чужую». Екатерина первый раз в жизни имела карманные деньги: Елизавета ей прислала 30 000 р. на «карточную игру», как тогда выражались. Эти деньги оказались ей неистощимым сокровищем. С первых же дней она почерпнула из них широко и с благородной целью. Ее брата только что послали в Гамбург, чтобы закончить образование. Она объявила, что принимает на себя расходы по его содержанию. У нее был свой двор, камергеры, камер-юнкеры; причем вообще весь штат был тщательно избран вне того кружка, который принцесса Цербстская вздумала было заставить служить своим интересам и интересам Фридриха. Таким образом матери пришлось испытать новое разочарование, и она не преминула лишний раз обнаружить свою бестактность тем, что открыто выражала неудовольствие. Своим несносным, придирчивым характером она окончательно оттолкнула всех от себя. Она ссорилась и с великим князем, ко-



Портрет великого князя Петра Федоровича и великой княгини Екатерины Алексеевны. *Г.Х. Гроот*



торый в размолвках с ней не стесняясь пускал в ход запас слов, набранных им в кордегардии.

Между тем Екатерина быстро освоилась с новым положением. Ей даже представился случай ближе познакомиться с обширными владениями, которыми ей суждено было впоследствии управлять. В сопровождении матери и великого князя она совершила то самое путешествие в Киев, которое возобновила через сорок лет с необычайной пышностью. Она сохранила об этой поездке неизгладимое впечатление, несомненно повлиявшее на склад ее ума и характер ее управления. Проехав около восьмисот верст, не покидая владений Елизаветы, видя на своем пути толпы народа, падавшие ниц перед всемогуществом императрицы, маленькая немецкая принцесса, привыкшая к ограниченному горизонту бедных немецких княжеств, чувствовала, как в душе ее зарождается и крепнет сознание беспредельного величия и могущества. Когда она стала императрицей, ей казалось, что она является воплощением этого величия и предназначена в силу его вознестись над всем миром. Вместе с тем, благодаря своей юной пронизательности и верному взгляду, она подмечает и обратную, печальную и мрачную сторону этого ослепительного великолепия. В Петербурге и Москве она видела своими очарованными глазами лишь блещущий золотом трон, облитый бриллиантами двор, внешнюю декорацию императорского величия, заключавшегося в слегка варварской пышности и почти азиатской роскоши, — она очутилась теперь лицом к лицу с основной и источниками, питавшими это беспримерное великолепие: перед ее изумленными, а затем и испуганными глазами предстал русский народ — дикий, грязный, дрожащий от холода и голода в закопченных избах и несущий, как крест, двойное ярмо нищеты и рабства. Она угадывала, предчувствовала в этой ужасающей антитезе нужды и роскоши печальные недостатки в экономическом и социальном строе и невероятный произвол власти. В этом поверхностном обозрении коренятся все начатки преобразований, все благородные инстинкты и либеральные порывы, характеризующие первую половину ее царствования.

По возвращении в Москву ей пришлось ознакомиться и с другой оборотной стороной медали: мелкими неприятностями, неразлучными с ее высоким положением. Однажды вечером в комедии, сидя в ложе великого князя, напротив императрицы, она уловила гневный взгляд Елизаветы, направленный на нее. Вскоре услужливый Лесток, с которым государыня разговаривала, явился в ее ложу и сухо, резко, умышленно подчеркивая свою холодность, передал ей, что императрица на нее гневается, и объяснил почему. Екатерина в один месяц наделала долгов на 17 000 р.; все сокровище растаяло в ее руках, из которых впоследствии золотая река лилась на империю и на всю Европу. Но разве ей возможно было удовольствоваться тремя платьями, привезенными ею из Цербста? Ей приходилось даже за-

имствовать у своей матери. Затем она заметила, что при русском, как и при цербстском дворе, дружба подогревалась маленькими подарками и что в ее положении ей не оставалось другого средства для поддержания хороших отношений с окружающими. Даже великий князь питал особое пристрастие к этому способу сохранения добрых отношений с невестой. Наконец, графиня Румянцева очень своеобразно понимала свои обязанности гофмейстерины; она сама была очень расточительна и вовлекала в расточительность и Екатерину.

В своих «Записках», откуда мы заимствуем эти подробности, Екатерина строго осуждает окружавших ее в то время лиц, не исключая и великого князя; несмотря на ее щедрость, их взаимные отношения уже тогда не отличались сердечностью. Может быть, она поддавалась искушению и сгустила краски в этом уголке картины. Следующая записка как будто подтверждает это предположение. Великий князь, заболевший в октябре плевритом, не покидал своих апартаментов и тяготился вынужденным затворничеством. Екатерина писала ему (мы сохраняем слог и орфографию подлинника): *«Monsieur, ayant consulté ma Mère, sachant qu'elle pent beaucoup sur le grand-maréchal (Брюммер), elle m'a permis de lui en parler et de faire qu'on vous permettent de jouer sur les instrumens. Elle m'a aussy chargée de vous demander, Monsieur, sy vous voulez quelques Italiens aujourd'hui après Midy. Je vous assure que je deviendray folle en Votre place s'y on m'otois tous. je vous prie au Nom De Dieu, ne lui montrez pas ces billets. Catherine»*.

Эта записка как будто обеляет саму принцессу Цербстскую от обвинений в дурном и вздорном характере, предьявляемых к ней даже ее дочерью. Два месяца спустя, в декабре, мы видим Екатерину в слезах, умоляющей пустить ее к жениху, заболевшему новой и ужасной болезнью. По дороге из Москвы в Петербург Петр принужден был остановиться в Хотилове, так как схватил оспу. Жених Елизаветы умер от оспы. Императрица отстранила Екатерину и ее мать, отослав их в Петербург, и сама принялась ухаживать за великим князем. Екатерине оставалось лишь писать ему очень нежные письма, в которых она впервые употребляет русский язык. Но это была лишь уловка, так как сочинял их Ададуров, а она их только списывала.

Вторичное пребывание Екатерины в Петербурге было отмечено приездом графа Гюлленборга, посланного шведским двором с известием о совершившемся браке наследника престола Адольфа-Фридриха, дяди Екатерины, с принцессой Ульрикой Прусской. Екатерина видела Гюлленборга еще в 1740 г. в Гамбурге. Он тогда уже заметил в ней философский склад ума. Он расспросил ее, как идет ее занятия, и посоветовал ей почитать Плутарха, жизнь Цицерона и «Причины величия и падения Римской империи» Монтескье. В свою очередь, Екатерина преподнесла ему свой портрет, «портрет философа в 16 лет», составленный ею самой. Она впоследствии отобрала у Гюлленборга подлинник и, к сожалению, сожгла его, а в бумагах

графа Гюлленборга, сохранившихся в университете в Упсале, не осталось копии с него. В своих «Записках» Екатерина уверяет, что она сама изумилась, как глубоко и верно она себя понимала. Мы сожалеем, что не имеем возможности проверить ее суждение.

Петр вернулся в Петербург лишь в конце января. Кастера рассказывает, что, обняв великого князя и выказав живейшую радость при свидании, Екатерина вернулась к себе, лишилась чувств и ее три часа не могли привести в сознание. Оспа, действительно, не послужила к украшению великого князя. Рябинки на его лице и огромный парик на голове делали его почти неузнаваемым. Одна только принцесса Цербстская нашла, что он прекрасно выглядит, и тотчас же сообщила об этом мужу. Кастера, по всей вероятности, впал по обыкновению в преувеличение, а принцесса Цербстская, должно быть, вспомнила, что петербургская почта охотно знакомилась с содержанием доверяемых ей писем. Как бы то ни было, вскоре после возвращения великого князя начались приготовления к свадьбе.

## VII

В России не бывало еще церемонии подобного рода. Брак царевича Алексея, сына Петра I, совершился в Торгау, в Саксонии, а до него наследники московского престола не были будущими императорами. Написали во Францию, где только что отпраздновали свадьбу дофина; справились и в Саксонии. Как из Версаля, так и из Дрездена пришли самые точные описания, даже рисунки, изображающие малейшие подробности торжества; их надлежало не только повторить, но и превзойти. Как только вскрылась Нева, стали приходить немецкие и английские пароходы, привозя экипажи, мебели, материи, ливреи, заказанные во всей Европе. Христиан-Август прислал несколько цербстских материй, вытканых золотом и серебром. Тогда носили узорчатые шелка с золотыми и серебряными цветами на светлом фоне. Они вырабатывались в Англии и Цербсте, занимавшем, по отзыву знатоков, второе место в этом производстве.

День свадьбы, несколько раз отложенный, был окончательно назначен на 21 августа. Празднества должны были продолжаться до 30-го. Доктора великого князя требовали новой отсрочки, так как в марте Петр опять заболел. Казалось, что и целого года было мало для окончательного его выздоровления. Но Елизавета не желала больше ждать, ей, между прочим, хотелось скорей избавиться от матери Екатерины.

Вероятно, были и другие, более веские причины, заставлявшие ее торопиться. Ввиду слабого здоровья Петра престолонаследие было весьма шатко обеспечено, а память о маленьком Иоанне, заключенном в крепости, все еще тревожила умы. В июне 1745 г. в уборной Елизаветы был найден неизвестный человек с кинжалом в руке. Никакие попытки не могли вырвать у него ни одного слова.

---

# ВОКРУГ ТРОНА

---



## ПРЕДИСЛОВИЕ

Читатели «Романа Императрицы» знают, что автор рассчитывал дополнить свой труд за счет работ, появляющихся в настоящее время. Он не полагает, что нуждается в оправдании. Какова бы ни была личность, которую мы пытаемся вызвать из прошлого, историческое значение *среды*, всегда важное, еще более расширяется для первых ролей человеческой драмы: сильных индивидуальностей, энергичных характеров. И оно все увеличивается, доходя как бы до раздвоения нравственной личности в окружающей среде, так что кажется, наконец, будто мы видим в последней как бы продолжение, прямую преемственность этого существа, одаренного чрезвычайной силой.

Екатерина, по преимуществу, принадлежит к этому исключительному разряду. Из всего, составившего ее величие, престиж и обаяние, она, можно сказать, ничего не получила по наследству. Она сама завоевала или создала все, окружавшее ее: дворцы, в которых жила, большей частью выстроены ею самой; людей, служивших ей, она не только выбирала, но — лучше того — сама наложила на них отпечаток, какой ей был нужен, вдохнула в них, следовательно, много своего. Среди ее сотрудников, даже тех, которые внесли в свою службу ей наибольшее количество личных достоинств, инициативы и даже оригинальности, многих она имела полное право назвать своими *воспитанниками*. И гениальный Потемкин принадлежал к числу их. Из среды ее поклонников некоторые дошли в преклонении перед ее личностью не только до более или менее добровольного самоотречения, но до действительной потери индивидуальности: пример — Гримм. И таким образом, говоря о нем и других, мне всегда придется говорить о ней, и главным образом о ней. Не потому, что эти лица не были интересны сами по себе: в этой среде, которую я намереваюсь осветить, явится на границах Азии не только Россия, но вся современная Европа — Европа политическая, литературная и философская, в лице некоторых наиболее знаменитых ее представителей; и, показывая Екатерину среди тех, кто способствовал ее величию, я выставляю также соприкосновение двух миров.

Прежде чем приступить к своему труду, я пожелал посетить места, где протекла эта единственная в своем роде жизнь, некоторые стороны которой я намереваюсь воспроизвести. Я надеялся найти

там какие-нибудь более определенные, более жизненные следы, чем те, которые может дать историку мертвая буква документа. Увы! Я нашел только полную пустоту, образовавшуюся — уже так скоро! — после всего исчезнувшего. В петербургских дворцах, даже в Эрмитаже — нет ничего или сохранилось очень мало: сгоревшее в царствовании Николая I великолепное здание Растрелли было перестроено с самого основания. В Царском почти ничего не осталось: исчезло все роскошное или изящное, так восхищавшее Сегюра; разрушена та интимная обстановка, среди которой под благосклонным взглядом божества, воспетого Вольтером, состязались в остроумии находчивый принц де Линь, изобретательный Потемкин и несколько грубовато-шутливый Нарышкин. Новое убранство, новые вещи изгладили одно, заняли место другого. Петр Великий в этом отношении оказался счастливее: его деревянный домик, в своей великой бедности и с так много говорящей исторической мебелировкой, стоит до сих пор неприкосновенным на хладных берегах, которые Петр сумел вызвать к жизни. Различные мелкие вещи, принадлежавшие внуку Екатерины, благоговейно сохраняются в Царском. Между внуком и бабкой разверзлась пропасть: тут сказалась злопамятность Павла, угрызения совести Александра I. Во дворце Павла помещается учебное заведение, а комната, где император спал в ночь 12 марта 1801 года, превращена в церковь.

В Москве — тоже ничего, а в окрестностях — в Царицыне — развалины на месте одной из любимых резиденций Екатерины!

Люди и события в России сменяются быстро: поздно вступив в историю, как бы спеша жить, этот народ даже будто нарочно помогает разрушительному делу времени. У этого величия и этой цивилизации, едва просуществовавших век, уже есть свои развалины.

Более цельным и узнаваемым образ обаятельной государыни явился передо мной в мемуарах нескольких почитателей старины, набожных хранителей преданий и традиций, которые, однако, тоже изглаживаются. История должна поспешить за ними со своей созидательной работой.

Мне не приходится просить внимания к моему труду: читатель уже почтил меня им. Для тех усилий, которые я еще вложу в свою работу, мне остается только надеяться и впредь на то снисхождение, благотворное действие которого я уже испытал и оценил.

# Часть первая

## ЕКАТЕРИНА ВЕЛИКАЯ

### Глава I

#### ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ЛЮДИ<sup>1</sup>

*I. Русские, малороссы и иностранцы. Первые роли и статисты. — Немцы. — II. Панин. — Министр переходного времени. — Борьба с фаворитами. — Личное вмешательство в политику Екатерины. — III. Князь Вяземский — Глебов. — Либерализм и ретроградное направление. — Чернышovy. — IV. Безбородко. — Завтрак, имевший важные последствия. — Императорский фактотум. — Торжество хохла. — Влияние плохо натянутых чулок на карьеру государственного человека. — V. Другой малоросс: граф Разумовский. — Уничтожение гетманства. — Присоединение Малороссии. — VI. Иностранные сотрудники. — Бестужев, Миних. — Сочинитель мадригалов. — VII. Остерман. — Кейзерлинг. — Штакельберг. — Сиверс. — Второй раздел Польши*

#### I

С 1788 по 1790 г., в течение войны со Швецией, так необдуманно начатой и так мужественно веденной, Екатерина Великая, или, как ее называл Вольтер, Екатерина Великий, пережила, как известно, немало тяжелых часов. Было время, что не получалось ровно никаких известий, и можно было опасаться, что флот Грейга постигла какая-нибудь ужасная катастрофа. Наконец, прибыл курьер от адмирала. Екатерина велела немедленно прочесть себе депеши. Нагнал ли он неприятеля? разбил ли его? Нет еще; но встреча была неминуема; обе эскадры находились друг от друга на расстоянии двенадцати морских миль. Екатерина вопросительно взглянула на окружающих: мор-

---

<sup>1</sup> «Русский Архив». Различные документы. 1876, I; Arneht. Maria Theresia und Joseph II; Бильбасов. История Екатерины; Blum. Ein russischer Staatsmann (Биография Сиверса); Correspondence politique, Архив французского Министерства иностранных дел; «Политическая переписка» в сборнике Императорского Русского Исторического Общества, тома: X, XIX, XXII, XXVI, XXVII, XXIX, XLVI, XLVII. «Корреспонденция» Миниха, изданная Бюшингом; Григорович. Биография Безбородко; «Записки» князя Долгорукова, Энгельгарта, Греча, Гарновского, Комаровского, лорда Мальмсбера, Палеро; Лазаревский. Малорусские исследования; Лебедев. Граф Панин; Материалы для биографии Безбородко, опубликованные в «Русском Архиве», 1875, II; Journal de Saint-Petersbourg; Чтения. 1863; Соловьев. История России. XXV; Терещенко. Биографии министров.

ская миля, сколько это? Окружающие молчали. Тут был и красавец Мамонов, знавший все — как часто говорила императрица — ничему не учившись. Он молчал, наравне с прочими. Решили послать в Адмиралтейство; но в это время находились в Царском, и пришлось ждать ответа до вечера. Прислали сказать, что морская миля равна семи верстам. Это было большим разочарованием для Екатерины; она сильно рассердилась на своего адмирала: ей бы хотелось, чтоб ее и шведские суда сошлись; а фантастический расчет Адмиралтейства еще увеличивал настоящее расстояние, указанное Грейгом. Вот как ей служили и какие сведения доставляли.

«Я воевала без адмиралов и заключила мир без министров», — говорила она после этого тяжелого времени. Вызванные смесью горечи и гордости, эти слова были совершенно справедливы и могут относиться даже к большей части ее царствования. Однако напрасно Екатерина обвиняла в этом судьбу: она сама относилась очень равнодушно к выбору людей, которые должны были помогать ее начинаниям; по ее мнению, что один человек, что другой — безразлично. Это характеристическая черта ее истории с той точки зрения, с которой мы приступаем к ней теперь. Людей действительно выдающихся было мало среди окружавших ее; ее можно не винить в этом; но и из числа их ни одного нельзя измерить полной величиной, так как *она* царствовала и правила, и в этом нельзя не видеть прямого следствия взглядов и принципов чисто личных, применяемых ею к правлению; а также и особенности ее характера. Между качествами, которыми должен бы отличаться предпочитаемый сотрудник правительницы, она ценила особенно одно: гибкость. Но последняя редко уживается с действительно выдающимся умом. В Екатерине в полной мере была развита склонность к деспотизму, допустимому при ее положении *самодержицы*, но также к капризу и причудам — свойствам женщины. Это был самый существенный недостаток ее умственного склада. Но она отличалась вместе с тем способностью извлекать пользу как из своих недостатков, так и достоинств, не стремясь ни к чему более; и это также вело Екатерину к тому, что она мало ценила действительные достоинства сотрудников, которых привлекала. Ей скоро представился случай убедиться, что знание людей, угадывание их способностей и достоинств — не ее ума дело. Ее первый выбор среди высших сановников был несчастлив: он пал на Теплова — попросту плута. При склонности к крайностям, свойственной ее уму, этого было достаточно, чтоб императрица уверилась, что она будет находить Тепловых повсюду и что, следовательно, самое лучшее, что она может сделать — это надеяться в ведении своих дел исключительно на себя. Однако так как эти дела касались и России, то она поняла, что они слишком сложны и обширны, чтоб ей было возможно выполнить безусловно программу личного управле-



ния, возникшую в ее уме тотчас после восшествия на престол — самую исключительную, обширную и вместе с тем удобопонятную, какую можно себе представить. Таким образом у нее появились первые министры, также как главнокомандующие ее армией. А в лице Потемкина у нее даже оказался как бы вице-император, с видом полу-самодержца и повелителя. Но наружность, при более близком знакомстве с порядком вещей, мало соответствовала действительности. Эти министры и генералы, даже самый этот *alter ego*, столь внушительный с виду, были не только орудиями, которыми единственная рука управляла всегда с известной суровостью и незаметно, не давая воли, постоянно грозя сломить их не сегодня-завтра, без всякой возможности сопротивления — это были, по большей части, ее креатуры, в буквальном смысле слова; существа, созданные целиком той же искусной рукой и носящие во всех своих делах ее отпечаток. И, таким образом, история государственных людей и полководцев, прославивших царствование Екатерины, является в значительной степени ее собственной историей.

Но не один только подобный исторический интерес может возбудить в нас желание познакомиться с ними. Я уже несколько раз пытался доказать, что во многих отношениях настоящая России есть только прямое и непосредственное наследие великого царствования. И это особенно справедливо, или, по крайней мере, было справедливо до очень недавнего времени, по отношению к высшему правительственному персоналу. Имена и личности другие, типы же остались неизменными. Вот эти то типы я хочу попытаться осветить, и, пробегая по этой галерее портретов, мы познакомимся с миром, очень недалеким от нас.

Государственных и военных людей, которых мы видим там, можно, вообще, разделить на три категории: чисто русских, малороссов и поляков, смешавшихся без разбора, и иностранцев. Разница в происхождении сказывалась довольно резко в разнице способностей и характеров. Некоторые общие черты сближают две первые группы: натуры одновременно примитивные и чрезвычайно сложные, в которых дикость странным образом смешивается с крайней утонченностью — следствие особого наложения рас и различных влияний; западная культура, привитая на гнойнике азиатчины, которой молодая русская поросль пропиталась в течение векового рабства. Та же нерадивость и лень с внезапными вспышками бешеной, поразительной энергии; то же восточное презрение ко всякому порядку и всяким правилам; то же отсутствие заботы о времени; та же тонкость и пронизательность ума в соединении с обманчивой наивностью; та же склонность к всевозможным видам удовольствия; тот же необузданный темперамент; то же богатство воображения в изыскании наслаждений; наконец, та же гибкость, помогающая с постоянной и

чрезвычайной легкостью покоряться всем переменам положения, состояния и занятий, браться за всякие должности, повиноваться беспрекословно всем капризам повелителя, доходить до крайних пределов послушания, слепого, наивного, невозмутимого и всегда между тем сохранять способность подняться, одним прыжком перескочив через все перенесенные неудачи, выбраться из тины, где завязала нога, и жестоко отмстить за все. С одной стороны — со стороны малорусской — более богатая натура и разнообразие ресурсов вследствие еще большей амальгамы первоначальных элементов: наносные пласты казачества, куда приплывали и где задерживались обломки различных искателей приключений, принадлежавших ко всем европейским народам; греческие и польские отложения, медленно осевшие на русском основании; более устойчивости в уме, но менее постоянства в характере; более развития, но большая испорченность. Что же касается иностранцев, то, несмотря на всю их многочисленность, их значение во время этого царствования невелико. Между ними не выдвигается на первый план ни одной личности: ни влиятельного министра, ни фаворита. Они — за одним, двумя исключениями — не поднимаются выше статистов. Эпоха им не благоприятствовала. Чтобы успеть в чем-нибудь и выдвинуться вперед, им не достает именно главного качества, так ценимого Екатериной — той покорной и эластичной гибкости, которой обязаны были своим успехом Потемкин и его соперники. По большей части немцы — народ корыстолюбивый и покорный — они служат, как им платят, гнут спину, но без изящества; они плоски и негибки, мрачны и печальны в душе, где вращивают изумительный цветник германской флоры: сентиментальность и дикую гордость, грубость и поэзию, мешанские добродетели и философский ум. И все это замечательным образом уживается с карьерой добросовестного чиновника или придворного. Однако не станем слишком злословить на их счет, как к тому замечается за последнее время склонность в России. И совершенно напрасно, потому что они создали Россию такую, какова она есть. Да, они обработали своими трудолюбивыми руками эту упорядоченную, образованную, открытую для торговли и промышленности Россию, с которой начинает знакомиться теперь Европа. Они построили дороги, прорыли каналы и устроили школы. Как наемники, — я уже сказал это — как люди, которым платят и которых отпускают, когда их дело окончено. И справедливость требует, чтобы при просмотре их маршрута, обращалось внимание на их формуляр. К тому же, в великой славянской империи во время царствования Екатерины одну главную роль постоянно и великолепно исполняло лицо иностранного, именно немецкого происхождения — она сама. Забыть это — значило бы оказать большую несправедливость как ей, так и ее отечеству.

## II

Великим государственным человеком первой половины царствования — насколько таковой мог существовать — был Панин — чисто русский по происхождению, несмотря на некоторые старания доказать его генеалогическое происхождение от итальянских родичей. Во Флоренции, в удобную минуту, проявилась семья Паньини — так же, как раньше во Франции семья Биронов, — которая заявила кстати об общем происхождении. Первые шаги Никиты Панина на политическом поприще, его участие в придворных интригах, волновавших царствование Елизаветы, уже известны читателю<sup>1</sup>. Из министров Екатерины он был почти единственным, имевшим прошлое и принесшим, таким образом, в управление делами уже готовые взгляды или, по крайней мере, умственные привычки, в которых императрица могла видеть не просто отражение собственных взглядов. И его работа на посту министра, поэтому, является переходной эпохой, подготовившей путь к постепенному сосредоточению власти в одном лице, которое императрица желала и сумела провести и для которого требовались другие сотрудники. Это было дело, приводившееся в исполнение искусно, терпеливо, безостановочно, начиная с самого первого часа. Даже во время государственного переворота 11 июля 1762 г. к фельдмаршалу Салтыкову был отправлен курьер с подписанным императрицей приказанием от Коллегии Иностранных Дел немедленно очистить прусскую территорию ввиду мира, который Петр III решил заключить, чему и Екатерина, поддерживаемая Паниным, тоже сочувствовала. Но тот же курьер вез собственноручную записку Екатерины, помеченную тем же днем, где императрица советовала фельдмаршалу держаться распоряжений, уже сделанных им при получении известий о петербургских событиях, и имевших в виду именно двинуть войска, состоявшие под его командой дальше, и закончить занятие завоеванных областей. Однако на этот раз Панину удалось настоять на своем. Но не всегда он бывал так удачлив. Настала минута, в конце его карьеры, когда он сохранял только декоративную сторону положения, в которое постоянно вторгалась самовластная самодержица и вечные хулители — ее фавориты. Уже великое дело — суметь удержаться в этом положении, если и не с блеском, то все же прилично, до самого конца. В этом Панину помогало замечательное хладнокровие, такт и выдержка; а, может быть, его недостатки даже больше, чем достоинства. Главными его помощниками были его вошедшая в поговорку лень, изнеженная жизнь, которую он вел, и беззаботность — смесь скептицизма и умственной лени, — введенная им для себя в систему.

Постоянно пытаюсь подставить ему ногу и мало-помалу вытес-

---

<sup>1</sup> См. «Роман императрицы».

нить из положения, которое она ему создала, и сохраняя только наружный почет, Екатерина, тем не менее, долго смотрела на своего первого министра, как на человека необходимого.

— Что же мне делать? — отвечала она резко Орловым, указывавшим на проступки Панина и на его ухаживание за графиней Строгановой, у ног которой он забывал о государственных делах. — «Императрице я нужнее, чем она мне», — со своей стороны говорил Панин графу Шереметеву, за дочь которого сватался, когда Екатерина уже предназначила богатую наследницу одному из братьев тогдашнего фаворита. Орловым опять пришлось уступить; сама императрица продиктовала глас семьи, письмо с отказом, и графиня Шереметева стала бы Паниной, если бы не неожиданное вмешательство смерти в эту семейную драму.

«Г. Панин, без сомнения, человек умный; манеры у него благородные, непринужденные. В нем есть задатки добросовестности, которые, к его чести, всегда проявляются и показывают действительную чувствительность. Он способен и сообразителен; он приятный собеседник, несмотря на то, что ему чрезвычайно трудно говорить последовательно, что он увлекается и при этом бывает часто нескромен. Но, несмотря на все эти преимущества, он далек от того, чтобы быть великим министром. Его лень и нерадивость невозможно выразить. Он проводит жизнь с женщинами и второстепенными придворными. С делами, даже первой важности, он не спешит. В нем все вкусы и причуды изнеженного молодого человека; мало образования; весьма несовершенное знание европейских государств; упрямство во многом, непостоянство в склонностях и отвращение к некоторым личностям; соединение мелкого ума, не идущего далее мельчайших подробностей, с желанием все видеть в широких размерах, в то время как он забывает самые главные вещи... Он весь в руках канцелярских служащих, злоупотребляющих его слабостью и в то же время громко попирающих его нерадение; одним словом твердый и правдивый в одном — в своем подчинении Его Прусскому Величеству...»

Таков нелестный портрет, который рисует в 1772 г. Сабатье де Кабр в своем письме из Петербурга к герцогу Эгильонскому. Он беспристрастен, потому что признает неподкупность первого министра, прибавляя при этом: «и, может быть, это единственный русский в этом отношении». Год спустя его преемник, Дюран, дает следующую характеристику: «Этот Панин человек добрый, но беспечный, ленивый и развратный, бессильный физически, безвольный и вялый умственно. Я знаю Паниных с малолетства. Министр был рядовым в военной гвардии... Он понадобился императрице Елизавете для другого... и оказался для этого негодным. Его отправили в Швецию. Он прожил там двенадцать лет. Сон, брюхо, девки были его государственными делами».

«Чувственный по темпераменту и изленившийся», пишет со своей

стороны шевалье де Корброн, другой французский уполномоченный, и подкрепляет свою оценку пикантными анекдотами. Нолькен, шведский посланник, которого Панин удерживал к обеду, извинялся необходимостью отправить депеши, не терпящие отлагательства. Тогда Панин с самым небрежным видом сказал ему:

— Видно, барон, что вы не привыкли к большим делам, если отправка какой-нибудь депеши мешает вам пообедать.

Для проверки этих согласных свидетельств мы имеем распорядок дня министра, записанный в 1781 г. маркизом де Верак. По его словам, министр имел обыкновение ложиться около пяти-шести часов утра «из-за беспокойства, которое ему причиняли ноги». Он вставал в два часа и принимался за туалет, продолжавшийся очень долго, благодаря его недугам. В четыре часа он принимал лиц, обыкновенно его ожидавших; но тут уже подавали обед; после него прогулка в экипаже и часовой отдых. В половине восьмого министр принимал своих обычных гостей, и день кончен. «Промежуток от половины седьмого до половины восьмого был единственным временем, когда с ним можно было говорить о делах; но состояние его здоровья постоянно доставляло ему благовидный предлог, чтобы не давать положительного ответа».

Приблизительно то же самое говорит Лаво в своих мемуарах, впрочем, вообще мало достойных доверия:

«Он очень любил еду, женщин и игру; от постоянной еды и сна его тело представляло одну массу жира. Он вставал в полдень; его приближенные рассказывали ему смешные вещи до часу; тогда он пил шоколад и принимался за туалет, продолжавшийся до трех часов. Около половины четвертого подавался обед, затягивавшийся до пяти часов. В шесть министр ложился отдохнуть и спал до восьми. Его лакеям стоило большого труда разбудить его, поднять и заставить держаться на ногах. По окончании второго туалета начиналась игра, оканчивавшаяся около одиннадцати. За игрой следовал ужин, а после ужина опять начиналась игра. Около трех часов ночи министр уходил к себе и работал с Бакуниным, главным чиновником его департамента. Спать он ложился обыкновенно в пять часов утра».

А между тем, во время пребывания де Верака в Петербурге Панин был лицом, официально заведовавшим внешними сношениями большого государства, и Иосиф II, посетивший около этого времени северную столицу, думая о Каунице, не мог не удивляться. Он писал матери: «У этого человека все только одни слова, а дела мало... Цельный поток запутанных мыслей и выражений, в которых не разберешься».

Правда, французов и австрийцев можно заподозрить в некотором недоброжелательстве к решительному стороннику Прусского союза. Но свидетельство, уже не подлежащее с этой точки зрения никакому подозрению — это свидетельство англичан. Панин стоит за них так же, как за Пруссию. Однако и они говорят в том же духе. Кэскарт

жалуется в 1771 году на трудность увидаться и поговорить с первым министром: утром он невидим, а после обеда на прогулку. Сама императрица видится с ним только раз в неделю. Истинная причина, заставляющая государыню держать на посту такого бездеятельного министра — его нерадивость. Императрица не считает его достаточно деятельным, чтобы попытаться произвести переворот в пользу Павла. А Гаррис в 1778 г. пишет в депеше, адресованной главе Foreign-Office:<sup>1</sup> «Вы не поверите мне, если я скажу вам, что в сутки Панин посвящает не больше получаса делам, вверенным ему».

Не желаете ли услышать голос самой Екатерины в этом концерте? Он тоже весьма выразителен. Мы уже упоминали в одном месте, как однажды она занялась несколько мрачной игрой, состоявшей в предсказании, от чего может умереть то или другое из приближенных к ней лиц. Против фамилии Панина она написала:

«Если ему случится поторопиться».

И между тем в довольно длинном списке министров, служивших императрице, он в конце концов, кажется, способен более остальных выдержать суд потомства. Гаррис, одно время имевший причины жаловаться на него и даже заподозривший Панина однажды в желании отравить его салатом, не может не похвалить честность и прямодушие министра во всех переговорах, где он участвует один. Он тоже считает его неподкупным. — «Потому что Фридрих лучше платил ему», — замечает от себя издатель записок Гарриса. То же думали о Панине и в Версале. Но во всяком случае этот пункт остается сомнительным. Этот странный человек, при своих несомненных слабостях и слишком очевидных низменных наклонностях, не раз проявлял как в частной, так и в общественной жизни действительно возвышенные взгляды и чувства. Это видно отчасти и из корреспонденции Фридриха с его петербургским посланником бароном Сольсом. В 1764 г. Фридрих настаивает на необходимости воспрепятствовать полякам отказаться от их *liberum veto*. Панин же восстает против этого: зачем мешать этой нации «выйти из того подобия варварства, в котором ее держит это злоупотребление свободой?» Польша сильная и крепко привязанная к России — вот его идеал... В 1774 г., когда Фридрих добился своего, Панин получил свою долю наследства после несчастной разделенной республики: десятки тысяч польских душ, подаренных ему императрицей. Он отдал их своим чиновникам, не желая извлекать выгоды из сделки, которую не одобрял. Когда разразилась ужасная пугачевщина, Панину, уже давно устранившему от управления делами все усиливающимся влиянием Потемкина, ежедневно терпевшему унижения и обиды от этого соперника, которого он считал недостойным, представлялся случай отомстить. Фа-

---

<sup>1</sup> Министерство иностранных дел Великобритании.

ворит, «ничего не понимающий и не желающий понять», был не такой человек, чтобы справиться с грозой. Смелость и искусство, на которые он был способен, обнаруживались пока только в происках с заднего крыльца и будuarных победах. Сидя сложа руки и сохраняя бездействие, к которому его принудили, Панин мог быть уверен в отмщении за себя. Но он и не думает об этом. «Надо спасти государство, — пишет он брату, — а после того уж можно уступить свое место господствующим фаворитам и окончательно сойти со сцены».

Но он не ушел в назначенный им таким образом час, и это было несчастьем для оставленной им памяти. И особенно с этой минуты, при его положении министра не у дел, к которому он возвратился после победы, началось его умственное и нравственное падение.

Екатерина испытывала досаду даже к заботам, которыми он окружал семью наследника, его воспитанника. «Можно подумать, что мои дети и внуки больше его, чем мои». Управление Министерством иностранных дел, во главе которого он остается только формально, официально передается в 1771 г. Остерману. Об этом извещаются иностранные послы. Он уже не получает депеш; ему разрешается не присутствовать в совете; он отпускает своих секретарей и остается в Петербурге — по его собственным словам — только для того, чтоб императрица всегда имела перед глазами памятник своей неблагодарности. Он умер два года спустя, и Екатерина посвятила ему в своей переписке с Гриммом надгробную надпись, не оставляющую желать ничего лучшего из памятников этого рода. За человеком, еще казавшимся ей необходимым в 1767 г., она не признает другого таланта, кроме умения выставить напоказ достоинства, не принадлежащие ему. «Никто не владел этим искусством в большем совершенстве. Из ничего он умел устроить себе великолепную одежду из чужих перьев, и чем менее она принадлежала ему, тем более он величался ею, для того, чтоб его считали отцом ребенка, которым обыкновенно он бывал обязан другому»<sup>1</sup>.

Другому? Вероятно, одному из Орловых или Потемкину. Конечно смелый ум первых и необузданный характер второго мало были способны ужиться с холодным, уравновешенным умом Панина и должны были в конце концов устранить его; но характер и взгляды самой Екатерины, насколько мы их знаем, еще действительнее способствовали этому. «Она отделилась от него из зависти и самолюбия, — писал де Верак в 1781 г., — чтоб не могли сказать, что он принимал участие в успехах, о которых она мечтает. Как только ей показалось, что она может обойтись без него, она решила его судьбу».

Устранение от дел и, наконец, исчезновение Панина совпадают с

---

<sup>1</sup> Переписка с Гриммом. Сборник Императорского Русского Исторического Общества.

торжеством австрийской политики на берегах Невы и окончательным разрушением прусского союза. Однако между этими двумя событиями нет, по крайней мере, прямого отношения как между причиной и следствием. Панин, правда, был защитником этого союза. «Не бойтесь, — говорил он в 1783 г. Сольмсу, — пока не услышите, что мою постель вынесли из дворца...» Постель его оставалась во дворце до 1783 г.; но влияние прекратилось гораздо раньше этого времени. Несмотря на его несочувствие, раздел Польши считается одним из блестящих дел его карьеры. Два другие — как злобно заметили, — обмен Голштинии на шесть кораблей, которых Дания так никогда и не доставила, и — воспитание Павла. Это тоже может служить надгробной надписью, не уступающей Екатерининской.

Вспомогательную причину несогласия, с первого часа возникшего между императрицей и министром и окончившегося устранением последнего, следует видеть в либеральных идеях, внесенных в управление воспитателем Павла. И Екатерина со своей стороны внесла такие же; но мы знаем, как она их применила. Панин отказался последовать за ней в такой быстрой перемене. Говорили о проекте конституционной реформы, которую он якобы выработал в 1776 г. сообщая с первой женой великого князя. В этом году великая княгиня Наталья умерла от родов, и стали ходить зловещие слухи, обвинявшие повивальную бабку, помогавшую великой княгине. «Несомненно, — пишет в своих записках князь Долгорукий, — что эта женщина разбогатела, и что Потемкин бывал у нее».

Одно достоверно: что, постепенно удаляясь от философского и гуманитарного идеала, улыбавшегося ей в молодые годы, и с каждым днем утверждаясь в своих наклонностях к личной и непосредственной власти, Екатерина все менее и менее оказывалась расположенной терпеть вокруг себя людей с умом и характером Панина. Чтоб заменить их, она придумала и создала тип чиновников совершенно новый, по крайней мере в России: людей простых, трудолюбивых, занятых исключительно своим делом; не желавших задаваться никакими вопросами, выходящими за обычные рамки того, что от них требовалось; честных, по крайней мере — относительно, и безусловно послушных. Найдя князя Вяземского и поставив его на место генерал-прокурора империи, она думала, что нашла искомое.

### III

Это была должность чрезвычайной важности. Генерал-прокурор был тогда начальником всех отдельных прокуроров, состоявших при каждом департаменте Сената и служивших там представителями непосредственных действий центральной власти, т. е. государя. Так как между этими департаментами было разделено почти все высшее управление страны, то глава их был одновременно и министром финан-



сов, и министром юстиции, и почти министром внутренних дел. Предшественник Вяземского, Глебов, был креатурой Петра III. Когда он занял этот пост в час смерти Елизаветы, он уже совершил все проступки, которыми мотивировалась его отставка. Между прочим, с помощью второстепенного чиновника Крылова он без пощады обирал иркутских купцов. В качестве понудительной меры им применялась пытка. Один купец, поднятый на дыбу, провисел на ней три часа и умер, заплатив 30 тысяч рублей, которые Глебов и его сообщник разделили между собой. По доносу Крылов был в 1760 году наказан кнутом на одной из площадей Иркутска и осужден на вечную каторгу; но Глебов сделался генерал-прокурором. Только в 1764 г., спустя два года по своем вступлении на престол, Екатерина узнала обо всем происходившем в Сибири или, по крайней мере, о роли, которую играл в том ее генерал-прокурор. Она удовольствовалась приказанием ему подать в отставку. В 1773 г. он снова поступил на службу и был членом суда, судившего Пугачева; в том же году он получил генерал-губернаторство в Смоленске, скопил в короткое время до полумиллиона и снова был отозван. Он умер членом Правительствующего Сената. Екатерина не могла слишком близко следить за выбором своих сенаторов. Князь Вяземский составлял исключение. Говорят, что когда он вышел в отставку, у него оказалось два-три миллиона; между тем как, поступая на службу, он имел всего шесть серебряных приборов. Но он составил себе это состояние в течение многих лет. Глебов же шел слишком быстро.

Сын флотского лейтенанта и воспитанник кадетского корпуса, служивший в армии, где дослужился до чина генерал-квартирмейстера, Вяземский не казался специально подготовленным для административных и судебных функций, предназначавшихся ему Екатериной. В аттестате, выданном ему по окончании курса в корпусе — единственном полученном за всю его жизнь — сказано: «знает историю и фортификацию; рисует масляными красками пейзажи; говорит и пишет по-немецки; учился всеобщей истории, географии по картам Хоманна и современной истории; немного фехтует и танцует менуэт»<sup>1</sup>. Однако этот танцор менуэта проявил знание, благодаря которому в продолжение четверти века пользовался доверием и милостью своей властной повелительницы: он умел повиноваться. И больше того: он служил для Екатерины олицетворением понимания вопросов правления иначе, чем понимала их она, приняв бразды правления, но к какому склонялась она все больше, чем больше осваивалась со своим положением самодержицы. Он сделался душой консервативной и ретроградной партии, главой целого ряда старорусских, яростных противников всех реформ и врагом всякого иностранного влия-

---

<sup>1</sup> «Биография министров» Терещенко.

ния. Наука, литература, искусства нашли в нем далеко не мецената. Он страшно спорил с княгиней Дашковой, — урезывая ее академический бюджет и преследуя ее сочинения. Он отзывался о каждом плохом ремесленнике: «Поэт», или «Художник». Это не мешало Екатерине по своему покровительствовать живописи и поэзии; она, по-видимому, воображала, что для этого достаточно ее существования, и была благодарна Вяземскому за пример воздержания, который он подавал ей в этом отношении. Он позволял ей все же казаться и чувствовать себя щедрой путем сравнения и реабилитировать себя в собственных глазах за измену, в которой она не могла не чувствовать себя виновной перед своими прежними взглядами и наклонностями. И в нравственной ломке, которую ей пришлось пережить, удаляясь от всего этого, Вяземский помог ей совершить самые трудные шаги. Она держала его на своей службе в продолжение тридцати лет.

Он был вполне русский, как Панин и Глебов, как и Чернышевы — по крайней мере, довольно сомнительно, чтобы последние были польского происхождения, которое возводят к пятнадцатому веку. Чернышевы принадлежали к древнему дворянскому роду, долгое время не выдвигавшемуся вперед. Их целый ряд. Три брата: Захар, Петр и Иван, блиставшие при Екатерине, принадлежали к младшей ветви. Старший стал известен только впоследствии, когда в 1811 году, получив вместе с Александром Чернышевым дипломатическую миссию в Париж, воспользовался ею, чтоб посетить тайком канцелярию министерства иностранных дел. Барон Биньон, сопровождавший Чернышева на обратном пути по варшавской дороге и шутивший над его необыкновенно отдувшимися карманами, не подозревал, что в них скрывалось. Этот дипломат с двойной миссией — можно бы сказать, «с двойным дном» — сделался министром при Николае. Глава младшей ветви Григорий Петрович был обязан возвышением женитьбе на Евдокии Ивановне Ржевской, последней любовнице Петра I, которую слухи винили в преждевременной кончине царя. Чувствуя в себе болезнь, которая свела его в могилу, и подозревая ее происхождение, Петр удовольствовался тем, что, признав мужа виновной, приказал «выпороть Евдокию». Евдокию высекли, но царю от этого не стало лучше. У Григория Петровича было четверо сыновей. Старший был послом в Копенгагене, потом в Берлине и в Лондоне, где у него произошла знаменитая встреча с дю Шателэ, который, видя, что у него отнимают место, отбил его у непрошеного гостя; и, наконец, в Париже, где он не заявил себя ничем более блестящим. Из трех других, Андрей, пользовавшийся милостями Екатерины еще в бытность ее великой княгиней, сошел со сцены еще до ее восшествия на престол; Захару, тоже бывшему близким к императрице, чуть было также не пришлось стусеваться. Находясь в июле 1762 г. в главной квартире Фридриха, куда Петр послал его с предложениями мира и сою-

за, он совершенно потерял голову при известии о государственном перевороте и послал прошение об отставке. Екатерина приняла ее, «потому что он не хотел более служить ни ей, ни отечеству». Однако она простила необдуманный поступок, дала Захару гвардейский полк и назначила вице-президентом военной коллегии. Два года спустя, в 1764 г., он снова напортил себе: во время обсуждения в коллегии дела одного офицера, обвинявшегося во взяточничестве, он осмелился приписать на полях резолюции: «Государыня *должна* простить». Екатерина не допускала, чтоб распоряжались так ее волей или милостью. Панин спас виновного. Ему казалось выгоднее поддержать старый фавор Чернышевых против нового фавора Орловых — одну семью в ущерб другой. Действительно, в 1772 году Захар и его брат Иван соединились с ним, чтобы подготовить падение Григория Орлова, но тотчас же переменяли фронт, чтоб подорвать кредит самого первого министра, казавшегося на дороге их новых домогательств. Борьба продолжалась до 1780 г. Тогда появился третий вор, примиривший всех: Захара Чернышева, отняв у него портфель вице-президента военной коллегии, и Панина, оставив за ним только почетный титул его должности. Григория Орлова заместил и отместил за него Потемкин. Захар отправился губернатором в Москву, где он умер, спустя четыре года. Иван отделался легче. Екатерина назначила его — сама, вероятно, не зная почему — президентом адмиралтейской коллегии. Он ездил морем в Лондон, сопровождая в качестве секретаря дядю Петра: это единственное, что давало ему право на полученную должность. В действительности же, как прежде, так и после, флотом управлял Алексей Орлов, понимавший в этом деле не больше Чернышева, но умевший выбирать своих подчиненных. Как вполне светский человек и приятный собеседник, Иван Чернышев служил украшением двора Екатерины. Павел, желавший видеть во флоте моряков, решил произвести его в фельдмаршалы. «В моряка пресных вод и маршала соленых», как говорили тогда.

Честолюбие, беспокойное, суетливое и сварливое, было двигательной пружиной всей этой семьи. «Эти люди», — пишет Дюран в 1773 г., — «всегда хотят быть не тем, что они есть. Когда один из них был прокурором Сената, он желал быть в адмиралтейской коллегии; когда он попал туда, он пожелал стать посланником; будучи посланником, он не останавливался ни перед какой глупостью, чтоб вернуться во флот; а потом чтобы стать министром иностранных дел. Если б ему удалось, он пожелал бы стать государем». Екатерина не обращала на все это внимания. Она, без сомнения, оценивала по достоинству этих карьеристов и, вероятно, разделяла мнения Гарриса, говорившего о них в 1782 г. в своих набросках для английского министерства иностранных дел об Императорском Петербургском дворе: «Шуваловы, Строгановы и Чернышевы остаются тем, чем были

всегда: «*парижскими парикмахерами*». Сабатье признавал, впрочем, за Захаром административные способности, искупавшие «*всю низость его души*». Что же касается притязаний Чернышева стать «*русским Шуазелем*», то они казались Сабатье такими же дерзкими, как Кэт-карту, предшественнику Гарриса.

#### IV

Совершенно другой человек сделался приемником Панина, поскольку Екатерина считала нужным дать преемника своему первому министру. Однажды — это случилось в 1775 г., на масленице, — велел подать себе за завтраком блинов и найдя их особенно вкусными, Екатерина вздумала великодушно поделиться ими со своими секретарями. Ни одного не оказалось налицо: масленица давала себя знать. — Как? Никого? — воскликнула недовольная государыня. — Нет, в приемной есть кто-то: это новичок — *хохол*.

*Хохол!* — сглаживающая все работа времени уничтожила презрительный оттенок этого прозвища, которым великороссы иногда еще именуют малороссов-уроженцев Буга или Днепра, легко отличаемых поговору.

— Впустить, — приказала Екатерина. — Все равно, что один, что другой. — *Хохол* вошел. Ему было двадцать восемь лет; держался он застенчиво; лицо имел самое обыкновенное; не говорил он ни на одном иностранном языке, а по-русски со своим ужасным местным акцентом. Но он ел блины с такой жадностью, а его губастый рот и восхищенные глаза выражали такую откровенную чувственность, что симпатический ток незаметно приблизил его к великой сластолюбивце, какой была Екатерина. Наблюдая за его едой, она заговорила о законе, смысл которого ей не был ясен. Не пропустив ни одного блина и без малейшего усилия памяти он повторил текст закона. Она пожелала проверить цитату. *Хохол* невозмутимо указал том и страницу. Императрица пришла в восторг. Это был драгоценный человек. Она пожелала работать с ним каждое утро. Он говорил с акцентом, но его быстрое перо исправляло ошибки, которые ему попадались в докладах обыкновенных секретарей ее величества. Он знал грамматику и орфографию и оказался настоящим кладом.

Его фамилия была Безбородко.

Он, по-видимому, происходил из семьи польских перебежчиков Ксенжницких. Одному из его предков удар сабли снес подбородок, и он получил прозвище «*Безбородка*» или Безбородко, перешедшее затем к его потомкам. Другого наследства предок своему потомству не оставил. Однако будущий государственный канцлер получил воспитание в петербургском кадетском корпусе; но шутки его товарищей, преследовавших в нем «*хохла*», каким ему суждено было остаться на всю жизнь, по-видимому, обрекли его там на бесцветное существо-

вание. И впоследствии он, действительно, прозябал в низших должностях в своей провинции, вдали от столицы с ее широкими перспективами. В 1764 г., по выходе из корпуса, ему не без труда удалось поступить в канцелярию Румянцева, недавно назначенного правителем Малороссии. Десять лет спустя Екатерина заметила, что донесения, получаемые ею оттуда, были составлены лучше, чем получаемые из других мест. «Прислали бы вы мне кого-нибудь из ваших секретарей», — писала она Румянцеву. Румянцев прислал Завадовского и Безбородко. Завадовский быстро пробился вперед до ослепительного положения, в котором, впрочем, продержался недолго: он считался фаворитом с 1775 до 1776 г. Безбородко сначала стоял в тени: он был всего лишь *хохол*. Счастливая случайность, о которой мы упомянули, решила его судьбу. С этой минуты он сумел сделаться необходимым. Официально ему было поручено рассмотрение просьб, подаваемых императрице; но в сущности через его руки проходили все дела, а главным образом — особенно щекотливые. Упомянув о Безбородко этого времени в своей корреспонденции с Гриммом, Екатерина обыкновенно называет его: «мой фактотум» или просто «фактотум». Он сумел также сделаться приятным и полезным герою дня, который, составляя единственное исключение в истории Екатерины, остался им и на следующий день: Потемкин сделался его покровителем. В 1778 г. «Придворный журнал» называет Безбородко двадцать раз в числе приглашенных вместе со знатными сановниками на обеды к императрице. Один раз он даже сидел за одним столом с государыней. Но только после смерти Панина он окончательно занимает место в высших придворных сферах и начинает принимать деятельное участие в политике. При Остермане, представлявшем собой полное ничтожество, заведование Министерством иностранных дел в действительности лежало на Потемкине, который справлялся только благодаря Безбородко, получившему пост статс-секретаря. Все переговоры, требовавшие известного искусства, проходили через его руки; вся изворотливость, к которой часто приходилось прибегать императрице и фавориту в делах иностранной политики — дело его головы. Широкие планы были не по нем. Однако он первый, и очень скоро — в 1776 г. — выступил с планом присоединения Крыма и доказал возможность осуществления своего проекта.

Такое положение продолжалось до 1791 г., когда смерть Потемкина и все усиливающееся влияние Зубова отодвинули драгоценного сотрудника на второй план. Между тем *хохол* сделался графом Священной Империи и быстро разбогател. В числе прочих доходов, он имел в своем ведении суммы почтового ведомства, которыми распоряжался, не отдавая никому отчета. Ко времени смерти императрицы он владел 16 000 крестьян, соляными варницами в Крыму, рыбными промыслами на Каспийском море и вообще громадными богатствами.

Одаренный изумительной быстротой в работе и замечательной находчивостью, Безбородко нуждался и в той, и другой для поддержки своей карьеры, потому что постоянно вел сразу жизнь человека занятого, с одной стороны, а с другой — жизнь развратника, преданного всем удовольствиям — игре и женщинам. И про него, как про многих других, говорили, что он пользовался мимолетным вниманием Екатерины. Но, некрасивый, неизящный, неостроумный, он не обладал ни одним из качеств, обыкновенно решающими выбор императрицы. Он предавался частым и грубым любовным наслаждениям. Роман его жизни — это его гарем, всегда полный и часто возобновляющийся. В 1787 г. Гарновский заносит в журнал, который ведет для Попова, доверенного Потемкина:

«В силу полученного ею фирмана, премьерша сераля Рейс-Эффенди (Безбородко), Мария Алексеевна Грекова, соблаговолила отправиться на сих днях в Москву в сопровождении Кизляр-Аги (черного евнуха), г. Рубана, и многочисленной свиты, разместившейся в двух четырехместных каретах и нескольких «русских» повозках».

Два месяца спустя он опять пишет:

«Четыре дня тому назад сюда вернулся из Италии певец Капасчини и привез с собой для Безбородко двух молоденьких итальянок. Обе подверглись испытанию, но не знаю, будут ли обе приняты в сераль».

Екатерина терпит все это. Она собственноручно подписывает указ о награждении орденом Св. Владимира г. Рубана. Она улыбается, когда однажды, поссорившись с Безбородко, Остерман при всем совете упрекает его за эту постоянную оргию с красавицами, содержание которых обходится очень дорого. Безбородко пожимал только плечами и, намекая на всем известное супружеское несчастье министра, отвечал, что действительно любит девок, так как от них легче отделаться, чем от законной жены, даже тогда, когда последняя была раньше известной ..... Он имел возможность часто менять своих итальянок. И Екатерина иногда сама помогала ему. Она выслала из Петербурга певицу Давиа, получавшую от Безбородко 8000 рублей в месяц и обманывавшую его направо и налево. Впрочем, Италия не пользовалась его исключительным предпочтением. Он осыпал золотом знаменитую русскую актрису Сандунову, которую сменила танцовщица Каратыгина, имевшая от него дочь. Он выдал эту дочь за статского советника, дав ей в приданное дом в Петербурге и имение, приносящее 80 000 рублей дохода. Каратыгина долгое время играла роль хозяйки на даче, близ столицы, куда приглашались все друзья министра с их возлюбленными на великолепные празднества, во время которых, по специальному разрешению императрицы, в честь веселой компания стреляли из пушек. Однажды вечером, играя в вист с Роджерсоном, Безбородко забавлялся, приказывая залпами взвешать о каждом ренонсе лейб-медика.

Но хохол, продолжавший жить в сокровенной глубине его души

и тела, не удовлетворялся этим пышным развратом. Каждую субботу, сняв свой великолепный, украшенный бриллиантами придворный наряд, фактотум Екатерины искал других удовольствий. В простом синем кафтане и круглом картузе без козырька, с неизменными ста рублями в кармане, он исчезал до утра понедельника. Зимой его можно было встретить около пяти часов утра на маскарадах француза Лиона, посещавшихся низами петербургского общества. Однажды курьер императрицы, разыскивавший Безбородко с вечера, нашел его там мертвецки пьяным. В минуту он отрезвился, велел отвезти себя домой, окатить холодной водой, пустить кровь из обеих рук, а затем оделся и поехал во дворец. Приехав туда, он уже мог рассуждать совершенно ясно. Но императрица спросила его о проекте закона, который ждала уже давно. Он ответил, что проект готов, вынул из кармана бумагу и начал читать. Императрица несколько раз выражала свое одобрение и, наконец, сказала:

— Великолепно, но дайте мне текст, мне хочется его прочесть самой на досуге.

Безбородко побледнел и упал на колени, умоляя императрицу простить его. Текста не существовало, на листе, который он держал в руках, ничего не было написано: он не читал, а импровизировал<sup>1</sup>. Екатерина простила; но в конце концов и ее снисхождение, с примесью удивления, истошилось. Она полагала, что с годами Безбородко сам отстанет от своих выходов. А он, вероятно, полагал, что она не подает ему примера, не меняя ничего в своих привычках. Безбородко стесняла постоянная выдержка и официальная напряженность, которую его должность заставляла сохранять. Он чувствовал себя неловко в придворном наряде — платье французского покроя, в которое он втискивал свое грубо отесанное мужицкое тело, и в шелковых чулках, вечно спускавшихся с неуклюжих ног — поэтому он был всегда неловок, угрюм и брезглив среди императорского декорума, в котором обязан был принимать участие. Его грубый темперамент периодически требовал отдыха. Со своими собутыльниками и подчиненными он становился непринужденным, остроумным и грубым, тривиально и цинически веселым. В душе он был добрым малым. В его приемной ежедневно толпились малороссы, привлеченные в Петербург его удачей и ищущие места или помощи. Однажды, в то время как Безбородко принимал своих посетителей, до него донеслись

---

<sup>1</sup> Греч. Записки. Стр. 331. Подобные смелые выходы совершенно в духе славянского ума. Такую же проделку приписывают около того же времени некоему Весничееву, правителю канцелярии губернатора Кречетникова в Калуге. («Москвитянин», 1842, т. I, стр. 478). Про одного из самых выдающихся ораторов польского сейма 1788—1792 г. князя Сапегу говорили, что он ежедневно напивался. Утром же, обвязав голову холодным компрессом, он импровизировал самые красноречивые речи.

шум и возня в соседней зале, куда было запрещено пускать кого бы то ни было. Однако один из его земляков, пришедший хлопотать о вакантной должности, пробрался туда и, вероятно, соскучившись ждать, принялся гоняться за мухой. Мало-помалу он увлекся этой охотой за увертливым насекомым и, преследуя его, сдвигал мебель, обрывал драпировку. Муха села на дорожную севрскую вазу. Сильный удар кулаком, и ваза разбивается вдребезги, а муха благополучно летит дальше. В ту же минуту, сзади виновника катастрофы, раздался насмешливый голос:

— Что, промахнулся?

Малоросс обернулся и, увидав перед собой всемогущего советника императрицы, думал, что настал его последний час. Но голос продолжал:

— Ну, поговорим; постараемся, по крайней мере, поймать место.

Странная особенность: этот малоразвитый человек являлся любителем и усердным покровителем наук и искусств. Недвижимость, состоявшая из его многочисленных домов, была оценена по его смерти в 4 миллиона рублей, не включая картинной галереи, одной из самых богатых в России. Он купил в 1796 г. целую массу нарядов и ценных скульптурных произведений, собранных во время революции графом Головкиным. В числе последних находился *Амур* работы Фальконе, изваянный им для мадам де Помпадур. Безбородко был очень близок с тремя талантливыми писателями, которым он покровительствовал и часто оказывал материальную поддержку. Прежде всего с Львовым, русским «ле Шапеллем», как его называл Грот, переводчиком «Анакреона» и сочинителем нескольких эротических стихотворений со звучной рифмой. Муза и образ жизни поэта подходили ко вкусам и привычкам *фактума*. Через Львова Безбородко познакомился с Державиными. В изданной переписке последнего все восемь писем, адресованных к Безбородко, заключают в себе либо просьбу о вспомоществовании, либо благодарность за уже оказанное пособие. Получая отовсюду подачки и кормясь, где можно, Державин всю жизнь нуждался. Екатерина наградила певца «Фелицы» четырьмя тысячами рублей именно по просьбе Безбородко и только благодаря заступничеству последнего оставила в 1795 г. без наказания автора оды «Властителем и судьям», где ее цензура открыла якобинские тенденции. Это не мешало Державину время от времени громить в своих александрийских стихах сарданапальскую жизнь сильных мира сего — Потемкина и Безбородко, в которой он сам первый принимал участие — и не раз, забывая всякую благодарность и дружбу, жаловаться в своих строфах на слепую Фортуну, не обращающую внимания при возвышении людей на талант и заслуги. Также и Хемницер, первый русский баснописец, предшественник Крылова, умерший в 1784 г. всего сорока лет, пользовался в течение своей карьеры покровительством мецената-малоросса.



Граф Растопчин, проницательный наблюдатель и вообще довольный строгий ценитель вещей и людей, составлявших правительство в последние годы царствования Екатерины, относился снисходительно к талантам и заслугам Безбородко. Почти единственное, в чем он упрекал его — это та обстановка, которой тот окружил себя. «Люди, составляющие ее, — говорит он, — только и думают, как бы поесть да выпить, да вертеться на глазах у хозяина, который, наконец, начинает смотреть на них как на «мебель своего дома». Растопчин, правда, поддерживал дружбу с Семеном Воронцовым, благородным лондонским изгнанником, часто прибегавшим к Безбородко, возвышению которого способствовал. Гарновский в одном из своих писем к Попову называл Безбородко «вьючной лошадейю Семена Романовича». Надо также призвать некоторый вес и за оценкой маркиза де Верака, писавшего о Безбородко и его сотруднике Бакуanine: «Будучи свидетелем, как я, рассеянной жизни, которую они ведут, приходится удивляться не тому, что дела идут плохо, а тому, что они вообще еще идут».

Что особенно говорило в пользу *фактума*, ввиду этих разноречивых свидетельств — это то, как он был замещен. В действительности Екатерина только тогда начала находить в нем недостатки, когда решила принять услуги Зубова. Безбородко сначала боролся с фаворитом. Однажды, когда во время чтения им какого-то рапорта Екатерина показала, что скучает и недовольна, он собрал свои бумаги, как бы собираясь уйти. Екатерина извинилась, и мир был заключен. Но фаворит быстро шагал вперед. Марков, секретарь Безбородко по французской корреспонденции, тоже ушел от него к Зубову. Это была большая потеря: Марков долгое время жил в Петербурге и научился там тонкостям дипломатического языка, употребляемого при европейских дворах. Его переход принес ему в очень короткое время титул графа, ордена Св. Александра Невского и Владимира, четыре тысячи крестьян в Подольской губернии и многочисленные денежные подарки, в которых он очень нуждался, чтобы удовлетворить роскошной жизни мадемуазель Хюсс, знаменитой, очень хорошенькой и очень расточительной французской актрисы, с которой Марков жил в гражданском браке.

К Безбородко, назначенному в 1792 г. после смерти Потемкина уполномоченным для ведения мирных переговоров с Турцией, на короткое время вернулись влияние и престиж. Празднества, устраиваемые им по этому случаю, напоминали своей роскошью пиры великопеленного завоевателя Крыма. Но вернувшись из Ясс, он увидел, что, имея титул вице-канцлера, он уже не имел должности: дела, находившиеся в его ведении, оказались распределенными между креатурами Зубова. Это был обычный прием Екатерины. Безбородко окончательно унижается перед фаворитом, прибегая к его посредничеству, чтобы получить вакантную должность гофмейстера. Он работает с ним, как некогда работал с Екатериной, и выслушивает почтительно бол-

товню и дерзкие замечания этого двадцатичетырехлетнего молодого человека. Спина у хохла под грубой оболочкой оказалась гибкой. Он, правда, уже начал поговаривать о своем намерении выйти в отставку, даже сообщил Воронцову о своем решении совершенно уступить место новому «министру всех дел», которого нашла себе Екатерина; но медлил, имея основательную причину: в это время заканчивался раздел Польши; предвиделась добыча, и он надеялся, что на его долю тоже кое-что перепадет. Расточителен, но охулки на руку не положит этот приднепровский мужик!

Ему дали только приличную долю: крупные куски — для Зубова и его друзей, которым императрица желала приписать славу и выгоду, полученные от совершившегося на берегах Вислы. Безбородко выходил из себя, рвал и метал от ярости. Разве не он посоветовал передать руководство предприятием старику Румянцеву? Разве не он указал для выполнения плана на Суворова, забытого в своей глуши? Но и тут он, как всегда, покорился. Он даже хватался за наружность и гнался за тенью власти, которой у него уже не было: каждый день он отправлял свою карету — пустую — к крыльцу дворца, порог которого переступал теперь редко. Иногда Безбородко проникал даже в уборную императрицы, где ожидал приема; о нем докладывали; но он отклонял предложенную честь, «не имея сообщить государыне ничего особенного». И если Екатерина, бывавшая тоже не прочь сделать что-нибудь напоказ, настаивала на приеме его, то знаменитому камердинеру, выдававшему сколько раз императрицу с ее советником в беседе о важнейших делах, теперь приходилось слышать, как их свидания, — производившие немедленно переполох и при дворе, и в городе, — проходили в разговорах о самых заурядных вещах. Как прежде, Безбородко вынимал из кармана какие-то листки: но они оказывались каким-нибудь мальчишеским письмом его молодого друга князя Кочубея, назначенного по его ходатайству послом в Константинополь, где он занимался чем хотел, только не восстановлением Греции<sup>1</sup>.

Так продолжалось до того момента, когда в той самой комнате, где царствовали испуг и смятение, внесенные неожиданной смертью, помертвевшие придворные преклонились перед новым повелителем. Уверенный в расположении Растопчина, сделавшегося всемогущим в эту минуту, Безбородко явился одним из первых. Павел

---

<sup>1</sup> Григорович, автор научной «Биографии Безбородко», появившейся сначала в «Русском Архиве» (1875—1877), оспаривает эти данные, почерпнутые нами из «Записок» Грибовского и переписки самого Безбородко. Григорович утверждает, что Безбородко до смерти Екатерины пользовался большим доверием императрицы. Мы не можем разделять это мнение. Некоторые места в письмах Безбородко к С. Воронцову ясно показывают, что он не был уже в курсе важных дел, касавшихся внешней или внутренней политики императрицы.



Граф Кирилл Григорьевич Разумовский.  
*С портрета работы Токе*

принял его милостиво. Не подозревал ли он, что у графа хранится тот ужасный документ, о котором столько говорили — орудие его падения; завешание, лишаящее Павла престолонаследия? Мы еще вернемся впоследствии к этому вопросу. Скажем вперед, что до сих пор он не получил положительного решения. Павел проявил большую щедрость к впадшему в немилость слуге матери; может быть, он просто был рад найти человека, опытного в делах и врага Зубова. Безбородко был возведен в сан канцлера, получил титул князя и потомственный титул светлейшего, кроме того несколько квадратных верст казенных земель в Воронежской губернии, город Дмитриев и огромные поместья в Орловской губернии. У Безбородко, таким образом, оказалось до 45 тысяч крестьян, что не помешало ему входить в долги до самой смерти.

Он умер в 1799 г., оставив по себе воспоминание, как о человеке искусном, не злом, но вообще мало достойном уважения; способном, но не одаренном выдающимся умом, и характера обыкновенного. Его заведование делами не оставило следа какой-нибудь руководящей идеи, присущей ему лично. Он ненавидел Францию и выказал себя решительным противником сближения с этой державой; но и в этом отношении его антипатия — может быть, инстинктивное отступление перед сближением с культурой, утонченность которой оскорбляла или беспокоила его — только отвечала наклонностям Екатерины, тоже естественным, но вызванным другими мотивами. В нем не было изящества, и этим, вероятно, объясняется его неприязнь к такому изящному человеку, как посланник граф де Сегюр; не было также и умения внушить уважение к себе, что, вероятно, заставило Екатерину отвернуться от него. Его плохо натянутые чулки оказались не только врагами французского союза; но также и его собственного счастья.

## V

Среди придворных Екатерины был еще один малоросс, который, играя роль незначительную, занимал, однако, видное положение. Граф Кирилл Разумовский был меньшим братом Алексея, фаворита и предполагаемого супруга Елизаветы. Сын украинского крестьянина, Григория Разума, Алексей начал свою карьеру в С.-Петербурге — певчим в придворном хоре, где его красивый голос обратил на себя внимание императрицы. Кирилл подвигался в своей карьере так же быстро, как красавец-певчий. В пятнадцать лет, кое-чему научившись в Берлине у математика Эйлера, он уже был камер-юнкером; в шестнадцать — графом Священной Империи; в семнадцать — камергером и кавалером ордена Св. Анны; в двадцать — ордена Александра Невского и — президентом Академии Наук! Год спустя он женился на княжне Екатерине Нарышкиной, двоюродной сестре императрицы Елизаветы, самой богатой русской наследнице, и продолжал все воз-

вышаться в чинах. Он был генерал-адъютантом, командовал гвардейским полком, а в двадцать два года сделался гетманом малороссийских казаков. Этот пост оставался незамещенным в продолжение шестнадцати лет — со времени смерти последнего выборного гетмана. Елизавета восстановила эту должность для Кирилла и пожаловала ему все огромные доходы, накопившиеся за время, пока это место оставалось незанятым. И Петр III отнесся хорошо к этому баловню судьбы, что однако не помешало Кириллу стать на сторону Екатерины и помогать ей во время государственного переворота. Он втайне вздыхал по прекрасным глазам великой княгини, но служил ее интересам с осторожностью, боясь скомпрометировать себя. Измайловский полк, которым он командовал, должен был первым приветствовать новую императрицу. Разумовский знал это, молчал, но отказался выдвинуться вперед. Самый отважный и вспыльчивый из Орловых, Алексей, попытался побороть его осторожность и изворотливость, решившись однажды ночью проникнуть в спальню гетмана, чтоб переговорить с ним об общем плане. Разумовский выслушал молодого человека, как бы подумал и, покачав головой, посоветовал ему обратиться к кому-нибудь другому: «к тому, кто знает больше нас с вами». И загасив свечу, он громко захрапел. Однако он все же принял деятельное участие в выполнении заговора, как — типограф. Манифест о восшествии на престол Екатерины был напечатан в подвалах Академии Наук.

Новая императрица была в затруднении, как наградить Разумовского за такое участие. Самому богатому человеку в России нельзя было заплатить деньгами. Она назначила его в Сенат: это было довольно скучно, и Разумовский взглянул на свое назначение именно с такой точки зрения. С этой минуты он разыгрывает роль недовольного, дуется на фаворита Орлова и разрушает проект брака, на который Екатерина соглашалась в 1763 г. В следующем году он вздумал сам себе назначить награду за свои услуги: он возмечтал сделать гетманство наследственным. Его ставленники работали среди казацких главарей и убедили их подписать прошение в этом духе. Екатерина была удивлена и недовольна: проект шел прямо вразрез с ее объединительной политикой. Орловы сочли случай удобным, чтоб отомстить и очистить место, которое, без сомнения, должно было достаться одному из них. Они усердно принялись хлопотать, и Екатерина не мешала им. Разумовский испугался — он вообще был не из храбрых — и подал в отставку. Этого только и ждала Екатерина; но Орловых постигло разочарование: оставшееся свободным гетманство просто, без дальнейших разговоров, было уничтожено и заменено коллегией. Эту коллегиальную административную организацию особенно любила великая императрица, и до сих пор подобные организации пользуются в России симпатиями, как представляющие наи-

более гарантий. В наше время они применяются даже в железнодорожных вагонах, где контроль никогда не бывает единоличным. При билетном контролере всегда идет помощник, иногда два: это коллегия в ее зачаточном виде. Во главе коллегии, которой Екатерина поручила управление Малороссией, она поставила Румянцева, советуя ему заpastись «волчьими зубами и лисьим хвостом».

Если верить историку-специалисту, Малороссия выиграла от такой перемены. Не будучи человеком злым, экс-гетман был нерадив, и его подчиненные теснили страну. Характер его соответствовал уму, а последний не представлял ничего выдающегося. Однако лишившись своего высокого официального положения, но еще более обогатившись в 1771 г. смертью брата, оставившего ему сто тысяч крестьян, он начал себя держать с высокомерной независимостью, не лишеной величия, и занимая особое положение, на неприкосновенность которого и сама Екатерина, по-видимому, не посягала, некоторым образом стал особняком среди толпы, сгибавшейся в три погибели под повелительным взором монархини. Когда в 1776 г. Григорий Орлов, вопреки закону, женился на двоюродной сестре, девице Зиновьевой, Разумовский, как член Сената, отказался подписать постановление, по которому супруги разводились и заточались в монастырь. Это — заявил он — значило бы нарушить другой закон: закон, запрещающий бить лежачего. Однажды он подписал все же приговор, продиктованный самой Екатериной, и прибавил при этом: *«подписываю, как судили»*. Когда кто-то, желая сказать ему любезность, выразил удивление, почему начальство над действующей армией в войне с Турцией поручено не ему, несмотря на его чин фельдмаршала, а простым генералам, Румянцеву и Голицыну, он ответил: «Да потому, что надо разбить турок, а не быть битым ими».

Он желал, чтоб его ценили по заслугам, и вместе с тем выставлял на вид, что не забывает своего происхождения. Когда один киевский профессор поднес ему обширный труд, касавшийся генеалогии его семьи, он удивился: «что можно было найти, чтобы так расписаться о нем и его семье?» Когда автор прочел место, где венская канцелярия, даруя его брату графское достоинство, связывала его по происхождению с родом Рожинских, Разумовский прервал его: «Да будет вам! Отец мой был простым солдатом, а матушка, святая женщина, дай ей Бог долго здравствовать — дочерью крестьянина; я граф и гетман Малороссии обеих сторон Днепра. Напишите это в вашей генеалогии — и будет». Он приводил в отчаяние сыновей этими постоянными напоминаниями о своем незнатном происхождении; а когда они начинали опровергать его, звонил своему камердинеру: «Ступай, принеси мне свитку, в которой я приехал в Петербург: хочу вспомнить хорошее время, когда пас волов, да покрикивал: цоп! цоп!»

Но, не желая скрывать, откуда он вышел, он также не допускал,

чтоб забывали, до чего дошел. Когда Потемкин однажды вздумал принять его в халате, он ответил ему такой же вежливостью, появившись на балу фаворита в таком же костюме. Впрочем, и у себя дома он любил выказывать перед гостями непринужденность туалета: ему случалось появляться на парадных обедах у себя в неизменном халате, только надев сверху андреевскую ленту. Но его обеды отличались царским гостеприимством, и присутствовать на них мог всякий, кто желал, согласно обычаю, сохранившемуся еще до последних лет во многих домах, где бывали и французы. У Разумовского на кухне ежедневно истребляли целого быка, десять баранов, сотню кур и прочего в соответствующем количестве. Главным его поваром был знаменитый Баридо, оставленный в России маркизом де-ла Шетарди и считавшийся даже выше самого Дюваля, повара-француза Фридриха П. Помимо кулинарии и рецептов, Россия обязана маркизу введением в употребление шампанского, которого он привез 16800 бутылок в числе своего дипломатического багажа. До тех пор на обедах русских вельмож пили за тостами венгерские вина. Слуг у Разумовского насчитывалось до трехсот: управляющий, дворецкий, главный камердинер, два карла, четверо парикмахеров, маркер при бильярде, ключник, пять кухонных мужиков, швейцар, десять выездных лакеев, два скорохода, казак, четыре лакея, два гайдука, три счетовода, при них два писаря и четыре письмоводителя, два межевика и шесть помощников, десять истопников, три ключницы и т. д.

— Дядя, — стала было говорить ему однажды его племянница, графиня Апраксина, — мне кажется, у вас много совершенно лишнего народа, без которого вы бы могли хорошо обходиться.

— Пожалуй; да они-то не обошлись бы без меня.

Один русский вельможа, уже наш современник, которого упрекали, что он слишком легко проигрывает деньги своим обычным партнерам, ответил так же:

— Если б я чаще выигрывал, то мне не с кем бы стало играть.

Разумовский вел такой расточительный образ жизни до самой смерти. Он не забывал никогда привычек своей родины и во многих частностях сохранил их: простые и грубые малороссийские кушанья — борщ и гречневая каша всегда были его любимыми блюдами. При звуках казацкой *бандуры* ноги его сами начинали ходить. В подмосковном имении Покровском у него кормились всегда толпы малороссов, рылись пруды, главное, дававшие ему иллюзию далекой родины и доставлявшие случай вести длинные разговоры, в которых он вспоминал свой язык и годы детства. Он пережил Екатерину, но после ее смерти пожелал еще больше уйти в родную среду и переселился в свое батуриновское имение. Павел послал туда справиться о нем и посланный получил ответ: «Скажите его величеству, что я умер». Он умер через три года после того, семидесяти четырех лет.

## VI

К совершенно иному типу принадлежали иностранные сотрудники, к которым Екатерине, как никак, все же приходилось прибегать. Иначе ей трудно было бы пополнять кадры своего дипломатического персонала, который в России всегда нуждался в этих вспомогательных силах. Екатерине удалось отделаться от Бестужева: состарившийся, изжившийся, растерявшийся ввиду нового положения вещей, этот *кондотьер*, в котором русского было только заимствованное окончание его фамилии<sup>1</sup>, ни на что уже не годился. Екатерина была ему обязана и постаралась заплатить свой долг. Навстречу ему, когда он возвращался из ссылки, императрица послала самого Григория Орлова с придворными экипажами. Она *омеблировала* ему дом и «снабдила всем, не шадя издержек». Даже испугала Сольмса, посланника Фридриха, жаловавшегося на невероятную слабость императрицы «к этому старому вралю, который топил в вине жалкие остатки своего разума». Бестужев, как известно, всю свою жизнь был завзятым «австрийцем». Императрица даже воспользовалась его долгой опытностью. Вначале ни один шаг в политике как внутренней, так и внешней, не делался без старика; ежедневно записка, быстро набросанная самой Екатериной, призывала его во дворец: «Батюшка, Алексей Петрович, пожалуй, помогай советами!» «Батюшка» приезжал, давал свой совет, иногда даже настаивал на принятии его; но о восстановлении его официального положения и всемогущества, — как он сам того желал, а кругом него надеялись и боялись — не было и речи. Елизаветинский канцлер умер, и Екатерине ни на одну минуту не приходило в голову воскресить его. Не доверяя вполне самой себе, не решаясь безусловно положиться и на Панина, тоже новичка в роли первого министра, она была очень рада иметь между ним и собой этого старого пройдоху в широкой политике. Но он был не более, как руководителем, от которого она избавится при первом повороте, как только сочтет себя способной найти самостоятельно дорогу. Вот почему она и не давала ему определенной, постоянной должности, на которой его прошлое могло бы внушить ему слишком властные притязания. И как живо она от него отделалась, когда пришла подходящая минута! Как она мало стеснялась, прося его сохранить про себя советы, которых у него уже не просили! При этом он начал давать именно такие, которые шли в разрез со взглядами, к которым она наиболее была привержена. Он критиковал ее поведение относительно духовенства; вступался за Арсения Мацеевича, непочтительного и непослушного архиерея. Не забыл ли он, что «прежде сего и безо всякой церемонии и формы по не столь еще важным делам

---

<sup>1</sup> Его настоящая фамилия, унаследованная им от отца, шотландского офицера — была, как кажется, Бест или вроде этого.



головы секли?» Бестужев восставал против применения насильственных мер, клонившихся к возвращению Бирона в Курляндию. Наконец, в Польше он вступился за наследственные права Саксонского дома против Понятовского. Это уже был последний удар! Тотчас же после этого, в декабре 1763 г., Мерси, австрийский посланник, мог сообщить князю Кауницу, что он уже не должен больше рассчитывать на влияние экс-канцлера. Оно безвозвратно потеряно. «Как бы он ни ухаживал за Орловым».

Бестужев умер в 1766 г. Карьера шотландца — карьера удивительная, в течение которой мы его видим сначала атташе при русском посольстве в Утрехте, потом камергером великой княгини Курляндской в Митаве и даже английским послом в Петербурге — собственно не принадлежала к царствованию Екатерины: последнее видело только ее закат. То же самое можно сказать о Минихе, этом другом иностранце, произведенном Петром I в маршалы, а Екатериной в строители каналов. Мы не станем рассказывать здесь, каким образом, будучи баварцем по происхождению, он поступил в гессенскую пехоту, сражался под начальством принца Евгения под Уденардом и Мальплакэ, был взят в плен французами при Денэне, перешел в ряды саксонско-польской армии в 1721 г., тридцати восьми лет от роду очутился в свите Петра Великого, стал главнокомандующим царской армии, и одержав во главе ее блистательные победы, двадцать лет спустя должен был взойти на плаху. Топор пощадил его; он был отправлен в вечную ссылку. Он познакомился с Сибирью, где ему выдавался 1 рубль в день на содержание, и где он должен был давать уроки математики, чтобы не умереть с голоду! Возвращенный Петром III, он пытался спасти для него престол. Екатерина не стала мстить ему, но также и не подумала возратить ему командование войсками. Она не желала верить этого поста немцу, притом семьдесятилетнему старику. Она отправила его в Ревель, где и воспользовалась его инженерными познаниями. По-видимому, он удовлетворился этим и писал «своей благодетельнице» письма, поражающие вдохновением и богатством льющейся фантазии:

«Вы знаете, Милостивейшая Монархиня, что я к Вашему великому имени прибавлю эпитеты:

Императрица-миротворца.

Царица знания.

Восстановительница народного процветания.

Спасение и услаждение народов.

Изумление вселенной.

А для меня, по преимуществу — моя звезда и утреннее светило.

Никогда я не просыпаюсь, чтобы сияние Вашего Величества не озаряло радостью мою душу».

Тут скобка:

«Не доверяйте никому, Ваше Величество, постройку Ладожского канала, никому, кроме меня».

Затем, снова начинаются дифирамбы:

«Никогда не видал я картины более восхитительной, как та, на которой я могу восторгаться героическими и божественными свойствами Вашего Величества:

Какое прилежание к делам государственным!

Какая проникательность!

Какая верность в суждениях!

Какая быстрота в преподании наставлений Сенату!

Какая кротость!

Какая ровность характера!

Какая величественная осанка!

Какая поразительная красота!

Какой блеск!

Какое внимание!

Какое снисхождение!

Какая приветливость!

Какой высокий, гениальный ум и сколько грации в манерах!»

В другом послании придворное красноречие старого корыстолюбца принимает более подходящий оттенок и впадает в тон романтический:

«Дозвольте, богиня моей души, прославить, поскольку позволяет моя слабость, божественные качества Вашего Величества и принести на алтаре моего сердца жертву моего обожания и любви к Вашим божественным прелестям»...

Богиня не имела ничего против того, чтобы приносили жертвы «ее прелестям», но нашла, что приносящий их уже переступил черту подходящего возраста. Она пожаловалась Орлову «на пустомельство старика» и ответила:

«Господин маршал, мы чуть не шутя начинаем одно из величайших, давно задуманных дел, и ваши письма очень походили бы на любовные записочки, если б ваша близость к возрасту Патриархов не придавала им достоинства. Но вернемся к делу»...

Следуют три страницы технических подробностей, касающихся работ, запланированных для Ревельского порта. Увы! Через несколько месяцев, кроме этого, несколько сухого, призыва к порядку, у ревельского изгнанника нашлись и другие причины, чтобы отказаться от своих мадригалов. К концу года из-под его пера выходят строки уже совершенно в ином тоне:

«Какое время парадоксов переживаем мы! Я горячо желаю служить Вам, воскресить гений Петра Великого и его славу, обессмертить Ваше имя, уже божественное, а Вы сами... стараетесь связать меня по рукам и ногам. Вы отказываете мне во всякой поддержке и помощи. Вы предпочитаете мне Разумовских и Бутурлиных. Знаю я этих

героев! Четырех слов достаточно, чтобы нарисовать их портреты с натуры. Я не завидую им ни в их величии, ни в возвышении, но никогда не перенесу, чтобы меня унижала из-за них»...

И жалобы, сетования, даже брань продолжают. Старый служака напоминает вдове Петра III, что он вернулся из ссылки с шестью рубашками и рваной шубой, и что до сих пор еще ждет исполнения обещаний, слышанных им от нее на другой день после восшествия на престол, когда она ему сказала: «Надеюсь, мы будем довольны друг другом». Истощив все доводы и потеряв терпение, он высказывает предположение, что ему придется вернуться к своей бродячей жизни; он выражает намерение отправиться на старости лет зарабатывать хлеб в Германию и просит выдать ему его бумаги. На это — долгое молчание со стороны Екатерины и затем, следующее письмо:

«Господин фельдмаршал! Откровенно говорю Вам, что Ваши последние письма вовсе не возбуждают во мне желания отвечать на них. Я приказала канцлеру отправить Вам Ваши бумаги, чтобы Вы могли переселиться в свои немецкие поместья. Я не намерена насильно удерживать кого бы то ни было. Я ненавижу всякое сутяжничество. Таким путем от меня ничего не получишь. Я никому не хочу зла. Я умею забыть вовремя и остаюсь с великим уважением и благодарностью за все приятные вещи, которыми Вы украшали Ваша письма.

Расположенная к Вам

Екатерина».

На этот раз хитрый, раздражительный старик успокоился. Упоминание о его немецких поместьях — остатках его прежних богатств — показывало ему, что Екатерину не обманешь притворными жалобами на бедность по возвращении из Сибири, а ее умалчивание о Бутурлине и Разумовском уясняли Миниху, что он должен относиться к правлению этой немки совершенно иначе, чем представлял себе он и его приближенные. Он утешается писанием «Наброска, дающего понятие о форме правления в России». Напечатанная в Копенгагене в 1774 г. — спустя семь лет после его смерти — эта брошюра долгое время считалась классическим произведением.

## VII

Однако из числа лиц, окружавших Екатерину, были люди обогнавшие русских, *унижению* перед которыми Миних так обижался. Так, иностранными делами заведовал Остерман, сын канцлера императрицы Анны, которого Кауниц называл «автоматом» и про которого Сегюр говорил: «Этот бедный вице-канцлер, не смыслящий ничего в делах». Но он искусно владел официальным, канцлерским языком, носил с достоинством напудренный парик, кафтан с брыжами и прочие принадлежности придворного наряда и не был не на своем месте в стеклянной карете, запряженной шестерней белых ло-

шадей — одним словом, владел всем, на что Безбородко оказывался неспособным. Был у Екатерины Сальдерн — голштинец, занимавший в своем отечестве скромную должность кассира и покинувший ее, унеся с собой кассу. Рюльер говорит про него, что хотя он и соединял в себе грубость крестьянина с педантизмом профессора своего отечества, все же он оказался очень полезным в Польше, при приготовлении первого раздела. Фридрих и Сольмс видели в нем просто плута, посредника при заключении займов, представляющий собой не более чем мошенничество, и вора, кравшего табакерки<sup>1</sup>. Однако они тоже не пренебрегали его услугами. Были еще у нее Кейзерлинг и Штакельберг, посланные, как и Сальдерн в Варшаву. Наконец, и главное, у нее был Сиверс, самый совершенный образец этого рода людей.

Один историк посвятил четыре объемистых тома биографии этого государственного человека. Получился любопытный и восхитительный образец недобросовестности, с которой немец способен говорить о немецких делах и людях. Сиверсу Екатерина давала самые унижительные поручения, исполнение которых не принял бы, может быть, на себя ни один русский. У своего историка этот императорский палач на берегах Вислы и Немана превратился в носителя всех добродетелей, частных и общественных, в героя, почти святого.

Без сомнения любопытную фигуру представлял этот германец, с очень легкой русской окраской, безупречный чиновник и придворный, не оставлявший желать ничего больше: деятельный, образованный, сентиментальный и жестокий, способный на гуманные поступки наряду с проявлениями дикости; соединяющий привычки уравновешенного мещанина с наклонностями разбойника. И он был тоже голштинец. Одному из его дядей, приехавшему в Россию искать счастья, посчастливилось сыграть роль в первой главе романа, превратившего Софью Ангальт-Цербтскую в наследницу Петра Великого: ему было поручено в 1742 году привезти Елизавете портрет будущей невесты Петра III. Племянник нашел, будучи семнадцати лет, покровителя в Петре Чернышеве, которого он сопровождал в Лондон и у которого начал свое дипломатическое обучение. Потом он служил в армии и принимал участие в победах при Гросс-Егерсдорфе и Цорндорфе. Но эта карьера была не по нем. Екатерина открыла в нем в 1764 г. администраторские способности и назначила его новгородским губернатором. Эта губерния, имевшая 1700 верст длины и 800 ширины, представляла собой совершенную пустыню: ни полиции, ни почты, ни дорог; развалины дворца в главном городе и тюрьма с тысячей двумястами арестантов. Сиверс проявил тут большую деятельность. Через три года Екатерина, в одном из своих пи-

---

<sup>1</sup> Записки «Русского Исторического Общества». Т. LXXII, 490—493.

сем, советовала, чтобы он *не забыл жениться* среди своих беспрестанных переездов. Он в это время, действительно, сватался к одной из своих соотечественниц; но не переставал разрезывать. Он строил шоссейные дороги и привез императрице план памятника, который местное дворянство желало поставить «Великой Екатерине». Если верить его биографу, он приезжал очень часто в Петербург для советов с императрицей о проектах реформ, которыми увлекалась тогда Екатерина, — друг философов, Сиверс был главным вдохновителем большинства ее попыток на этом пути. Он сотрудничал в знаменитом «Наказе» Комиссии о сочинении проекта нового уложения и получил, *преклонив колени*, указ с еще невысохшей подписью, повелевавший губернаторам руководствоваться 9 статьей этого Наказа, провозглашавшей уничтожение пыток. Около этого же времени он принимал участие в устройстве ассигнационного банка, составившего впоследствии краеугольный камень финансовой системы Екатерины, и придумал употребить для первого выпуска ассигнаций запас старых скатертей и салфеток, найденных им на чердаках дворца. Наконец, в 1775 году Екатерина советовалась с ним, и только с ним одним, об организации губерний, составлявшей, по словам биографа Сиверса, важнейшее дело царствования. Дело это, без сомнения, было несовершенно, ошибочное в самом своем основании: не затрагивавшее огромной массы крепостных, здание было построено в воздухе и воздвигало над пустотой парадоксальную надстройку из привилегированных классов; но Сиверс сделался генерал-губернатором двух губерний — Новгородской и Тверской, слившихся при новой организации — сделался, так сказать, царьком.

Недолго ему пришлось пользоваться своей властью. В Петербурге было слишком много русских, смотревших с завистью и опасением на это немецкое царствование. Правда, у Сиверса существовал в столице усердный, бдительный и очень ловкий защитник: его жена — дамочка очень умная, подвижная, всегда все знавшая и энергичная. До нас дошло несколько ее писем; между ними, например, одно, дающее мастерски набросанную картинку, где находится рассказ о вечере, проведенном при дворе. Императрица играет в карты с Вяземским и Голицыным, двумя отъявленными врагами Сиверса; конечно, не без умысла она выбирает эту минуту, чтоб сказать несколько любезных слов жене генерал-губернатора. Отвечая на них как можно удачнее, приседая так низко, как только позволяет ей ее положение — вечная беременность — г-жа Сиверс видит, как сверкают хищные зубы Вяземского и пронзительные глаза Голицына: оба, кажется, готовы съесть ее. — «О! если б я могла держать их в эту минуту в своих руках, — пишет она на следующий день мужу, — можешь вообразить себе, что бы я сделала с ними». И Сиверс был вполне согласен с ней. Когда же два года спустя, великолепно отделавши свой генерал-губернаторский дом, он пригласил эту люби-

мую и столь полезную супругу переехать к нему, то получил от нее решительный отказ: она встретила при этом враждебном дворе русского, взгляд которого вовсе не походил на взгляд Голицына, и легко получил развод, переменяла фамилию Сиверс на графиню Путятину.

Последствия этой измены не замедляли дать себя знать Сиверсу. Враждебность Вяземского и Голицына уже не встречала отпора и нашла себе новую поддержку в Потемкине, приобретавшем все сильнейшее влияние, а также во все возраставшем равнодушии Екатерины к вопросам внутренней политики. В 1781 г. Сиверсу пришлось подать в отставку. За ним было оставлено управление водными путями сообщения, недавно устроенными в его губернии. Через год у него отняли и эту должность, чтоб отдать ее Брюсу, шотландцу, мужу одной из наперсниц Екатерины. Он удалился в свое имение Бауенгоф в Лифляндии, где прожил десять лет, забытый всеми. Чтобы извлечь его оттуда и вписать в его биографию последний эпизод — может быть, самый блестящий из всех — понадобилась смерть Потемкина и... второй раздел Польши.

После последней попытки к восстановлению и последнего призыва к оружию (май—июль 1792 г.), несчастная республика отдана была во власть победителя. Необходим был ловкий человек, с твердой рукой, который сумел бы сломить сопротивление и положить конец последним вспышкам возмущения. Екатерина вспомнила о Сиверсе. Он знал в Лондоне несчастного Понятовского, тогда простого, младшего сына в семье. Они вместе кутили. Сиверс встретил его в Варшаве королем, полулишенным трона, и должен был докончить его падение. Любопытна и трогательна была, вероятно, встреча этих двух людей под золочеными потолками дворца Вазы. Любопытны также и трогательны письма, писанные в это время Сиверсом к одной из его дочерей, г-же Гюнцель. Жизнь его — пытка! Какое мучение быть обязанным душить такую великую и благородную нацию, унижать короля, достойного лучшей участи! Почести, которыми его окружают, почтение, которое указывают, как русскому посланнику, ненавистны ему. С каким наслаждением он вернулся бы в уединение Бауенгофа, с его тенистыми аллеями и цветником! Только одни цветы, которые ему присылают сюда, и некоторые сорта, которых он разводит в теплицах своего дворца, вносят немного радости в его жизнь. С какой готовностью он отказался бы от ненавистной должности, если бы не сознавал, что служит в ней *делу всего человечества и самой Польши!* Он писал именно этими словами и, может быть, действительно думал так. А между тем той же рукой он подписывает распоряжение за распоряжением, выполняя с неумолимой строгостью приказания, получаемые из Петербурга; штыками сгоняет на гродненский сейм избирателей-депутатов, призванных для голосования за расчленение отечества; мучает несчастного короля, «столь достойного лучшей участи», чтобы вырвать у него согласие на путешествие в Гродно, где должна была завершиться его судьба; не оста-



Граф Михаил Илларионович Воронцов. *С портрета Токе*

наваливается ни перед каким запугиванием, ни перед каким насилием до тех пор, пока ему не удастся потащить туда, как на бойню, и короля, и депутатов, побежденных, окровавленных, задышающихся.

А там опять новые ломания! Только и речи, что о цветах, которые он находит возможным собирать в импровизированном саду! Сердце его все продолжает, как Варшава, обливаться кровью при виде страданий, которые он пытается облегчить! Постоянные усилия совести извлекает из стольких зол крупицу добра для порученной ему страны! И трогательное умиление, крокодиловы слезы при пении Камелли, авантюристки, экс-фаворитки короля, дающей в честь Сиверса концерт у папского нунция! А в то же время, повинуясь его приказанию, солдаты Игельстрема направляют пушки на зал сейма и в течение целых суток не выпускают из нее депутатов: ни один не выйдет, прежде чем состоится подача голосов, такая, какую ожидают от них.

Действовал ли он бессознательно, как, по-видимому, находил его биограф? Не уехал ли он из своего тенистого Бауенгофа, не взвесил хорошенько возлагаемых на него обязанностей? Нет: вот письмо к дочери, где он прямо и откровенно хвалится совершенным делом. И затем следует награда: пожалование ему трех тысяч польских крестьян, от которых он не отказывается. Лучший довод в его пользу или, по крайней мере, говорящий за него, исходит с другой стороны. Настает минута, когда в Петербурге находят, что он еще недостаточно сделал, что рука у него не достаточно тяжела. Его отзывают внезапно, позорно, требуют даже денежных отчетов, объяснения в тратах на содержание его дома. Сумма значительная: один стол его в Варшаве обходился в 8000 рублей ежемесячно! Но он защищается; уверяет, что сделал все, чего от него могли ожидать — и сделал достаточно — и, наконец, прямо обвиняет нового фаворита Зубова в том, что тот виновен в постигшей его немилости, получив за это от польских дворян бриллиант, который те поднесли ему, и 20 000 дукатов. Письмо, написанное с неслыханной смелостью и силой, показывает новую черту его характера. Польская компания, по-видимому, пробудила в нем человека, не проявлявшегося до тех пор — немецкого рейтара, дремавшего под хорошо выдрессированным чиновником. Екатерина сделала вид, что не понимает его. Она удовольствовалась тем, что отослала мятежного чиновника в Бауенгоф, где он угас в 1808 г.

Сиверс не был ни героем, ни святым; но в то же время он был человеком не без достоинств. Нельзя сказать того же об его очень многих иностранных коллегах, выписанных за большие деньги или приобретенных на вес золота у соседних дворов, которые оказывались не в силах выдерживать надбавку на аукционе: о граф Рейтерне, вызванном из Голландии; бароне Ассербурге — из Дании. По поводу одного из подобных авантюристов, генерального консула в Константинополе, где он подрывал деятельность своего начальника, посланника Булгакова, давая понять туркам, что скоро заместит его, граф Сегюр писал в 1786 г.: «Этот Ферриери один из тех, которые обыкно-



венно быстро наживаются в России: шутовство, распутные женщины, еда и игра — выше этого он не поднимается».

Но Екатерине не представлялось возможности быть разборчивой. Каковы бы они ни были, иностранцы все же служат ей лучше, чем природные русские, которыми она вздумала бы заместить их. Взять хоть бы Рылеева, которого она во что бы то ни стало желала сохранить во главе петербургской полиции и о котором различные современные записки рассказывают такие забавные анекдоты. Один из них, передаваемый Гарновским, показывает нам в то же время и чисто русский антураж начальника полиции. Банкир Сусерлэнд, у которого украли часы, за что над ним смеялись все знакомые, говоря, что их утащил у него сам Юпитер, чтоб похвастаться ими на Олимпе, — вздумал в свою очередь поднять на смех полицеймейстера.

— Не ищите вора, обокравшего меня, — сказал он, явившись к Рылеву, — мои друзья уже нашли его: это Юпитер.

— Кто это, Юпитер? Где он живет?

— На Олимпе.

— Где это Олимп? Я не знаю такого квартала. А, постойте!.. Уж не Петербургская ли это сторона?

— Нет, — вмешался один из служащих, — я имею кое-какое понятие об этом Юпитере: это ювелир с Мещанской.

И разговор продолжался в том же духе.

У Екатерины, впрочем, была еще причина, побуждавшая ее принимать, не разбирая очень строго, этих искателей счастья — итальянцев или немцев: она сама была из них. И это отражалось на ее русских приближенных. В числе их мы видим мало представителей действительно старинного русского дворянства. Из двух братьев Воронцовых, составлявших лучшее украшение двора, одного отправляют в Англию, как бы в полу-ссылку, а о другом, министре торговли, граф Сегюр пишет: «Императрица не любит его; сослуживцы боятся; но так как он человек с характером, то, естественно, всегда одерживает верх над тем, у кого характер слабее... Он не особенно умен, мало образован и совсем недальновиден; но очень горд и упрям невероятно».

Сегюр прибавляет: «Говорят, что этот министр отказывается от всякого подарка, принятие которого могло бы бросить тень на него; но одна из причин, заставляющих его держать сторону Англии — это его крупные долги английским купцам; он делает им очень много заказов и не платит. Подобный способ принимать подарки он — как говорят — считает менее опасным и не менее прибыльным»<sup>1</sup>.

Екатерине, естественно, волей-неволей приходилось давать предпочтение Сиверсам перед дворянами такого пошиба или русскими выскочками, вроде Теплова.

---

<sup>1</sup> Письмо к графу де Вержен 8 апреля 1786. Архив французского Министерства иностранных дел.

---

# СЫН ВЕЛИКОЙ ЕКАТЕРИНЫ

Павел I

---



## ПРЕДИСЛОВИЕ

Сын Екатерины с его трагической судьбой — одна из самых загадочных фигур истории. И одна из самых спорных. Это разногласие по поводу личности императора Павла стало за последнее время особенно резким.

Безумие на престоле, более или менее ярко выраженное, наблюдалось не раз, особенно во второй половине восемнадцатого века. Георг III в Англии и Христиан VII в Дании были современниками Павла. Однако относительно последнего вопрос надо поставить несколько иначе.

Во-первых, был ли сын Екатерины действительно душевнобольным?

Еще недавно это считалось вполне несомненным, по крайней мере по отношению к последним годам жизни императора Павла. Общепризнанным было и мнение о гибельности и самодурстве его правления, когда судьбы России в течение четырех лет находились в бесконтрольной и безграничной власти безумного деспота. Но теперь вопрос этот вызывает сомнения. Мы видим за последние годы полный переворот в установившихся взглядах на характер и ум Павла I, так же, как и на значение его царствования.

Причины этого переворота понятны; среди них первое место занимает, конечно, прогресс науки. Новые открытия патологии опровергли не один вывод, который делался раньше о нравственном складе императора, а более глубокие исторические изыскания заставили в свою очередь проверить прежний приговор о Павле Петровиче. В возникшие по этому поводу прения властно вмешался также закон реакции, доведя спор до крайних, в противоположном смысле, и очень смелых заключений. И, наконец, случайное стечение событий и поворот в общественном мнении, вызванный этими дебатами или, напротив, вызвавший их, придал спору характер страстности.

Результат, к которому этот спор привел, невольно вызывает, однако, смущение.

В глазах своих новейших русских биографов Павел не только перестал быть сумасшедшим, но превратился почти в великого человека. Они не ограничиваются тем, что восхваляют его высокие качества и блестящие дарования; они склонны признать его гением. Его царствование будто бы не только не представляло собой для его подданных ряда тяжелых испытаний, как это думали прежде, но было в

их жизни периодом деятельности, особенно благотворной и плодотворной. И если бы начинания императора Павла не были прерваны его смертью, то, возродив Россию, они открыли бы перед ней ослепительные перспективы благоденствия и величия.

Остается только объяснить, каким же образом после современников Павла, почти единодушно осудивших его, потомство заблуждалось на его счет так долго? Как могла произойти столь грубая ошибка? Почему, вопреки своим интересам, своей славе и естественному инстинкту, родная мать этого непризнанного государя настолько разделяла по отношению к нему общее чувство, что готова была на все, только чтобы отнять свое наследство от этого наследника? И если Павел был действительно достоин того места, которое его новые защитники отводят ему в пантеоне великих государей, то как они примиряют это величие с некоторыми неоспоримо странными чертами его характера и ума, не отрицаемыми и ими, и теми явно гибельными последствиями его царствования, которые и ими признаются гибельными?

Загадка, таким образом, остается неразрешенной, лишь изменив свою форму. И, может быть, последующие страницы помогут ее разрешить.

Как ни тщательно был изучен другими исследователями ум и нрав Павла в их природном складе или в их эволюции, безусловно не все данные были приняты ими в соображение. Помимо наследственности, воспитания и окружающей среды, другие не менее решающие влияния ускользнули от их внимания. Держась противоположных своей матери взглядов, Павел в течение двадцати лет был резким противником ее политики и царствования, заслуги которых, несмотря на некоторые ошибки, признаются, тем не менее, всеми. Он задумал, подготовил и хотел произвести полный переворот того правления, которое дало России могущество, блеск и обаяние, каких она не имела с тех пор. Достигнув власти, он если и не привел этого плана в исполнение, то во всяком случае пытался это сделать. Вступив, наконец, на время в противореволюционную лигу, он затем вышел из нее, чтобы сойтись с героем 18 брюмера и вместе с ним мечтать о разрушении старого порядка в Европе и о разделении мира между ними двоими. Что это, как не указание на родство Павла, и родство несомненное, со множеством расстроенных и неуравновешенных умов той эпохи, охваченных вместе с ним ее великим политическим и нравственным неврозом? Он был, конечно, подлинным сыном революции, которую он так пламенно ненавидел и против которой боролся. Его нельзя назвать поэтому ни сумасшедшим в патологическом значении этого слова, ни даже слабоумным, хотя он и был способен на явное безрассудство и на последние глупости: просто, как человек посредственного ума, он не мог устоять против общего умственного кризиса, заставлявшего бредить даже самых сильных.

Несмотря на это, он вызывал в некоторых своих современниках восхищение, и после смерти был превознесен другими, так как есть люди — в известные периоды такими является большинство — которые легко принимают буйность и опрометчивость за силу и гениальное вдохновение.

У читателей, которых удивит такой взгляд, я попрошу немного доверия. Если они согласятся рассмотреть со мною те факты, о которых я говорю в этой книге, то — думаю я — им станет достаточно ясно, почему сложилось во мне мое убеждение. И, надеюсь, не сделают мне упрека, которого не навлекала еще ни одна из моих работ: я безусловно никогда не выказывал в них ни страсти к парадоксам, ни склонности к произвольным догадкам.

Не могу не указать, впрочем, что эта тенденция оправдывать сына Екатерины, о которой я говорил, замечается в России лишь за последнее время и совпадает с бурным проявлением тех же политических и общественных течений в этой стране, какие потрясли Европу сто лет назад.

Вопрос о том, насколько эти политические идеи проникали во времена Павла в Россию и каково было их влияние, как в лице Павла и в характере его правления они сочетались с началами беспорядка или устойчивости, консерватизма или революции, свойственными его стране, — и составляет предмет моей книги и ее главный интерес. Своей сложной психологией и драматическими перипетиями своей жизни вплоть до последней трагедии, закончившей ее, Павел бесспорно вызывает большой интерес; но выдержавшая на себе опыт его царствования громадная страна, которую он держал в своей власти и задался целью переделать на свой образец, без сомнения, еще интереснее.

Настоящая книга возвращает меня к той эпохе в истории России, где я оставил ее двадцать лет назад, когда отступил вглубь ее, к более давним ее временам. Позвольте мне не повторять здесь, что побудило меня к этому длительному отступлению, которое некоторые критики до сих пор не могут мне простить. Для моих читателей оно вызывало несомненно некоторые неудобства, однако преувеличенные, по моему мнению, — но мне самому угрожало несравненно более серьезным риском: оставить — если бы я прервал свою работу на полпути — нежелательный пробел между основанием того здания, которое я возводил, и его верхними ярусами. Но так как этого не случилось, то читатели не откажут признать, что ни тщательность отделки, ни стройность всей постройки, насколько архитектор был способен их осуществить, не пострадали от приема его работы. Хороши или нет результаты моего труда, этот труд представляет собой, тем не менее, нечто цельное. Я убедился в этом, когда при переводе на иностранные языки моих книг, — и именно тех, что вышли раньше других, — я должен был пересмотреть все написанное мною раньше.

К очеркам очень неравного интереса, в смысле эпохи и содержания, предназначенным притом для различных — по качеству и количеству — читателей, нельзя, по моему мнению, относиться одинаково. Но если бы мне пришлось вновь начинать свою работу, имея в виду план и границы настоящего очерка, то я мало бы что изменил в двух первых книгах моего труда, посвященных Екатерине II. И я тем менее изменил бы этот план, что читатели, которых я имел в виду, по-видимому, отнеслись к нему с одобрением в различных странах.

Переводы той серии моих сочинений, к которой принадлежит «Роман императрицы», теперь очень многочисленны в России, но все относится к самому недавнему времени. До 1905 года строгость цензуры не допускала выпуска моих работ на русском языке. Переводчики и издатели вовсе не были, поэтому, принуждены следовать за автором в «его движении зигзагами», за которое его столько раз укоряли; а по существовавшему до сих пор порядку вещей я был лишен всякой возможности руководить этими переводными работами, узнавая о них в большинстве случаев лишь по библиографическим указателям. Между тем по соображениям, подобным тем, которыми я руководился сам, — русские издатели моих сочинений уклонялись обыкновенно еще больше меня от хронологического порядка.

При подготовительной работе к этому тому я нашел в литературе предмета богатый материал, однако пользоваться им было часто трудно. За исключением нескольких отрывочных и неполных исследований и исторических документов той эпохи, почти все монографии, записки и даже некоторые документальные данные рассеяны по бесчисленным журналам. Но мне кажется, что все сколько-нибудь ценное не оставлено мною здесь без внимания.

Относительно других источников не могу похвалиться, чтобы они были так же основательно исчерпаны мной. Их слишком много, и они слишком разбросаны по различным архивам, чтобы быть изучены одним человеком. Иные из них притом недоступны, даже в государственных хранилищах, за отсутствием каталога и классификации, необходимых для пользования этими сокровищами. Впрочем, мы напрасно стали бы искать в них каких-либо откровений, которые могли бы изменить наш взгляд на личность Павла и на события его времени. Не говоря уже о том, что даже в России было произведено немало исследований на эту тему, сын Екатерины, с его страстием к парадом, жил и действовал слишком открыто, чтобы суметь скрыть что-либо важное даже в самых сокровенных своих чувствах. Главный документ истории его царствования — это «Полное собрание законов» и статьи «С.-Петербургских Ведомостей». Павел сказался тут весь, со всеми даже своими чудачествами и запальчивостью.

Некоторые пункты его жизни и характера еще требуют, конечно, освещения; но в наш век специализации недостаток чувствуется обык-

новенно не в изучении подробностей, а напротив — в понимании всего явления в его целом. На это я и направлял свои усилия, не пренебрегая, насколько возможно, и частностями, и насколько исторической истине не суждено вечно уклоняться от наших попыток найти ее, на каком бы множестве свидетельств мы ни строили свой труд, — мне кажется, я достаточно приблизился к ней, оставив возможным заблуждениям лишь неширокое поле.

Многие лица оказали мне при моих изысканиях ценные услуги. Приведу только один пример: в то время как в Лондонском *Record Office* любезность выдающегося начальника этого несравненного учреждения и разумная помощь его персонала позволили мне при моем приезде в Лондон закончить в несколько дней значительный труд, — услужливость высокообразованного русского консула в Лавалетте, г. Рудановского, избавила меня от другого путешествия для использования архивов Мальты. Этим сотрудникам и всем тем, которых я имел счастье найти, я приношу здесь мою благодарность.

Уважаемый русский посол в Париже, А. И. Извольский, сам решил мне считать его в числе моих помощников, предоставив в мое распоряжение многочисленные документы и заметки, собранные им в течение его двойной трудовой карьеры, во время которой спокойное изучение прошлого часто отвлекало русского дипломата от животрепещущих забот настоящей минуты. Прошу его принять мою искреннюю признательность.

И, наконец, у меня особенный долг благодарности по отношению к Его Императорскому Высочеству великому князю Николаю Михайловичу, доказавшему мне еще раз свое великодушие и открывшему мне доступ не только в его собственные столь богатые хранилища в С.-Петербурге и в Боржоме, но и в некоторые другие, где я мог почерпнуть драгоценные сведения. Мне хотелось бы, чтобы эта книга заслужила тот интерес, с каким он к ней отнесся, и я надеюсь, что он не откажет принять выражения моей глубокой и почти-тельной признательности за его высокомилое к ней внимание.

# Часть первая

## ОЖИДАНИЕ

### Глава 1

#### ПРЕТЕНДЕНТ НА ПРЕСТОЛ

*1. Преемство верховной власти в России в восемнадцатом веке. — Престол по избирательному или захватному праву. — Павел не был наследником до вступления на престол Екатерины — он ей обязан званием наследника. — Его права и притязания. — Другие последствия государственного переворота 1762 года. — II. Воспитание цесаревича. — Его гувернер Бехтерев и Панин. — Русский Данжо. — Порошин. — Двор Екатерины. — Развращающее влияние и реакция. — Основная драма и ее следствие. — Раннее честолюбие и нервность ученика. — III. Его первый брак. — Наталья Алексеевна. — Вакханка. — Красавец Андрей Разумовский. — Сожительство втроем. — Новая драма. — Смерть великой княгини. — Павел быстро утешен. — Вторичная помолвка. — Мария Федоровна. — Образцовая жена. — Супружеская идиллия. — Этюп и Павловск. — Злополучное вмешательство Екатерины. — Павел разлучен со своими детьми. — Александр. — Отец и сын. — Лагарп. — Первое несчастье. — Кто был в нем виновен. — IV. Русская Агриппина. — Попытка Екатерины привлечь своего сына к управлению делами. — Неудача. — Павел в роли претендента на престол. — Систематическая оппозиция: интриги и заговоры; политический и нравственный антагонизм. — Австрийский союз и дружба с Пруссией. — Тревога Екатерины за свое наследство. — V. Вопрос о лишении Павла прав на наследование престола. — Мать и сын принимают свои меры предосторожности. — Завещание Павла и «Правда Воли Монаршей» Петра Великого*

### I

Павел родился 20 сентября 1754 года, и ему было восемь лет, когда умер его отец. Но верховную власть захватила его мать, и ему пришлось ждать до 1796 года, пока власть перешла к нему. Он находил, что Екатерина завладела престолом в ущерб его праву, и это и послужило основанием той драмы, которая в течение столь долгих лет делала сына более или менее открытым противником матери.

Я уже писал об этой стороне их отношений, и с тех пор этот вопрос стал, даже во Франции, предметом очень подробных исследований. Я должен, однако, вкратце к нему вернуться. Чтоб понять императора Павла в 1796—1801 гг., надо знать великого князя Павла Петровича за период 1762—1796 гг., когда он был наследником пре-





Великий князь Павел Петрович

стола, но был также и претендентом на престол, а, следовательно, бунтовщиком. Это основная черта биографии несчастного государя. Она была преобладающей в течение первой половины его жизни, но и во второй ее половине послужила отчасти причиной ее кратких, но драматических событий. Тем не менее, она до сих пор недостаточно принималась в соображение.

Были ли основательны притязания цесаревича? Вопрос этот считается спорным. Однако он чрезвычайно прост, и его запутали только тем, что ввели в него нектати, как это делал и сам Павел, принцип законности, которому в нем нет места.

Закон о престолонаследии? Но такого закона не существовало тогда в России. Ни в каком роде и ни в каком смысле. Престол, которого требовал себе сын Екатерины по праву наследования, не был наследственным в его время. Он переходил «по избирательному или по захватному праву», согласно знаменитой формуле Караччиоло, или, проще, по русской поговорке: «кто раньше встал да палку взял, тот и капрал».

Из хаотической путаницы противоречивых взглядов на преемство верховной власти в России, сменявшихся один за другим после того, как в конце шестнадцатого века угасла династия Рюрика, Петр Великий извлек один решающий принцип: «правду воли монаршей», т. е. произвольную власть государя выбирать себе наследника. Но сам Петр не пожелал воспользоваться этим правом, после него и пошел ряд императоров и императриц, *захватывавших российский престол при помощи государственных переворотов.*

Сама достигнув престола этим путем, Елизавета, правда, вспомнила о принципе, установленном ее великим отцом, и избрала себе преемником племянника — отца Павла; но Петр III не подумал в свою очередь воспользоваться тем же правом в интересах своего сына. Таким образом после его смерти Павел был с точки зрения закона — ничто, и между ним и Екатериной была возможна борьба не прав, а честолюбий. И, действительно, борьба эта и началась между ними именно в этом смысле до восшествия на престол молодой подруги Орловых и до трагической кончины ее мужа.

Еще в 1760 году, назначенный Елизаветой воспитателем Павла, Никита Иванович Панин замышлял то, что Екатерина осуществила впоследствии, — с той разницей, что, устранив Петра, он хотел заменить его сыном, а не супругой свергнутого императора. При царившем в то время произволе он мог бы привести свой план в исполнение. А план его заключался в том, чтобы при помощи своего ученика осуществить в России идеал конституционной монархии на шведский образец, т. е. верховной власти, находящейся в действительности в руках министров не управляющего монарха. Но это ему не удалось, и Екатерина, сумевшая лучше воспользоваться услугами гвардии и собственной смелостью и счастьем, одержала над ним по-

беду, совершив государственный переворот в свою пользу. Павел узнал со временем об этом бывшем проекте возвести его на престол, и это еще более усилило в нем раздражение против Екатерины, а также против тех, кто помог ей надеть царский венец.

Однако, даже помимо сыновней любви, которая не должна была бы допускать в нем этого злого чувства по отношению к матери, оно было тем менее справедливо, что с воцарением Екатерины он выигрывал гораздо больше, чем терял.

Он терял крайне непрочные шансы на престол. Было весьма невероятно, чтобы отец избрал его своим наследником. Разве Петр III не заводил речи о том, чтобы прогнать Екатерину и жениться на Воронцовой? От этой жены он мог иметь других детей, и она могла бы убедить его отдать ее ребенку предпочтение пред Павлом. Петра считали, впрочем, способным предпочесть Павлу даже жертву предшествовавшего государственного переворота, сверженного Елизаветой императора Иоанна Антоновича! Екатерина же, едва вступив на престол и провозгласив себя самодержицей Всероссийской, первым делом назначила сына своим наследником. Только ей он был обязан своим правом на престол, и таким образом являлся вдвойне ее созданием.

Но честолюбцы не рассуждают.

Между матерью и сыном стояла, кроме того, окровавленная тень убитого в Ропше. Если бы Петр III остался жив, Павел по всей вероятности не царствовал бы после него. И можно поставить ему только в похвалу то, что это соображение не оказывало на него влияния. Но он был неправ, смешивая вполне законное чувство горечи по поводу смерти отца с личными притязаниями, которые ни в каком смысле не были законными, и, став по отношению к матери, давшей ему и жизнь и право на царствование, не только в положение судьи, но и соперника. А между тем эта двойная роль, которой он держался тридцать четыре года по отношению к Екатерине, и определила в большой мере всю его судьбу.

Как бы Екатерина ни поступила после кончины Петра III, она вряд ли сумела бы уничтожить роковые последствия событий, возведших ее на престол. Да и что она могла сделать? Наказать убийц? Но она была им обязана властью и возможностью сохранить эту власть в своих руках. Смягчить сына своей любовью? Но он был оторван от нее на следующий же день после того, как она его родила; он был ей почти чужой, и ничто в этом ребенке не привлекало ее сердца и не радовало ее ума. К тому же он был ее соперником, и она должна была считаться с мнительностью и опасениями тех, кто поддерживал ее против него.

Ее сторонники не могли, правда, мешать ей исполнять материнский долг по отношению к сыну. Однако уклонилась ли Екатерина от обязанностей матери по собственному почину? Ее обвиняли в этом. Но это вопрос, который следует рассмотреть отдельно.

## II

Воспитание Павла вызывает во многих резкое осуждение. Оно не было, разумеется, образцовым. Однако трудно указать на пример образцового воспитания в ту же эпоху и при аналогичных условиях. Наследник Людовика XV и наследник великого Фридриха были воспитаны не лучше ученика Панина. И, с другой стороны, Екатерина не могла вполне свободно руководить физическим и нравственным развитием своего сына даже после того, как верховная власть перешла в ее руки.

Предшественник Панина, Федор Дмитриевич Бехтеев, был выбран совершенно помимо ее воли. Это был посредственный дипломат, но вполне порядочный человек, — его пребывание в Париже не принесло ему славы. Он развил природенную страсть Павла к военным учениям, выдумав для него азбуку, где буквы изображались солдатиками. И развил также гордость Павла, издавая и печатая газету, в которой сообщалось о малейших поступках и событиях жизни молодого великого князя. Екатерина не имела в то время никакого голоса в деле воспитания сына. А как только получила возможность заняться им, она была готова привлечь все лучшие умственные силы Европы для образования сына. Но, прочитав манифест, где смерть Петра III приписывалась геморроидальному припадку, д'Аламбер отказался от сделанного ему предложения, сказав, что он подвержен той же болезни. Его примеру последовали Дидро, Мармонтель и даже Сорен. Тогда, в помощь Панину, которого тоже выбрала не она и которого не могла устранить, не раздражая поддерживающую его сильную партию, Екатерина должна была удовольствоваться менее знаменитыми педагогами.

Но и сам Панин не заслуживает того пренебрежения и строгого осуждения, с каким к нему относится большинство биографов Павла. Они слишком доверяют свидетельству одного из его сотрудников, Порошина, доброго, но недалекого человека и притом еще соперника в любви: Панин и Порошин ухаживали за одной женщиной, и Порошин совмещал эту страсть с любовью к сплетням. Он был в миниатюре Данжо Людовика XIV, отданного на его попечение.

Панин был бесспорно сибарит, развратник и интриган. «Свободное время, которое ему остается от еды, игры, распутства и сна, он употребляет на то, чтобы ссорить мать с сыном и сына с матерью», — писал про него французский поверенный в делах в Петербурге Дюран в 1774 году. Но не надо забывать духа и нравов той эпохи: автор «Исповеди», написав «Эмилия», считался тогда первым авторитетом именно в деле воспитания. И какова бы ни была исповедь, которую в свою очередь пришлось бы делать Панину, он имел за собою достоинства, даже как педагог. Это доказывает записка, составленная им в 1760 году: заботы о физическом и нравственном здоровье ре-

бенка; намерение пользоваться даже играми, чтобы направлять Павла к добру; план учения, который познакомил бы его постепенно со всем, что должно интересовать будущего монарха, — ничто здесь не забыто. Хоть и сибарит и развратник, Панин был в то же время и мыслителем. Он стоял в связи — правда, несколько отдаленной, — со всей умственной аристократией того времени. В нем не было ничего общего с Струэнзе, еще меньше с Тюрго; несмотря на полунемецкое, полуфранцузское воспитание, он крепко сросся с родной почвой, с ее традициями, нравами и предрассудками, но присматривался и прислушивался и к тому, что творилось на Западе, после чего он перерабатывал в себе все эти впечатления, в духе своего народа, до их полной неузнаваемости.

Это отдаленное отражение и извращение господствующих в то время идей проявлялось в России особенно сильно и резко, так что было здесь всеобщим явлением. Сам Павел служит тому разительным примером.

Другие учителя молодого великого князя тоже не заслуживают презрения, хотя среди них не было Дидро и д'Аламбера. Француз Николай, бывший прежде выдающимся профессором Страсбургского университета, его соотечественник Лафермьер, недурной писатель, и русский Плещеев, моряк, вышедший из английской школы и известный географ, — все это очень почтенные имена.

Со своей стороны, Панин, хотя и воспитывался в прибалтийских, германофильских провинциях, но придерживался не только тех симпатий, что были привиты ему там. Он хвалился своим эклектизмом, но не отказывался от своей национальности. Союз с Пруссией был первым членом его политического символа веры, Фридрих II — его пророком и Берлин — Меккой, но Берлин второй половины восемнадцатого века, где французский дух — включая сюда и Вольтера, и оперные куплеты — играл, как известно, очень большую роль. В составленной им программе учения он отнюдь не отодвигал Россию на задний план; ее языку и ее литературе должно принадлежать, говорил он, первое место, если бы даже не существовало Ломоносова и Сумарокова.

Выполнил ли он эту программу? Это другое дело. Первое издание «Эмилия» вышло в 1752 году, и Панин, конечно, читал эту книгу. Но он не имел возможности уединиться со своим воспитанником в пустыне. Этому мешала жизнь при дворе — и при каком дворе! — с ее пышными празднествами и развлечениями. Итак, о правильности уроков не могло быть и речи. Они давались когда и как придется, между прогулкой, парадным обедом, спектаклем и маскарадом. Павел очень рано стал ходить в театр, что не могло быть для него очень назидательно, так как он видел пьесы вроде «Ревнивого фавна» или «Безумства любви», поучался разбирать достоинства известных ба-

лерин и по поводу одной преждевременно увядшей актрисы высказал предположение, что «elle avait dû passer par trop be mains».

То был двор Екатерины, и *Северная Семирамида* была по отношению к сыну настолько гостеприимной хозяйкой, что даже поощряла его преждевременные ухаживания за самыми распущенными из своих фрейлин. В этом она была неправа; но в общем развращающее влияние ее двора мало отразилось на Павле в его детские и юношеские годы. Говорили ли в нем прирожденные вкусы, или инстинктивная реакция против нездоровых для ребенка впечатлений, или наконец отвращение всему, что исходило от его матери, но молодой великий князь интересовался гораздо больше теми суровыми уроками, что давали ему его учителя. Когда им случалось говорить в его присутствии двусмысленности; как о том с негодованием свидетельствует честный Порошин, то Павел обыкновенно пропускал услышанное мимо ушей. Но зато он запоминал их панегирики Волынскому, министру-преобразователю императрицы Анны Иоанновны, ставшему жертвой своих благородных стремлений, а также их споры насчет неправоты Карла I по отношению к его подданным. Законоучитель великого князя, архимандрит Платон, бывший впоследствии Московским митрополитом и один из самых выдающихся епископов русской церкви, имел также на Павла очень сильное влияние, сохранившееся на долгое время.

Это более или менее устанавливало равновесие, но все-таки ребенку приходилось метаться между двух крайних течений, из которых каждое оспаривало его у другого. Главный упрек, который можно сделать воспитателям Павла, это то, что пища, умственная и нравственная, которую они ему предлагали, была для него слишком тяжела и обильна. Он всю свою жизнь увлекался идеями, непосильными для него. Еще ребенком он был полон мыслей, чувств и честолюбивых мечтаний, которых его мозг не мог переработать, так как чувственные способности всегда брали у него верх над всеми другими. На него в детстве смотрели, как на взрослого, и, благодаря Порошину, он никогда не забывал, что по своему рождению и призванию он человек единственный в своем роде, — будущий царь! Десятилетним мальчиком он уже высказывал обо всем свое решительное мнение, принимал тон азиатского деспота, не задумываясь раздавал направо и налево похвалы, порицания, презрение, — в особенности последнее. Он усвоил себе роль сурового цензора по отношению к правительству своей страны, раздражался от нетерпения, что не имел власти его изменить, и засыпал над своей ученической тетрадкой со словами: «я царствую!»

И, грезя наяву, он уже распределял должности, жаловал чины, командовал армиями, давал сражения. Смешивая идеи двух противоположных направлений, имевших на него влияние, он то мечтал о самодержавной власти, — и, действительно, она вскружила ему го-

лову, как только он ее достиг, — то увлекался мальтийским романом, с которым и связал впоследствии судьбы своей родины. Он обращался со своими камергерами или как с рабами, или наряжал их в рыцарей крестовых походов, закованных в латы, и устраивал с ними турниры.

Среда, в которой жил Павел, осложняла все эти странные контрасты еще большими противоречиями. Через конституционалиста Панина и масона Плещеева с его мистицизмом, наконец через самое Екатерину, усердно читавшую Монтескье и Беккариа, все либеральные идеи, гуманитарные взгляды и преобразовательные утопии века изливались украдкой на пробуждающийся ум молодого великого князя. Они открыли перед Павлом новый путь. Этот путь пленил его, и он устремился на него со свойственным ему пылом. Но бунтующий претендент и будущий самодержец не мог придать новой мечте, открывшейся его воображению, форму независимую от его собственной двойственной роли. Производить реформы? Да, конечно, после Струэнзе, Тюрго, Иосифа II и многих других он тоже будет преобразовывать свое государство! Но как? Он слепо — более слепо, чем революционеры, которые на другом конце Европы тоже стремились к завоеванию власти, — приписывал этой вожделенной и ожидаемой с таким нетерпением власти, почти безграничное могущество. Он считал ее волшебным жезлом, который ему достаточно будет взять в руки, чтобы переделать до самого основания весь мир или по крайней мере ту страну, где он будет царствовать.

Екатерина, составив план воспитания Павла по собственной мере, упустила из виду личность воспитанника. Кроме того, ей пришлось столкнуться с различными влияниями: наследственности, приближенных всей окружающей среды, контролировать которые она не могла. В качестве последователя Руссо, Панин доходил до того, что чуть ли не запрещал своему ученику военные упражнения, или во всяком случае отодвигал их на задний план. Со своей стороны императрица, сперва под влиянием Орловых и затем Потемкина, старалась освободить свою армию от традиций прусского милитаризма, успевшего уже наложить на ее сына свой отпечаток. Но среди приближенных великого князя нашлись подражатели Бехтеева, и Павел поддался внушениям младшего брата своего воспитателя, Петра Ивановича Панина, влюбленного в милитаризм, и мечтавшего подчинить ему весь гражданский строй государства. Павел будет царем, властелином, перед которым все трепещет и который все может: Порошин, ничего не понимавший в философии, непрестанно напоминал об этом ребенку. Павел каждый день слышал, как этот Порошин и другие восхваляли в Петре Великом гениального солдата, моряка и ваятеля, вылепившего свой народ на свой образец, словно кусок мягкого воска; или как они превозносили гений Фридриха, великого капрала, сумевшего выдрессировать свой народ, точно полк

солдат, или сурового героического Мильтиада, без которого Греция погибла бы при Марафоне, несмотря на всех своих философов. Быть сразу Фридрихом, Петром Великим и Мильтиадом и этим затмить Екатерину — стало заветным желанием Павла. Но при этом он не хотел отрекаться от философии, надеясь, что ее идеи вдохновят его для возрождения его страны, и не отказывался также от самодержавной власти, необходимой, как он думал, для того, чтобы совершить это великое дело.

Все эти влияния и идеи, столь несоразмерные с природными дарованиями Павла, — впрочем, с ними вряд ли кто-либо сумел бы справиться, — составили несчастье его жизни и всех его близких. Павел был от природы и остался навсегда одним из тех фантазеров без всякого творческого дара, у которых воображение, по определению специалистов, играет ту же роль в области умственной жизни, какую воля играет в движении. Недостаток воли был в течение всей жизни Павла его слабой стороной; зато непомерная работа фантазии, вызывавшая в нем лишь «смещение, путаницу и искажение предметов», согласно известной научной формуле, отразилась на всей его деятельности. Правда, что трагические события его детства и пережитые им в раннем возрасте приступы страха и безудержного гнева тоже наложили на него неизгладимый отпечаток.

Павел был по природе добрый, веселый, резвый ребенок, полный великодушных порывов, с открытым сердцем и душой. Но он стал жертвой слишком часто пугавших его призраков. В нем ожил его отец; он рано узнал, как этот отец умер, и образы, связанные с этой кончиной, — столь же ужасной, какой была впоследствии и его смерть, — вызвали в нем преждевременное беспокойство, подозрительность и сознание своего униженного и зависимого положения.

К этим тревожным мыслям присоединялись еще и другие, стоявшие в полном противоречии с первыми и в сущности возмутительные по той оскорбительной форме, какую Павел им придавал. Постоянно вспоминая о Петре III, он не менее часто выражал свои сомнения относительно того, что он его сын. Поведение Екатерины, конечно, допускало сомнения на этот счет; но разве мало матерей находятся в таком же положении — в особенности в восемнадцатом веке это было повседневное явление, — однако, их слабости и увлечения не вызывают в их детях инквизиторского любопытства. Сыновняя любовь извиняет их, прикрывая их одеждой Сима, даже искренно не замечает их прегрешений, так как в области родственных чувств привязанность часто берет верх даже над несомненной очевидностью.

Но Павлу такое чувство деликатности было чуждо; в тайне своего рождения он находил новый предлог для мучений, новый повод для скандала и лишнее объяснение для своей враждебности и недоверчивости. По природе экспансивный, он постепенно научился скры-





*Marie Frédérovna de Wurtemberg Grande Duchesse de Russie  
en costume François, née le 25. oct. 1759. Mariée en 1776. à Paul  
Petrovitch Grand Duc de Russie vue à Paris en mai 1782*

Великая княгиня Мария Федоровна

вать свои мысли и следить за своими словами. Он примешивал горечь ко всем своим радостям. И наконец, в виде протеста на воображаемое попрание его прав, в нем развилась непомерная гордость и преувеличенная обидчивость.

Он был несомненно сыном Екатерины и, должно быть, сыном Петр III. Но кроме Екатерины — Петра, Павла породила двойная драма: семейная трагедия его родителей, определившая всю его дальнейшую судьбу, и другая трагедия, потрясшая Европу в вихре великодушных идей и разрушительных страстей. Таким образом, с самых ранних лет Павел жил среди мрачных и тревожных видений, наложивших навсегда отпечаток на задумчивое и беспокойное лицо этого «очаровательного государя и отвратительного тирана», как его назвал Суворов тридцать лет спустя.

В качестве педагогов, Екатерина, Никита Панин и их помощники не были, конечно, мастерами своего дела. Но надо помнить, что многие принципы науки воспитания не установлены до сих пор. Во всяком случае Павел вышел из их рук человеком не глупым и не развращенным. Всех, кто знакомился с ним, он поражал обширностью своих знаний и очаровывал своим умом. Он долгое время был безупречным супругом и до последней минуты жизни страстно поклонялся истине, красоте и добру. Несмотря на все это, он собственными руками вырыл ту пропасть, где погибли сперва его счастье, а затем и его слава и его жизнь.

Была ли Екатерина виновна в этом несчастье? Да, конечно, она была виновна в том, что забрызгала кровью колыбель своего сына. Но другие обвинения, которые ей предъявляют, — в том, что она задержала восшествие Павла на престол, бесправно завладев сама верховной властью, и что она сознательно развращала своего сына, — глубоко несправедливы. Сознательно она стремилась к совершенно противоположному — даже в ущерб собственной безопасности.

### III

Павлу не было еще пятнадцати лет, как Екатерина стала думать об его женитьбе. И когда четыре года спустя она перебрала, подыскивая для него невесту, весь сонм немецких принцесс, достигших брачного возраста, то она остановила свой выбор на партии, бывшей, в ее глазах, самой выгодной для ее сына, но безусловно не вполне отвечавшей ее личным интересам.

Мать избранной принцессы, великая ландграфиня Гессенская, была очень достойная женщина; у нее бывали в Дармштадте Виланд, Гёте и Гердер, дочь ее считалась особой воспитанной и незаурядной. Но «если она (молодая принцесса) не сделает революции, то никто ее не сделает», сказал про нее князь Вальдек, узнав об ее отъезде в Россию. А сама Екатерина, получив сведения о будущей не-

вестке от своего свата, барона Ассбургга, написала: «Я уверена, что эта — самая честолюбивая (из всех сестер)». Однако она не колеблясь предложила ее Павлу в жены.

Екатерина, впрочем, ошиблась на ее счет, так как была слишком склонна судить о других женщинах по собственной мерке. У принцессы Вильгельмины Гессен-Дармштадтской, превратившейся в России в великую княгиню Наталию Алексеевну, все честолюбие свелось к желанию развлекаться по-царски. Начался ли ее известный петербургский роман еще в Дармштадте? Об этом ходили слухи, и говорили даже, будто сама Екатерина знала об этом. Но в действительности Наталия Алексеевна встретила героя своего романа, красавца Андрея Разумовского, лишь на борту корабля, привезшего ее в Россию. Да и не могла Екатерина предвидеть, что Павел, вначале сильно увлеченный чувственностью, но затем быстро утомившийся, будет спокойно предоставлять молодой жене долгие свидания с профессиональным пожирателем женских сердец, которого он называл своим самым «дорогим другом».

Екатерина, не шадя Павла, предупреждала его не раз об измене жены. Она готова была на все, чтоб разорвать связь, накладывавшую пятно на честь ее сына. Существует мнение, что она делала это просто из политических соображений, так как Наталия Алексеевна и ее любовник будто бы вступили в заговор с франко-прусской лигой. Фридрих, когда-то, в царствование Елизаветы, пользовавшийся услугами «молодого двора», конечно, был бы не прочь начать прежнюю игру; но Наталия Алексеевна была не Екатерина Вторая. «Моя жена только что допела *Stabat Mater* Перголезе, чтоб утешиться в смерти Олиды», — писал Павел Разумовскому, сообщая ему о смерти любимой собачки жены. И он писал это без всякого злого умысла.

Судьба обрекла Павла на вечные драмы, и первый опыт его брачной жизни вышел тоже глубоко драматичным. Но мать его была тут ни при чем. Барон Ассбург, сам более или менее искренно обманувшийся в будущей супруге Павла, ввел и Екатерину в заблуждение. Наталия Алексеевна, вследствие несчастного случая, вызвавшего у нее искривление таза, была неспособна производить на свет детей, и в апреле 1776 года, после трех лет супружества, скончалась от родов. Говорили, что Екатерина приказала конфисковать тут же все бумаги покойной. Это возможно. Но если она отдала это распоряжение, то, конечно, не для того, чтобы найти в бумагах великой княгини следы предполагаемого заговора. Это было бы слишком неправдоподобно. В обоих враждебных России лагерях, ни австрийский посол князь Лобковиц, ни посол Франции маркиз Жюинье не упоминают вовсе в своих депешах о существовании подобной интриги. Если бы Андрей Разумовский вместе со своей подругой сердца был действительно виновен в государственной измене, то он не отделался бы простой

ссылкой в Ревель; притом несколько месяцев спустя эта ссылка была заменена ему назначением на дипломатический пост в Италию!

В России того времени это было обычное наказание для скомпрометированных любовников великих княгинь, но отнюдь не для заговорщиков.

Наталия Алексеевна до последнего дня своей жизни не переставала посылать своему другу, через одну из фрейлин, Алымову, нежные записки и цветы. Страсть к Разумовскому поглощала ее всю, и Екатерина, может быть, хотела спасти от нескромных глаз не политическую, а чисто любовную по своему содержанию переписку. Но на этом толки не кончаются; говорят, что после того как архиепископ Платон исповедовал умирающую, Екатерина будто бы приказала ему нарушить тайну исповеди, чтобы открыть глаза великому князю и этим спасти его от отчаяния. Однако столь героическое средство было совершенно излишне. Не прошло и трех месяцев после смерти Наталии Алексеевны, как Павел, на предложение Екатерины вступить в новый брак, спрашивал ее с живостью:

— Блондинка? Брюнетка? Маленькая? Высокая?

Екатерина возвращалась теперь к своему первоначальному выбору, оказавшемуся относительно удачным. Еще в 1768 году она обратила внимание на Софию-Доротеею Виртембергскую. Принцесса София, — имя, которое сама Екатерина носила до приезда в Россию, — родилась, как и она, в Штеттине, где ее отец, Фридрих-Евгений Виртембергский, опять-таки, как и отец Екатерины, командовал войсками; наконец, она была племянницей великого Фридриха, который покровительствовал и ей, Екатерине, когда она была немецкой принцессой. Но Софии-Доротее было тогда только девять лет, а с тех пор, потеряв надежду стать русской великой княгиней, она успела обручиться с братом покойной Наталии Алексеевны, принцем Людвигом.

Впрочем, последнее было неважно. Хоть и большой повеса, молодой принц умел жить. Он был кругом в долгах, и когда ему предложили пенсию в 10 000 рублей, он позволил легко убедить себя, что «если в нем остается хоть сколько-нибудь чести», то он должен отказаться от своей невесты. Таким образом в августе 1776 года София-Доротеея могла отправиться в Берлин, чтобы встретиться здесь со своим новым женихом.

На этот раз, среди немецких принцесс, из которых по традиции поставлялись невесты во все европейские дворы и которые были ответственно вышколены с этой целью, Екатерина сумела выбрать в своем роде совершенство. Едва прошло несколько недель после помолвки, как София-Доротеея прислала Павлу собственноручное письмо на русском языке: при первом же свидании, зная о его серьезных вкусах, она завела с ним речь о геометрии, и на следующий день описывала великого князя своей подруге, г-же Оберкирх, в самых лестных выражениях и признавалась, что «любит его до безумия!»

При этом, выйдя за него замуж, она чуть ли не каждый год дарила ему по ребенку. Была ли она хороша? Судя по ее многочисленным портретам, трудно прийти к этому заключению, однако тут, может быть, виноваты художники. Она была близорукая, статная, свежая блондинка, очень высокая, но склонная к преждевременной полноте.

Каков был ее духовный облик? Представьте себе сосуд — не алебастровую или какую-нибудь другую драгоценную урну, тонко отделанную рукой художника, но и не простой глиняный горшок, — а вазу из доброкачественного мейсенского фарфора, разрисованную во вкусе Версаля и вмещавшую все, что только вливали в нее. Что же именно? О, множество крайне разнородных вещей!

Монбельяр, где жила младшая ветвь Виртембергского дома, или вернее соседний с ним Этюп, — полудеревенская резиденция во вкусе Руссо, — был в одно и то же время и двором владетельных принцев, и идиллическим местом уединения, и «bureau d'esprit»; Иосиф II, принц Генрих Прусский, леди Кравен, впоследствии маркграфиня Анспакская, Лагарп, Рейналь, Флориан, Сен-Мартен, Лафатер, Дроз и историк Перресио были частыми гостями у родителей великой княгини. Собиравшееся здесь общество представляло собой искусно подобранную смесь патриархальности и светской пустоты, умственных, художественных интересов и буржуазного мещанства, немецкой *Gemütlichkeit* и французской утонченности.

Девяти лет, разыгрывая хозяйку дома в отсутствие своих родителей, София-Доротея в своих письмах к ним, написанных по-французски, подробно рассказывала им, на что ею были истрачены два талера, и также какие успехи она сделала в географии и истории, — она утверждала при этом, что «церковные владения области Нижней Саксонии включают епископства Гильдесгеймское и Любекское», — и пересыпала эти сведения чувствительными излияниями.

В общем, из нее обещала выйти прекрасная жена и безупречная принцесса: при ее основательном образовании, разнообразных талантах и прочных добродетелях у нее было только несколько маленьких недостатков. Одни из этих недостатков были вывезены ею еще из Этюпа и сохранились в России; а другие получили в новой обстановке русского двора нежелательное развитие. Так, она была до того бережлива, что, если верить Корберону, не колеблясь присвоила себе все старые платья, оставшиеся от первой жены Павла, и не стеснялась требовать у камеристок даже башмаки покойной: «столь она скупа», — пишет Корберон. Рядом с этим она любила до страсти пышность, внешний блеск, церемониальные празднества и торжества, но также и мелкие придворные интриги.

«Принцесса Виртембергская, в качестве великой княгини или императрицы, будет только женщиной и ничем больше», — писал тот же дипломат, бывший в это время французским поверенным в делах в России. Но он, в свою очередь, ошибся. В известной мере, — на

сколько ей это позволял ее ум, бесспорно не большой, — вторая София имела притязания на более видную роль. Во-первых, и прежде всего, она старалась быть на высоте своего положения, не зная в этом отношении ни минуты отдыха. Она с утра до вечера была затянута в парадное, церемониальное платье, принуждая к тому же всех своих приближенных: она не забывала об этом требовании по отношению к себе и другим даже при самых интимных подробностях своей домашней жизни. «То, что утомляет других женщин, — пишет Голловкин, — ей нипочем. Даже во время беременности она не снимает с себя парадного платья, и между обедом и балом, когда другие женщины надевают капот, она, неизменно затянутая в корсет, занимается перепиской, вышиванием и иногда работает даже с медальером Лампрехтом».

Великая княгиня занималась искусством, — вернее всеми искусствами или почти всеми, — без большого успеха, но ревностно, и работы ее бывали довольно милы. Она не пренебрегала шитьем и вышиванием, — ненавистными для первой Софии, и исписала целые тома корреспонденции, к несчастью, уничтоженной. По сохранившимся отрывкам ее можно судить однако о ее крайнем многословии. Своим мелким почерком близорукой она записывала, кроме того, все свои впечатления в дневник, тоже не избегнувший аутодафе, устроенного по приказанию императора Николая Павловича. По примеру родителей, она устроила в Павловске литературный кружок, и так как Павел обожал театр, то исполняла кстати и обязанности импресарио. Тут же, в Павловске, она возводила постройки, разбивала сады в подражание идиллии родительского дома. Сверх того, она умудрялась уделять много времени благотворительным и воспитательным учреждениям, которые до сих пор носят ее имя, что дало повод Карамзину сказать, что она была бы превосходным министром народного просвещения. Он преувеличивал. Пожалуй, она была бы превосходной школьной учительницей. Да и тут приходилось бы относиться очень снисходительно к ее урокам орфографии.

Благотворительными заведениями, как и вообще всеми своими делами, она управляла с большим рвением и с искренним желанием сделать лучшее. Однако она невольно проявляла при этом мелочность, придирчивость и бестактность своего ограниченного ума, а также свой пылкий, хлопотливый и крайне беспокойный характер, заставлявший ее постоянно вмешиваться в вопросы, в которых она понимала еще меньше, чем в правописании и в грамматике. Вследствие этого, несмотря на большие свои достоинства, она часто становилась невыносимой — даже самым близким ей людям.

При жизни Екатерины она стояла совершенно в стороне от государственных дел, в которых и Павел не принимал никакого участия; зато она вступалась во все ссоры матери с сыном, придавая им, — может быть, совершенно против воли — излишнюю лихорадочность

и резкость. Но по восшествии своего мужа на престол она сперва робко, а потом все более и более решительно стала стремиться к политической роли, а после смерти Павла, в минуту общего замешательства, чуть было не пошла по стопам вдовы Петра III.

Она решила, что у нее такой же государственный гений, как и у покойной императрицы, и начала подавать сыну советы относительно всех дел, вечно критикуя, выговаривая и брюзжа на все без разбору. Любящая и преданная мать, она была грозой своих детей. Для ее замужних дочерей пребывание в Павловске становилось тяжелым испытанием. А когда она выражала желание отдать им визит, то они считали это почти катастрофой!

Как многие, даже менее ее одаренные, женщины, она была уверена, что сумеет всякого перехитрить. В 1781 году она хотела провести свою свекровь. Умирая от желания показаться при европейских дворах во всем своем величии в сопровождении мужа, она, чтобы получить разрешение императрицы на эту поездку, сделала вид, что хочет послужить целям ее политики. Поэтому она указала на Вену, как на первую остановку в будущем путешествии, хотя была намерена, едва переехав границу, сейчас же повернуть на Берлин. Но подруга Вольтера и бывшая партнерша Фридриха, искушенная в игре с ним, не дала, конечно, поймать себя на удочку. Екатерина была рада хотя бы на время избавиться от вечно фрондирующей и всем недовольной великокняжеской четы. Но, разрешив сыну и великой княгине отправиться в путешествие по Европе, она сама наметила им его маршрут.

С другой стороны, великая княгиня никогда не упускала случая подчеркнуть с ненужной жестокостью безупречность своего поведения в сравнении со слабостями своей свекрови. Это не мешало, однако, Марии Федоровне, как ее теперь называли, без стыда ухаживать за Потемкиным и другими фаворитами. Впоследствии она каждый раз искупала эту сделку с совестью усиленными сценами оскорбленного целомудрия и демонстративными выходками, порицавшими поведение Екатерины.

Несмотря на это, или именно благодаря этому, она и Павел были сначала идеальными супругами, и Мария Федоровна имела на мужа довольно сильное влияние, бывшее долгое время благотворным. Возможно, что она злоупотребляла этим влиянием, как уверяет злой язычок Головкина, чтобы служить своим друзьям и вредить врагам; но Павел был счастлив своей семейной жизнью — насколько он только мог быть счастлив при своем характере — и совершенно поглощен ей. Уже в 1777 году Мария Федоровна обрадовала его рождением наследника, которого он ждал долго и нетерпеливо, и он готовился отдать себя безраздельно воспитанию сына.

Екатерина сделала неоспоримую ошибку, помешав ему в этом благом намерении. Она сама пострадала когда-то в своем неудав-

шемся материнстве, став жертвой непростительного злоупотребления властью со стороны Елизаветы. И тем не менее, как у нее когда-то отняли ее сына, так и она пожелала отнять теперь у Павла его ребенка, и притом под тем же предлогом: она думала, что лучше сумеет воспитать его. Это обычное оправдание всякого деспотизма.

Но это создало лишь новый предлог для враждебности между ней и Павлом. Родители восстали против системы Локка, которую бабушка хотела применить к воспитанию их сына. И они не совсем были неправы, так как одним из следствий этой педагогической системы было то, что сын их, будущий император Александр I, стал совершенно глух на одно ухо и плохо слышал на другое: Екатерина хотела, чтобы он с самого раннего детства приучился к грохоту пушек! Взятый ею в учителя Александра и его младшего брата Константина швейцарский якобинец, Цезарь Лагарп, тоже крайне не нравился родителям. Да и самой Екатерине пришлось раскаяться в этом выборе, плохо согласовавшемся с другими воспитателями, тоже назначенными ею. Во главе их стоял Николай Салтыков, «род неуклюжей обезьяны, — как его описывает Ланжерон, — кривоногий и горбатый». Однако Салтыков, по-видимому, не вполне заслуживал пренебрежения, с каким к нему относится этот писатель. В 1761 году он храбро сражался под Кольбергом; в 1812 г. он содержал на свой счет целый полк народного ополчения и в следующем году, в отсутствие Александра Павловича, исполнял в своем роде обязанности регента. Не может быть, чтобы он был исключительно тем низкопоклонным и глупым придворным, каким его изображают современники. Он был безусловно приверженцем сильной власти и самого неограниченного самодержавия и имел на своего воспитанника влияние, которое часто брало верх над совершенно противоположным влиянием Лагарпа: этим и объясняется немало противоречий в изумительной жизни будущего сторонника республиканских идеалов и организатора Лейбахского конгресса.

В лице Салтыкова Екатерина хотела установить род противовеса Лагарпу, и также угодить своему сыну и невестке, которые в момент назначения Салтыкова относились к нему благосклонно.

Она вполне предоставила зато Павлу и его супруге воспитание их младших детей и ограничилась лишь тем, что назначила воспитательницей их дочерям — и на этот раз ее выбор оказался очень удачен — превосходную Шарлотту Ливен, благородство ума и сердца которой обезоруживало самое Марию Федоровну.

Александр же с самых ранних лет был в нравственном отношении совершенно сбит с толку, очутившись в руках Салтыкова и Лагарпа. Впрочем, не это было худшим последствием воспитания, данного Екатериной двум старшим великим князьям, а то, что они стали столь же чужды своему отцу, как сам Павел был всегда чужд своей матери.



«Мой отец, — писала впоследствии великая княгиня Анна Павловна, — любил, чтобы мы его окружали, и звал нас к себе, Николая, Михаила и меня, играть у него в спальне, пока его причесывали: это было его единственное свободное время. Особенно часто это бывало в последние годы его жизни. Он был нежен и так добр с нами, что мы любили к нему ходить. Он говорил, что его удалили от старших детей, отняли их у него, как только они родились, но что он хочет видеть младших детей возле себя, чтобы ближе их узнать».

Павел любил детей, которых знал, как и мать его любила Александра и Константина. Тогда как по отношению к родному сыну материнский инстинкт, разрушенный разлукой, почти молчал в Екатерине.

По мере того как Александр рос, отец и сын становились друг другу все более далеки. Павел считал кротость Александра слабохарактерностью, а его сдержанность лицемерием, в чем он, впрочем, не слишком удалялся от истины. Якобинство Лагарпа еще усиливало разлад между ними, переноса его на политическую почву, хотя Александр, увлекавшийся явными химерами швейцарского революционера, был в действительности далек от них сердцем. В этом отношении разница между учеником Лагарпа и учеником Панина и Плещеева могла быть только в оттенках. В самом Павле было немало характерных черт якобинца: те же либеральные идеи, приспособленные к тем же деспотическим инстинктам. А с другой стороны, и Александр находил в Гатчине большое для себя развлечение. Между уроками гуманитарной философии он, как и отец, с удовольствием играл в солдатки, и грубый распорядитель этих воинственных забав, Аракчев, стал постепенно соперником Лагарпа.

Таким образом Павел отвоевал себе отчасти сына; но характер его не мирился на половине: он требовал себе всегда всего, безраздельно, и его отношения к Александру мало изменились поэтому к лучшему.

Тем временем разлад Павла с Екатериной становился все более глубоким, и это начинало отражаться даже на семейном кругу Павла, на тех детях, по отношению к которым он мог свободно проявлять свои чувства. Его ссора с матерью повсюду влекла за собой горе и разрушение. Великий князь с каждым днем делался все нервнее, переноса раздражение на своих близких, постепенно уничтожал и то счастье, которое ему было прежде доступно в семье. Это было его первое несчастье, за которым вскоре последовали и другие. В какой мере. Екатерина была виновна в них?

#### IV

«Пусть Агриппина не едет никогда в Тибур без своего сына, пусть сын ее никогда не возвращается оттуда без нее». Написав эти строки в 1774 году, после своего возвращения из России, Дидро думал, что верно понял характер и причину семейной драмы, которую ему при-

шлось наблюдать. Но, как и большинство его современников, ввела его в заблуждение внешняя форма отношений между матерью и сыном и ложный взгляд на эти отношения, который даже теперь разделяется многими людьми выдающегося ума.

Русская Агриппина очень мало походила на свой римский образец. Она, правда, не пожелала устраниться, чтоб предоставить сыну царствование или управление страной, но в остальном сделала все зависящее от нее, чтобы создать ему приятную жизнь. Павел имел роскошное помещение в Зимнем дворце и в Царском Селе, дачу на Каменном острове, а впоследствии две летние резиденции, Павловск и Гатчину, предоставленные ему в его полное распоряжение, кроме того, он получал 175 000 рублей в год для себя лично и 75 000 для своей жены, не считая денег, отпускаемых на штат его двора. Таким образом, с материальной стороны он был обставлен очень прилично. Если, несмотря на это, он постоянно отчаянно нуждался в деньгах и, чтобы раздобыть их, прибегал даже к таким постыдным средствам, как соглашение с поставщиками императрицы, то это объяснялось тем, что управляющий нагло обворовывал его, бедные родственники Марии Федоровны его обирали, и сам он разорялся на бесполезные постройки и тратил безумные деньги на свою дорогую и смешную игрушку, — Гатчинскую армию. А может быть, ему чего-нибудь стоила и политическая пропаганда, к которой его обязывало положение претендента.

В нравственном же отношении, говоря о чувствах Екатерины к сыну, надо различать две эпохи. В то время, когда Порошин принимал участие в воспитании великого князя, т. е. когда Павлу было десять-одиннадцать лет (от 20 сентября 1764 года до 13 января 1766 года), он жил с матерью, сопровождал ее на большие и на малые приемы при дворе, на маневры и на охоту. Она присутствовала на его экзаменах, радовалась его успехам, купила для него у И. А. Корфа прекрасную библиотеку в 36 000 томов, перешедшую затем в собственность Гельсингфорского университета. Она выражала желание посвятить его впоследствии в дела управления, — и сдержала слово. В 1773 году, при вступлении великого князя в первый брак, Екатерина письмом, составленным в самых нежных выражениях, приглашала его приходить к ней раз в неделю, чтобы слушать чтение докладов.

Существует мнение, что, решив не допустить фактического участия цесаревича в ведении дел, Екатерина смотрела на эти еженедельные доклады просто, как на своего рода добавочные уроки к тем, что Павлу давали его учителя. Но Павлу не было в это время и двадцати лет. А в эти годы уроки, данные при таких условиях и таким учителем, как Екатерина, были бы очень полезны и для менее юных учеников. Но как бы то ни было, вместо того, чтобы учиться, Павел захотел учить сам. Из претендента он превратился в реформатора.

В первый же год он представил Екатерине длинное «Рассужде-



Граф П.И. Панин

ние»; отражая идеи обоих Паниных, оно служило суровым обвинительным актом против управления матери, против его принципов, приемов и направления. Автор «Рассуждения» хотел все переделать — и внутреннюю, и внешнюю политику императрицы. А одновременно с этим статс-секретарь императрицы и будущий канцлер Павла, Безбородко, пришел к заключению, что участие великого князя в трудах ее величества не приносит хороших плодов: Павел ничего не понимает в делах, и каждый доклад дает ему лишь повод к неуместной критике.

Итак, этот опыт пришлось оставить; однако Екатерина не хотела обречь своего сына на праздность. Она временно отказала ему в доступе в Совет, которого он добивался, но назначила его генерал-адмиралом и дала ему таким образом возможность заняться серьезным делом. Он не воспользовался этой возможностью и, пренебрегая основными интересами ведомства, во главе которого был поставлен, обращал внимание только на самые ничтожные пустяки — в жизни флота, так как по самой природе своего ума и характера не был способен на полезную деятельность, что доказал впоследствии, вступив на престол, кроме того, его поглощали другие заботы.

Как претендент на престол, он прежде всего стремился к тому, чтобы подготовиться теоретически к исполнению своих будущих обязанностей. С этой целью он не только заполнял толстые тетради цитатами из записок кардинала Реца или Сюлли, но составил проект бюджета на 1786 год, как будто рассчитывал применить его к делу. В 1778 году он обсуждал с Петром Паниным план военной реформы, составленный с тем, чтобы немедленно провести ее в жизнь, и даже заготовил четыре года спустя, с тем же Паниным, манифест на вступление на престол: причем оба автора манифеста, хуля Екатерину и, наверное того не подозревая, воспроизводили стиль и тон французских памфлетистов того времени, боровшихся с правительством Людовика XVI.

Несмотря на это, в той мере, в какой она это находила возможным, Екатерина считалась с требованиями цесаревича. В 1782 году, если не раньше, она назначила Павла членом — не Государственного Совета, где он слишком публично играл бы роль революционера, — но своего частного Совета, в котором он продолжал «ничего не понимать в делах».

Таким образом Павел, жаловавшийся одному из своих зятьев, герцогу Петру Ольденбургскому, на то, что его превратили в «призрак» и поставили его «в постыдное положение», был сам в этом виноват. Он сам, благодаря своему неуместному честолюбию, играл роль грозного призрака по отношению к Екатерине. Правда, он отрекался от того, что у него есть какая-то партия, но, вечно волнуясь, критикуя, поднимая вокруг себя нежелательный шум и заявляя громко, во всеулышание, что все в России идет скверно, он — желая того или

нет, — невольно создавал себе партизан, готовых ловить его на слове и агитировать в его пользу. Не настолько серьезно, положим, чтобы тревожить Екатерину, но достаточно назойливо, чтобы раздражать ее.

Еще в 1764 году прусский посланник, граф Сольмс, упоминает о заговоре в пользу цесаревича. О таком же заговоре говорится и в депеше австрийского посланника, князя Лобковица, посланной в Вену в 1772 г. А в следующем году на сцену выступил уже Пугачев. Павел не принимал, конечно, участия в поднятом им бунте; но в своей штабквартире, в Бердской слободе, лже-Петр III держал на почетном месте портрет цесаревича, и уверял всех, что взялся за оружие только во имя этого своего возлюбленного сына. Эта дерзость приводила Павла в негодование; однако, в том же году голштинiec Сальдерн увлек его в темную интригу, преследовавшую совершенно ту же цель и не менее революционным путем. Была ли это простая опрометчивость со стороны Павла? Возможно. «Я могу утверждать, — писал около этого времени английский поверенный в делах Ширлей, — что у него (Павла) не достает ни храбрости, ни даже решимости, чтобы выступить против своей матери».

По темпераменту своему Павел прежде всего был человеком действия. Отсюда и его нетерпеливость. Он страшно торопился перейти от замыслов к делу. Но на дело у него не хватало смелости. И, терзаясь между страстным желанием власти, толкавшим его вперед, и страхом, удерживавшим его, он не находил иного выхода, как предоставить временно действовать другим. Подобно всем претендентам, он сгруппировал таким образом вокруг себя всех недовольных существующим царствованием, всех тайных врагов Екатерины.

В 1773 году Лобковиц объявил своему двору, что Павел сделался «кумиром народа»; в 1775 году, когда Екатерина, раздавив Пугачева и победив Турцию, поехала в Москву, чтобы принять благодарность от своих верноподданных, то народ больше всего приветствовал Павла. Восторженно настроенная толпа устроила ему шумную овацию, и коварный друг Андрей Разумовский успел шепнуть ему на ухо лукавые слова.

— Ах! Если бы вы только захотели!

Павел не остановил его.

Два года спустя он нашел идеальное семейное счастье со своей второй женой; но внутреннее умиротворение, вызванное этим счастьем, было непродолжительно. Сама его семейная жизнь, благодаря тем чистым радостям, которыми он в ней наслаждался, делалась явным и раздражающим укором для его матери, — хотя на этот раз Павел был в этом совершенно неповинен. Екатерина переживала в это время с Потемкиным самую яркую, но не самую благовидную главу своего романа. Приблизив к себе будущего князя Таврического, она незадолго перед тем обратилась к нему с «*Чистосердечной исповедью*», вышедшей недавно в виде добавления к русскому изданию

ее «Записок» и, в смысле бессознательного цинизма, не имеющей, пожалуй, ничего себе равного в литературе всех народов. Новый фаворит позволил себе сказать ей, что у него было *пятнадцать* предшественников. На это она, устанавливая точный счет, возражала ему в своей «Исповеди», что их было только *пять*. Она набрасывала при этом их портреты, разбирала их достоинства, объясняла, почему каждый из них нравился ей, и оправдывалась в той неудержимой потребности, которая заставляла ее менять их одного за другим!

Павел наверно не читал этого документа. Однако факты, о которых там говорилось, были ему достаточно известны, чтоб вызывать в нем горечь и стыд. А между тем эти чувства почти незаметны в том гневе и злобе, с какими он относился к Екатерине. Да и в самом Потемкине он ненавидел и клеймил не любовника матери, но прежде всего политического сотрудника императрицы.

В Вене, в 1781 году, первые колкие речи, с которыми выступил Павел, начиная объезд Европы, были направлены исключительно против правления его матери и ее «пособников», но не против героев ее романов. «Как только у него будет власть приказывать, он разгонит их всех хлыстом», — говорил он. И по тону его речей можно было подумать, что это разглагольствует во Франции того времени какой-нибудь оратор в кафе, громя министров короля или придворных фаворитов.

Впрочем, в борьбе с политикой матери и Иосиф II, как известно, не гнушался советоваться с Маратом.

В Неаполе Павел старался унижить законодательную деятельность Северной Семирамиды. «Какие могут быть законы в стране, где царствующая императрица остается на престоле, попирая их ногами!»

Те же речи он держал и в Париже, уверяя, что он не смеет завести себе верного пуделя, потому что его мать велела бы все равно потопить собаку.

Все эти выходки и прочее злословие по адресу «кривого» (Потемкина) и его любовницы дошли до Екатерины через переписку самого Павла, которую он вел во время своего путешествия, под прикрытием двух друзей, — П. А. Бибикова и князя Александра Куракина. Но Екатерина ограничилась лишь очень незначительным наказанием этих двух посредников, — простой ссылкой, — и в результате обиженным во всей этой истории считал себя все-таки сам Павел. В то же время, встречая всюду на пути самое лестное внимание, что очень нравилось ему, он, по-видимому, не отдавал себе отчета, кому и чему он обязан подобным приемом.

Возвратившись в Россию, он стал подчеркивать еще резче, — и на этот раз по преимуществу в области внешней политики, — свою предвзятую и непримиримую оппозицию Екатерине. Между тем императрица как раз в это время изменила курс иностранной политики, освободившись, наконец, от той полузависимости, в которой ге-

ний Фридриха и раздел Польши держали ее по отношению к Пруссии в продолжение восемнадцати лет. Зародился греческий проект, и вместе с ним возник союз с Австрией. Мария Федоровна, которой льстил обещанный ей брак ее сестры Елизаветы с эрцгерцогом Францем, наследником Леопольда II, примирялась с этой переменной. Но Павел остался верен Пруссии. Он обменялся с преемником Фридриха клятвой вечной дружбы и вошел с Берлином в тайные сношения, очень близко напоминавшие измену. Он пробовал даже подкупить одного из дипломатических агентов Екатерины в Германии, графа Н. П. Румянцева! Его близкие и он стояли Екатерине поперек дороги во всех ее замыслах. При этом Павел не переставал жаловаться на свое положение и продолжал интриговать, правда, только плаatonически, согласно своему нраву.

В Швеции брат Марии Федоровны, Фридрих, наделал Екатерине больших хлопот. Назначенный выборгским губернатором, он воспользовался этим, чтобы завязать подозрительные сношения со своими ближайшими соседями. Кроме того, он дурно обращался со своей женой принцессой Брауншвейгской, знаменитой своими злоключениями под прозвищем *Зельмиры*; Екатерина, выведенная из терпения, кончила тем, что прогнала мужа и взяла жену под свое покровительство. Сейчас же Павел и Мария Федоровна восстали против нее. А когда, отправленная в замок Лоде в Эстляндии, *Зельмира* стала здесь жертвой какой-то темной любовной интриги и кончила таинственной смертью, то это дало им повод лишь к новым попрекам.

В 1787 году союз с Австрией вызвал войну России с Турцией. Павел, как сторонник мира и враг австрийцев, восстал против этой войны. Тем не менее, он пожелал принять в ней участие, и Мария Федоровна, хотя и была беременна в это время, решила его сопровождать! Новые споры. Гнев Павла и обращение к общественному мнению: «Что скажет Европа?»

В следующем году, когда началась война со Швецией, а Мария Федоровна разрешилась от бремени, Екатерина не стала больше удерживать опять рвавшегося в бой Павла. Павел стал общим посмешищем армий своим видом победителя, хотя он не совершил никакого подвига, а напротив, с ним произошла схватка холерины от перепуга во время ночной тревоги. Кроме того, он сделался еще предметом неуместных авансов со стороны неприятеля. Пришлось вернуться его в Петербург, где он начал выказывать еще больше раздражения, возмущения и неприязни, чем до отъезда на театр военных действий. Он вступил в зашифрованную переписку с новым прусским королем, Фридрихом-Вильгельмом II, которого Екатерина терпеть не могла и называла «le gros Gu, le Lourdaud». Затем вошел в секретные сношения с прусским посланником, графом Келлером, и тот вынес впечатление, что «если бы великому князю пришлось позаботиться о своей

безопасности, или если бы народ избрал его единогласно императором, то он не отказался бы исполнить желание народа».

Таким образом, — по крайней мере мысленно, если не на деле, — Павел все дальше подвигался по тому революционному пути, куда его увлекала роль претендента, и шаг за шагом шел по следам всех зачинщиков государственных переворотов в России. Но со своей стороны и Екатерина шла дорогой, которую ей предписывала забота если не о собственной безопасности, то об интересах страны, вверенной ей. Поскольку же дело касалось ее лично, она не боялась за себя, сознавая всю силу своего обаяния, и в двух шагах от Царского, где у нее не было и ста человек охраны, позволяла сыну держать возле себя тысячи солдат. Но мало-помалу ее стало мучить сознание другой опасности, грозившей государству.

## V

Еще в 1783 году она произнесла многозначительные слова: «Я вижу, в какие руки попадет империя после меня... Мне будет тяжело, если моя смерть, как смерть императрицы Елизаветы, повлечет за собой перемену всей политической системы России». И по мере того, как Александр подрастал, эта забота о наследнике принимала у нее все более реальную форму. Она все чаще стала связывать будущее великой России с «маленьким носителем еще зеленого венца», как она называла сына Павла. При этом она замечала, что ни в физическом, ни в нравственном отношении Александр не походит на своего отца. Когда разразилась французская революция, она написала: «Придет новый Чингисхан или Тамерлан, чтобы образумить этих людей, но это будет не при мне, и, надеюсь, не при Александре». О Павле она не упоминала вовсе; мысленно она уже устранила его. И дуэль между матерью и сыном вступила в новую фазу.

Павел, разумеется, знал о намерении Екатерины. В январе 1787 года, готовясь принять участие в турецкой кампании, где ему тоже не было суждено сорвать лавров, он написал духовное завещание и передал его своей жене. Он предусматривал в нем возможность как своей собственной смерти, так и кончины Екатерины. Если бы это случилось во время его отсутствия, то Мария Федоровна объявлялась регентшей и должна была, прежде всего, завладеть всеми бумагами императрицы и приостановить все политические распоряжения, которые могла оставить после себя покойная.

Но и Екатерина приняла свои меры предосторожности. Она заставила своего секретаря Храповицкого прочесть ей «пассаж» из «Правды Воли Монаршей» Петра Великого относительно престолонаследия и указать ей, как этот закон применялся на деле со времени Екатерины I. Немного позже она составила записку о причинах, заставивших Петра лишиться права на престол своего единственного



сына. В другой заметке, относившейся к греческому проекту, она распределяла наследственные права между Александром и Константином, как будто Павла не существовало вовсе.

Намерение обойти его сложилось твердо в ее уме. Имела ли она к тому законные основания? Право Павла на престол было несомненно, и императрица тем более должна была уважать его, что сама его создала. Павел был не только наследником, он был кроме того и претендентом и реформатором. Мы видели, как действовал первый. Теперь познакомимся со вторым.

## Глава 2 РЕФОРМАТОР

*I. Характер Павла; его эволюция. — Счастливое влияние первого брака. — Успокоение. — «Отсутствие иллюзий.» — Павел развлекается. — Возвращение к серьезным занятиям. — Увлечение французской литературой. — Дидро. — Лагарп. — Путешествие в Берлин. — Фридрих II. — Переворот. — Прусский милитаризм. — Мечтания о реформах. — Советники великого князя. — Панин и Репнин. — Военная реформа. — Враг гинекокрации. — II. Новые впечатления. — Вена и Версаль. — Культ старого режима. — Растерянность мыслей и воли. — Наклонность к мистицизму. — Массонство в России. — Новиков. — Мартинисты. — Противоположные веяния. — Вступление Павла в масонские ложи и его связь с французскими эмигрантами. — III. Окончательно сложившийся нравственный облик. — Внешность. — Уродство. — «Мертвая голова». — Нервность. — Преждевременное старчество. — Темперамент. — Мрачность и вспышки веселости. — Вечная возбужденность. — Лихорадочное нетерпение. — Беспокойство. — Трусость. — Чрезмерная гордость. — Преобладание эгоизма. — IV. Умственные способности. — Природная живость ума и влияние образования. — Память. — Научные знания. — Остроумие. — Веселость. — Любовь к каламбуру. — Недостатки и несоответствие умственных способностей. — Царствование реформатора является катастрофой*

### I

Дух преобразований овладел в то время всей Европой. Все хотели проводить реформы или пользоваться ими. Но Павел был реформатором не потому, что придерживался какой-либо политической системы или принципов — в теории или на практике. Нет, он был реформатором по самому своему духу, характеру, темпераменту. Поэтому, чтобы понять его преобразовательные планы и мечтания, надо прежде всего изучить самую его личность.

«Сущность характера заключается в его превращениях... Характер всякого человека не только может изменяться, но находится в непрерывной эволюции... и естественным фактором этой изменчивости внутреннего существа человека служат полученные им впечатления». Павел, чрезвычайно впечатлительный с самого детства, является блестящим подтверждением этой формулы знаменитого психолога.

Во времена своего первого супружества он чуть было не сделался эпикурейцем. Его угрюмость и преждевременная желчность исчезли в обществе веселой Наталии Алексеевны и жизнерадостного Разумовского. Он «взял себе за правило жить со всеми дружелюбно»... «Отсутствие иллюзий, отсутствие беспокойства, — писал он про свое настроение, — ровное и отвечающее лишь обстоятельствам, которые могли бы встретиться. Я обуздываю свою горячность насколько могу».

Он отдыхал и развлекался с молодой женой. Но эта беспечная жизнь вскоре ему надоела. Он не был по природе жуиром; во-первых, он был для этого слишком серьезен; во-вторых, его постоянно мучила мысль о выпавшей ему на долю великой роли. И не прошло нескольких месяцев, как он вернулся к прежним занятиям и заботам. Наталия Алексеевна продолжала, впрочем, иметь на него влияние и сумела пристрастить его к французской литературе. Однако Павлу нравились далеко не все излюбленные писатели того времени. Например, Дидро, который как раз в то время приехал в Россию, пришелся ему не очень по вкусу. Может быть, потому, что Екатерина ценила слишком высоко представителя западной культуры. Во всяком случае Павел находил, что «лесть его (Дидро) слишком тяжеловесна, энтузиазм слишком глубок, и колени гнутся слишком охотно». Но когда через некоторое время он пожелал вступить в переписку с каким-нибудь известным писателем, согласно моде того времени, то он стал подыскивать себе корреспондента во Франции, а не в другой стране. В течение пятнадцати лет, с 1774 до 1789 года, эту обязанность исполнял для него второй Лагарп, — с улицы Saint-Honore.

Но Лагарп старался напрасно. Лет через пять в Павле произошел новый переворот, и парижские письма потеряли для него всю прелесть. В Берлине, куда он поехал, чтобы встретиться со своею второй женой, он увидел, наконец, своего кумира и был им пленен. Нельзя сказать, чтобы он единственно своею личностью покорил великого Фридриха. «Я причисляю к величайшим одолжениям, каким обязан вашему императорскому величеству, то, что вы доставили мне знакомство с принцем, полным совершенств... Его обхождение — с людьми, чувства и добродетели восхитили мое сердце», — писал король Екатерине после этого свидания. Но вот что философ из Сан-Суси занес, — должно быть, в тот день — в свои «Записки»: «Он (Павел) показался мне высокомерным и необузданным, и все знающие Россию боятся, как бы его не постигла та же участь, что и его несчастного отца».

Но восхищение Павла Фридрихом было искренним, и следстви-

ем этих восторгов явилась Гатчина. Германия, или вернее Пруссия, с ее железной дисциплиной и солдатской муштрой казалась ему примером, достойным всякого подражания. Он стал даже с удовольствием припоминать, что в жилах его, собственно говоря, течет очень мало русской крови. Когда он был ребенком, эта истина была так мучительна для него, что он приходил в неистовство всякий раз, когда ему на нее намекали.

— Какой я немецкий принц, я великий князь Российский! — кричал он.

В 1767 году мать отказалась за него от его прав на Шлезвиг, и он отнесся к этому равнодушно. А теперь даже царствование Петра III казалось ему идеальным, и он мечтал продолжать дело отца, прерванное Екатериной. Он так влюбился в порядок, методичность и регламентацию, что даже для невесты составил Инструкцию в четырнадцать пунктов, касавшихся не только религии и нравственности, но и подробностей туалета. А в переписке с П. И. Паниным и Н. В. Репниным он, оставаясь по-прежнему пацифистом, а следовательно антимилитаристом, набрасывал план реформ, — он их провел впоследствии в жизнь, — которые должны были наложить печать милитаризма на весь строй государства!

Некоторые историки удивляются тому, что связь между замыслами молодого реформатора и его позднейшими преобразованиями сохранилась, таким образом, через очень длинный промежуток времени. Было бы удивительно, если бы этой связи не существовало. Гениальные реформаторы не выказывают обыкновенно такого постоянства в своих идеях, когда им приходится осуществлять их на деле: это происходит потому, что они работают практически в области относительного. А Павел работал теоретически в области абсолютно-го. Кроме того, он не менял сущности задуманных им реформ, потому что не менял цели, которой хотел ими достигнуть; цель же эта заключалась в том, чтобы подражать Фридриху II, следовать по стопам Петра Великого, продолжать работу Петра III, но в сущности просто делал противоположное всему, что делала великая Екатерина. Впрочем, и тут Павел далеко не выказал той последовательности, какую ему приписывают. Подвижность его мысли, его слабохарактерность и непостоянство всего его существа мешали ему выработать общий план действий и придерживаться в подробностях основных решений.

В области внешней политики завоевательные планы Екатерины были почти безграничны по своему размаху, и новые предприятия, войны и вмешательства России в дела других государств следовали одни за другими: Павел решил поэтому, что Россия не должна разбрасываться, а должна собираться с силами и обрабатывать свой сад, как Кандид. Таков был его лозунг еще при его восшествии на престол. Сам же он противоречил себе: незадолго перед тем настаивая,

чтобы мать подавила французскую революцию при помощи пушек, он вскоре попробовал сделать это собственными силами. В последний год царствования он готов был вступить в борьбу со всей Европой и собирался отвоевать Индию у англичан!

Дело в том, что хотя он и стремился занять место среди «просвещенных» государей своего времени, влюбленных, как Фридрих II или Фердинанд Брауншвейгский, в философию, но в сущности в нем сидел тот беспокойный дух, что в Робеспьере, Дантоне и Бонапарте.

В области же внутренней политики, видя борьбу разнородных этнических и культурных элементов, к которой привел Россию ряд аннексий, он надеялся не только примирить, но вовсе уничтожить антагонизм различных частей населения. И средство, при помощи которого он рассчитывал произвести это чудо, было буквально то же, каким пользовались французские революционеры того времени. Формула этого средства была заимствована у Монтескье, у Руссо и даже у Марата: равенство перед законом; порядок при свободе; основательное воспитание, которое должно прививать массам эти принципы; развитие промышленности и торговли; ответственная администрация, опирающаяся на власть не господствующего класса, но государя, «одинаково доброго для всех»... Одним словом: старая песня.

В качестве противника Екатерины, Павел ненавидел энциклопедистов, но, как реформатор, заимствовал у них их учение и их терминологию. Подобно самым крайним последователям западной революционной школы, он тоже мнил себя филантропом и заботился о крестьянах. Он считал их кормильцами всех других сословий и хотел улучшить их положение: крепостного права он не собирался отменить, потому что Петр III не имел этого намерения; но решил «улучшить состояние приписанных к заводам крестьян» и «облегчить судьбу» остальных. Землю, как источник всякого богатства, он хотел «освободить от чрезмерного отягчения», думая, что достигнет этого легко, приводя в равновесие доходы и расходы казны: а для избежания ошибки в исчислении доходов с земледелия и промышленности, иметь в виду для первых — «возможность и допустимость» и для вторых — увеличение их путем покровительства.

Уже в 1780 году он рисует эти прекрасные перспективы в проекте «основных законов», дошедшем до нас вчерне. Он упоминает о них также в другом наказе, данном Марии Федоровне на тот случай, если бы ей пришлось быть регентшей. Все его планы носят характер общей неопределенной теории; в них нет ни одного практического, точного указания.

Павел желал преобразовать всю жизнь своего государства, не зная однако, с чего начать. Но тут к нему пришло на помощь его положение претендента. Очевидно, надо прежде всего устранить основное беззаконие, от которого в России происходят все остальные, и жертвой которого является сам Павел, естественный наследник Петра III.

Законность невозможна в стране, где преемство верховной власти не подчинено никакому закону.

Итак, *Указ о престолонаследии* должен лечь в основание всех будущих реформ. В этом отношении Павел сошелся во мнении с самыми свирепыми из членов французского Конвента, бывшими вначале убежденными сторонниками законной монархии.

Написать *Указ* было недолго. А дальше что? Павел стал в тупик. Когда дело касалось престолонаследия, он мог прибегнуть к помощи Марии Федоровны: в вопросах наследственных прав и всяких привилегий она была бесспорным авторитетом. Но в политике она решительно ничего не понимала, а остальные сотрудники будущего государя были в этой области немногим опытнее ее. В силу ли своих природных способностей или вкусов, они могли быть полезны Павлу только на Гатчинском плацу; сюда-то все больше и больше начинало манить и самого великого князя. В конце концов он, вместе с Петром Паниным и Репниным, нашел ключ к будущим своим реформам именно на этом плацу.

Разве правильно организованная армия не является лучшей средой для развития дисциплины и чувства законности? Служа в армии, дворянство невольно проникается этими чувствами и затем прививает их массам. Оба советника Павла старались убедить его в правильности этого взгляда. Под их внушением он пришел к заключению, что впереди всех преобразований должна идти радикально задуманная и выполненная военная реформа.

Но дворянство, освобожденное Петром III от обязательной службы, бежало из армии. Оно сохраняло свои привилегии и уклонялось от обязанностей, за которые первоначально ему и были даны его права. Новое затруднение. Очевидно, необходимо восстановить равновесие и точно распределить права и обязанности на всех ступенях общественной лестницы. Но как это сделать? Отменить льготу, данную Петром III? Нет, это невозможно. Павел в отчаянии не находил выхода из создавшегося положения. Но затем, возвратившись на свой плац, он решил, что, лично руководя учением и сделавшись первым солдатом своей армии, принимая непосредственное участие не только в парадах, но и в ежедневной тяжелой работе войска, он сделает военную службу более привлекательной в глазах дворянства и таким образом вернет ей беглецов.

Однако и тут ему приходилось бороться с противоположными влияниями. Он благоговейно выписывал аксиомы Монтескье в свою записную книжку, перефразируя их на свой лад: «Первое качество солдата — сила и здоровье. Офицер, который ослабляет силы своих подчиненных, мучая их или нанося им побои, повинен перед Богом в убийстве».

«И заслуживает наказания», — прибавлял Павел пророчески от себя. Но, кроме автора «*Esprit des lois*», у него были еще другие учи-

теля военного искусства, Аракчеевы и Штейнверы, и, видя, как они бьют рекрутов кулаками и палками, он заражался их примером и сам начинал бить солдат или приговаривать их к шпицрутенам. И до конца жизни он не мог выйти из этого противоречия.

По временам, мучаясь этим противоречием, он придумывал — или сам, или под внушением других — удивительные средства, чтобы как-нибудь вырваться из него. Он хотел, например, воспользоваться своими правами германского принца и производить рекрутский набор в Германии: таким путем побои и розги доставались бы на долю одних иностранцев. Или он мечтал, вместе с Паниным и Аракчеевым, о военных поселениях, ставших впоследствии одним из главных предприятий и одною из главных ошибок царствования Александра I. Или, наконец, набрасывался на гвардию, желая уничтожить ее привилегии, оскорблявшие в нем его любовь к равенству, и также ее политическую роль, которая вызывала в нем неприятные личные воспоминания...

При Екатерине сержант гвардии выпускался в армию капитаном, а капитан полковником. Дворяне записывали сыновей еще при рождении в гвардию сержантами, а при совершеннолетию им давался чин поручика *по выслуге лет*. Павел хотел постепенно свести на нет это ненормальное положение гвардии и уравнивать ее в правах с реорганизованной армией.

В хаосе идей, бродивших у него в голове, было несколько верных мыслей и полезных начинаний. Но и в них Павлом руководили противоположные побуждения. Инстинкт расы и исторические традиции взяли в нем постепенно верх над влиянием Запада. Павел принадлежал к народу, для которого война спокон веков была первым законом существования и развития. Таким образом, все его преобразовательные или либеральные мечтания привели в конце концов лишь к желанию военной реформы. Но путем этой же реформы он, как это ни странно, хотел положить также конец династическим кризисам и правлению женщин. Однако эта военная реформа, которая легла в основание всей программы его царствования, послужила главной причиной его гибели.

Сын Екатерины должен был вступить на престол, на котором ему предшествовал ряд женщин, императриц и регентш. Первым своим долгом он считал выдвинуть — в ущерб женщинам — принцип мужской власти. Принц де Линь сказал ему как-то, стараясь извинить императрицу в каких-то непорядках в управлении: «Ведь не может же женщина повсюду бегать сама, входит во все подробности...». Но Павел резко его оборвал:

— Конечно! Вот почему мой дрянной народ (*ma shienne de nation*) и желает того, чтобы им управляли только женщины.

Сам Павел решил входить во все подробности управления, как только достигнет престола. Но он упускал при этом из виду, что мо-



*Медаль, выбитая по случаю бракосочетания Великого Князя Павла Петровича с Великой Княгиней Марией Федоровной*



Екатерина II в домашнем платье

жет совершенно запутаться в этих подробностях, что его ограниченный ум и слабая воля не выдержат упоения самодержавной властью.

Таковы были преобразования, задуманные Павлом. По мере того, как менялся он сам, они принимали новую форму. Проследим эту быструю эволюцию.

## II

После поездки в Берлин в 1776 году, продолжительное путешествие по Европе в 1781—1782 гг. имело решающее влияние на кругозор Павла. На этот раз сам он произвел на Западе более благоприятное впечатление. В Вене все удивлялись серьезному и возвышенному складу его ума, его любознательности, простоте его вкусов. Он танцевал без увлечения, предпочитал балу хорошую музыку или хороший спектакль, но с тем, чтобы они не затягивались до ночи. Армия, флот и торговля интересовали его несравненно больше. К столу он был равнодушен, или, вернее, любил простую кухню. Он не признавал никаких игр. Это был человек строгой, воздержной жизни, — подобно Робеспьеру и другим корифеям революционной оргии.

Во Флоренции младший брат и наследник Иосифа II, Леопольд, нашел, что Павел очень умен, рассудителен, умеет здраво судить о вещах и идеях, быстро схватывает общий смысл явлений и их подробности, что он стремится к добру, и что в нем виден большой характер.

Большая *нервность*, — было бы правильное сказать.

В Париже Павел произвел не менее выгодное впечатление на Людовика XVI и Марию-Антуанетту. «Великий князь очень понравился королю своей простотой, — писала королева. — Он, кажется, очень образован, знает имена и произведения всех наших писателей и говорил с ними, как со знакомыми, когда их ему представляли».

Но все заметили в то же время в Павле какую-то двойственность. Точно в нем было два человека: один старался играть с достоинством и блеском роль «принца, полного совершенств»; а второй сбрасывал с себя минутами эту маску и становился просто героем мрачной трагедии. Все восхищались чарующим обхождением Павла и его остроумием; но его любезность производила впечатление чего-то заученного, а веселость казалась напускной; ее нарушали на каждом шагу резкие выходки и горькие замечания. Павел сказал графине Хотек, что наверное не доживет до сорока пяти лет. В Вене, на парадном спектакле, устроенном в его честь, хотели было поставить одну из драм Шекспира, но актер отказался играть Гамлета: «В театре будут два Гамлета!» — сказал он. По той же причине представление *Jeanne de Naples* Лагарпа было запрещено в Париже во время пребывания *Графа Северного*.

Павел вынес из своего путешествия по Европе тоже двойственное впечатление. Почести и торжественный прием, который оказывали ему везде, относились, конечно, не к нему лично. Они относились



к той великой державе, представителем которой он был, и к великой государыне, вознесшей эту державу до небывалого могущества и величия. Но Павел не понимал этого вовсе и не находил нужным считаться в своих чувствах и взглядах ни со страной, ни с императрицей, благодаря которым он сам приобретал значение в глазах Европы. Он просто проникся сознанием своей значительности, донельзя преувеличивая ее. Он увидел Европу у своих ног. И этого было достаточно, чтобы он уверовал, что она навсегда сохранит перед ним это униженное положение; на этом заблуждении он построил впоследствии всю свою внешнюю политику.

В то же время соприкосновение со старинными монархиями Запада пробудило в его беспокойной душе новые мысли и стремления. Версаль и Шантильи понравились ему не меньше Потсдама и Сан-Суси. Старый режим, его нравы, принципы, традиции — все это нашло неожиданный отклик в бывшем ученике Никиты Панина и Плещеева.

Так и в Бонапарте сказался впоследствии Наполеон.

Но все чудесное и привлекательное, что Павлу пришлось увидеть и пережить в Европе, вызвало в нем еще и другое чувство: вернувшись в Россию, он почувствовал более остро ту ничтожную роль, на которую был обречен: «Мне вот уже тридцать лет, а я ничем не занят», — писал он. Эти слова были уже давно его обычным припевом в разговоре и в переписке: «Германские дела очень запутаны... тяжело... смотреть на все это, не имея возможности действовать» или: «Вы пишете о событиях в сфере политической, которые становятся с каждым днем все более интересны. Поздравляю вас, это для всех вас самое удобное время, чтобы отличиться; что же касается меня, то мне, по званию моему, не полагается знать в этом толк». Но теперь в жалобах Павла звучало больше горечи.

Он «ничем не был занят»? Вставая каждый день в 4 часа утра, поднимал он на ноги толпу секретарей, ординарцев, подчиненных. Под рукою у него была библиотека в 36 000 томов, он мог готовиться среди книг к будущим обязанностям государя: тем более что уверял всех, будто методически занят этой работой. Он мог строить широкие планы будущих реформ, которые, по его словам, были у него уже совершенно готовы, чтобы немедленно привести их в исполнение, когда придет желанная минута власти... Неужели всего этого было недостаточно, чтобы занять его время?

К несчастью, нет; по самому складу ума Павла, поле его умственной деятельности было чрезвычайно узко. Он не умел размышлять, анализировать, соображать. Каждое его впечатление сейчас переходило в импульс, и, подобно тому, как бывают люди, которым необходимо говорить, чтобы мыслить, так и Павлу, чтобы мыслить, необходимо было действовать. Поэтому и книги утратили для него вскоре всякий интерес. Мария Федоровна устраивала у себя после обеда чтения вслух, но не могла добиться, чтобы Павел на них при-

существовал. Серьезные книги казались ему скучными; более легкие по содержанию — недостойными его внимания. Он с каждым днем все больше нервничал и раздражался, не находя исхода для своей энергии. И когда власть открыла наконец для его деятельности широкое поле, — не имевшее, как ему казалось, ни границ, ни преград, — он бросился в работу с той нерассуждающей, слепой страстностью, которая служит отличительной чертой всех честолюбцев.

В ожидании этой счастливой минуты он продолжал метаться между противоположными влияниями, не зная, куда направить свою волю и мысль. Руководителей возле него уже не было. Он постепенно растерял тех немногих близких ему людей, от которых соглашался прежде выслушивать иногда совет. Иные ушли от него; других он сам бросил. Петр Панин скончался в 1789 году; впрочем, он был для Павла авторитетом только в военных вопросах. Его брат Никита Иванович сошел в могилу шестью годами раньше. Но за последние годы воспитательства наставника и его ученика — великого князя уже не связывала прежняя тесная дружба. Старший Панин продолжал придерживаться принципов шведской конституции, занявшись перед смертью редактированием политического завещания. Оно разошлось в большом количестве рукописных экземпляров и должно было служить предисловием к проекту конституционной хартии, составленному Паниным еще в 1772 году. Павел когда-то тоже стремился к этому политическому идеалу, но потом далеко ушел от него и вместе с этим отвернулся и от Панина, оставшегося верным своему идеалу.

Но прежнее либеральные стремления не совсем в нем заглохли; они сохранились где-то, в лучшей части сердца, и Павел удерживал возле себя Плещеева. Следствием этой дружбы явился моральный кризис и впадение в мистицизм.

Никита Панин еще в Швеции вступил в масоны. Плещеев, Н. В. Репнин и Александр Куракин также принадлежали к «вольным каменщикам». Брат шведского короля, герцог Зюдерманландский, приехавший в 1777 году вместе с Густавом III в Петербург, стоял во главе шведских лож и дал сильный толчок к развитию русского масонства, повлияв, может быть, в этом отношении и на самого великого князя. С тех пор русские ложи стали числиться восьмым отделом братства и вошли в тесные сношения с прусскими ложами, председателем которых был дядя Марии Федоровны, принц Фердинанд Прусский. Вместе с прусскими масонами российские масоны подчинились влиянию Вельнера и некоторых других теософов, принадлежавших к секте розенкрейцеров, на них сказалось умственное движение, возникшее в то время в Германии. Торжество философского скептицизма приходило к концу и вызвало в обществе, в виде реакции, сильное религиозное рвение. Все искали веры; слушали хитрого и пылкого Лафатера и мистического Сведенборга. Это направление породило много тайных обществ; масонство тоже прониклось ими, но сбилось при

этом с пути. В компании иллюминатов, шарлатанов, вызывателей духов и алхимиков, оно позабыло о своей миссии терпимости и гуманности, в которой заключалась первоначально его задача, и даже отчасти отреклось от нее.

В Москве Новиков, основавший в 1792 году Дружеское Ученое Общество, заразился учением другого мистика, баварца Шварца. Он занялся переводом и изданием всего вороха поэтических и мистических сочинений, появившихся в Европе за последние два века, и через Якова Беме и Филиппа Шпенера приблизился к учению Сведенборга и Сен-Мартена.

Сен-Мартен «с его возвышенными перспективами в области туманного и проблесками озарения среди облаков», как выразился про него Сент-Бев, нашел в Москве второе отечество. В 1786 году здесь возникла секта *мартинистов* и стала быстро расти. В 1790 году мартинисты приобрели в Москве собственный дом для устройства собраний; но, по доносу полиции, были обвинены в политической пропаганде и агитации. Они будто бы бросали между собою жребий, кому из них убить императрицу!

А между тем Павел с 1782 года, если не раньше, был причастен этому движению. Гроссмейстер главной московской ложи, князь Гавриил Голицын, считался одним из самых горячих приверженцев молодого великого князя. Секретная переписка, попавшая в руки Екатерины, показала ей, что Павел поддерживал непрерывные сношения с Новиковым и другими масонами первопрестольной, — и что его собирались даже избрать гроссмейстером ордена. Портреты, изображавшие его со всеми атрибутами масонства, уже циркулировали в обществе.

Как это часто бывает, донос полиции преувеличил и извратил факты. Новиков и его друзья не были цареубийцами, и, пожалуй, сама Екатерина не сомневалась в этом; но движение, во главе которого стоял Новиков, не могло не тревожить ее, так как с одной стороны оно было связано с освободительными и вольнодумными влияниями эпохи, а с другой поддерживало международные сношения, далеко не чуждые политике. Переписываясь с русскими последователями Шварца и Сен-Мартена, слишком многие из прусских принцев стремились привлечь к этому движению Павла.

Екатерина решила положить этому конец, — процесс 1792 г. привел Новикова в Шлиссельбургскую крепость и наложил темное пятно на славное царствование самой императрицы. Но Павла гроза миновала; преданные ему друзья выгородили его, а от остальных он сам, не колеблясь, отрекся, как в свое время отрекся от Сальтерна. Ему лично была даже предоставлена полная свобода придерживаться взглядов и обрядов масонства, за что другие пострадали столь жестоко.

При нем остался Василий Иванович Баженов, знаменитый московский архитектор, служивший Павлу посредником при его сноше-

ниях с ложами. Впоследствии, когда Павел разочаровался в масонстве настолько сильно, что отзывался о нем не иначе, как с насмешкой или глумлением, он все-таки сохранил на себе его отпечаток.

В его очень искренних религиозных чувствах всегда был оттенок экзальтированности. В письме к митрополиту Платону, в июне 1777 года, он возвещал ему о беременности своей жены в следующих выражениях: «Сообщу вам хорошую весть. Услышал Господь в день печали, послал помощь от Святого и от Сиона заступил: я имею большую надежду о беременности жены моей».

Он продолжал также переписываться с Лафатером и с самим Сен-Мартеном, бывшим, кстати, в Монбеляре постоянным гостем.

Вступив на престол, Павел немедленно освободил Новикова. К бывшим товарищам несчастного публициста он тоже отнесся очень милостиво и наградил их казенными местами и пенсией. Вместе с Новиковым они надеялись было сыграть около него выдающуюся роль. Но Растопчин, завидовавший их влиянию, сумел ехидными инсинуациями и колкими насмешками дискредитировать их в глазах Павла.

Между тем сам Павел все больше вдавался в мистицизм, в обществе с Е. И. Нелидовой. Мистицизм и масонство, влиянию которых он был не в силах противостоять, довели его постепенно до полного иступления мысли. В Пруссии Вельнер, сделавшийся директором духовных дел, дошел до крайней нетерпимости и религиозного фанатизма и вступил в борьбу со свободой совести. А в России Павел стал страстным политическим фанатиком и объявил войну свободе мысли. Екатерине, относившейся снисходительнее к французским вольнодумцам, пришлось остановить его беспощадными словами:

— Ты лютый зверь, если не понимаешь, что с идеями нельзя бороться при помощи пушек!

Из ненависти к революции Павел сблизился с французскими эмигрантами, хотя их легкомыслие не могло не оскорблять его. Когда он заподозрил Берлинский кабинет в сношениях с революционным правительством Парижа, то из презрения к Берлину готов был даже отказаться от своих прусских симпатий и отречься от своих клятв. Ему при этом не приходило в голову, что якобинцы, которых он так ненавидел и хотел бы стереть с лица земли, были в сущности очень близки ему по духу, и что он чрезвычайно на них походил. Как они, он был идеалистом, признавал только абсолютное, жаждал власти непременно деспотической, и стремился переделать всех людей на свой образец, досадуя, что не может немедленно приступить к этой работе: в реформаторских планах Павла и в нетерпении, с каким он стремился осуществить свои преобразования, сказались несомненно не только его прирожденная нервность, но и приобретенная им во время его тяжелого детства и тот революционный психоз, которым тогда была заражена вся Европа.

Таково было умственное и нравственное состояние Павла, когда

умерла Екатерина, и желанная власть наконец перешла к нему. За те короткие годы, когда он занимал престол, его нравственный облик принял уже вполне определенные черты, на которые мы сейчас и укажем.

### III

«Что касается его лица, то не он его себе сделал; говорят, даже не его отец; поэтому было бы несправедливо упрекать его за это». Это колкое замечание Массона относится к внешности великого князя в его зрелые годы. Павел был очень некрасив: курносый, с большим ртом, длинными зубами, толстыми губами, сильно выдающимися вперед челюстями. Он рано облысел, и его лишенное всякой растительности лицо напоминало мертвую голову. У него был большой и круглый череп и короткое неуклюжее туловище, которому он напрасно старался придать достоинство и изящество в движениях. «Курносый чухонец с движениями автомата», — будто бы сказал про него Чичагов.

Лица, расположенные к Павлу, старались однако отыскать в его уродстве привлекательные черты. Г-жа Ливен хвалила красоту его взгляда; выражение его глаз, по ее словам было «бесконечно приятно и кротко». Она указывает также на его «хорошие манеры» и на его «изысканную вежливость с дамами», которые придавали ему «истинное благородство и сейчас выдавали в нем принца крови и аристократа». Г-жа Виже-Лебрен, хотя тоже относилась к Павлу с большой симпатией, была, по-видимому, ближе к правде, говоря, что лицо «принца-аристократа» удивительно похоже на карикатуру.

Но Павел не всегда был так дурен. Наружность его тоже изменилась с годами. Ребенком он слыл красавцем, и портрет, писанный с него, когда ему было семь лет, и находящийся в галерее графа Строганова, нельзя было отличить от повешенного напротив портрета семилетнего сына Строганова, Александра. Должно быть, болезнь повлияла так несчастливо на внешность Павла. Еще в 1762 году Екатерине была подана петиция с просьбой вступить во второй брак, причем лица, подписавшие это прошение, ссылались на болезненность наследника престола. В том же году, отправляясь в Москву на коронацию матери, Павел занемог в дороге, а в октябре опять серьезно заболел, и жизнь его находилась в опасности. В 1767 и 1771 г. с ним повторились приступы болезни; они сопровождались нервными припадками, которые приписывались в обществе не то наследственному недугу, не то испугу ребенка в минуты свержения с престола, его отца и смерти Петра III. Говорили, что Павел страдает падучей.

Однако хирург Димсдаль, выписанный в 1768 году из Англии, чтобы привить цесаревичу оспу, нашел, что Павел хорошо сложен, силен и крепок и не имеет никаких природных недостатков. Впоследствии Павел проявил действительно незаурядную физическую силу.

## СОДЕРЖАНИЕ

### РОМАН ИМПЕРАТРИЦЫ. ЕКАТЕРИНА II

*Предисловие* . . . . . 7

#### *Книга первая. ВЕЛИКАЯ КНЯГИНЯ*

#### **Часть первая. ОТ ШТЕТТИНА ДО МОСКВЫ**

#### Глава 1. НЕМЕЦКАЯ КОЛЫБЕЛЬ. ДЕТСТВО

*I. Место рождения — Штеттин или Дорбург? — Спорный вопрос об отце. — Фридрих Великий или Бецкий? — Дом принцев Ангальт-Цербстских. II. Рождение Фигхен (Figchen). — Воспитание немецкой принцессы в восемнадцатом столетии. — Мадемуазель Кардель. — Путешествия и впечатления. — Эйтин и Берлин. — Предсказание. — III. Русско-немецкое свойство. — Русское влияние в Германии; соперничество немцев в России. — Потомство царя Алексея, привитое к двум германским стволам. — Голишиния или Брауншвейг. — Торжество Елизаветы; Петр Ульрих становится ее наследником. — Русский курьер в Цербсте . . . . . 11*

#### Глава 2. ПРИБЫТИЕ В РОССИЮ. СВАДЬБА

*I. Выбор будущей императрицы. — Соперничество и интриги. — Роль Фридриха II. — II. Отъезд в Россию. — Путешествие. — От Берлина до Риги. — Россия обрисовывается. — Поезд родственницы императрицы. — Императорские сани. — Приезд в Петербург. — III. От Петербурга до Москвы. — Прием Елизаветы. — Уверенность в успехе. — Политические предприятия принцессы Цербстской. — Борьба с Бестужевым. — IV. Великий князь. — Воспитание кандидата на престолы России и Швеции. — Два немецких преподавателя. — Брюммер и Штелин. — Дебют Фигхен. — Она учится русскому языку. — Болезнь и выздоровление. — Религиозный вопрос. — Пастор или русский священник? — V. Мать Фигхен намеревается управлять Россией. —*

<i>Неподозреваемая опасность. — В Троице-Сергиевой Лавре. — Катастрофа. — Отозвание Штарди. — Торжество Бестужева. — Портрет Елизаветы. — VI. Обращение принцессы Софии в православную веру. — Сопроотивление Христиана-Августа. — Публичное исповедание. — Обручение. — Екатерина Алексеевна. — Путешествие в Киев. — Мать и дочь. — Жених и невеста. — Болезнь великого князя. — Жизнь в Петербурге. — Граф Гилленбург. — Пятнадцатилетний философ. — VII. Свадьба. — Церковные и придворные торжества. — Апартаменты новобрачных. — Морская церемония: «девушка русского флота». — Отъезд принцессы Цербстской . . . . .</i>	18
---	----

### Глава 3. ВТОРИЧНОЕ ВОСПИТАНИЕ ЕКАТЕРИНЫ

<i>I. Екатерина и ее супруг возвращаются к школьному возрасту. — Инструкции, написанные канцлером Бестужевым для воспитателя и воспитательницы их высочеств. — Обвинительный акт. — Грехи Екатерины. — Близость к Чернышевым. — Бесплодие супружеского великокняжеского ложа. — Кто виноват? — Неудача мер, предпринятых канцлером. — II. Новые строгости. Перемены в штате Екатерины. — Отъезд Мардефельда. — Падение Лестока. — Новые слуги великой княгини. — Шкурин. — Владиславова. — Одиночество. — III. Внутренняя жизнь двора. — Денежные неурядицы. — Как строят императорский дворец и как в нем живут. — Первые поэтические опыты Екатерины. — Нравственная неурядица. — Что видно в дверную щель. — Супружеская жизнь с великим князем. — Вкусы и интимные привычки Петра. — Собаки. — Пьянство. — Картонные солдатики и крепости. — Развлечения Екатерины. — Охота. — Верховая езда. — Танцы. — Чтение. — IV. — Первые книжки Екатерины. — Романы. — Письма мадам де Севинье. — Исторические книги. — Мемуары Брантома. — V. Екатерина делается матерью. — Кто отец ребенка? — Десять лет бесплодного супружества. — Любовные развлечения. — Захар Чернышев. — Красавец Сергей. — Вмешательство причин государственной важности и хирургии. — Рождение великого князя Павла. — Странное отношение к родильнице. — Различные предположения. — VI. — Еще большее одиночество. — Чтение и серьезные размышления. — Тацит, Монтескье и Вольтер. — Старые придворные дамы Екатерины. — Умственное и развитие . . . . .</i>	47
--	----

**Часть вторая. ПО ПУТИ К ЗАВОЕВАНИЮ ВЛАСТИ****Глава 1. МОЛОДОЙ ДВОР**

*I. Вмешательство Екатерины в политику. — Политика и любовь. — Вильямс и Понятовский. — Теория графа Горна насчет роли болонок в дипломатии. — Материальные затруднения великой княгини. — Английский банкир Вольф. — II. Критическое положение Бестужева. — Он пытается сблизиться с Екатериной. — Проект установления престолонаследия после Елизаветы. — Смелые предприятия Вильямса, в которых замешана великая княгиня. — Семилетняя война. — Отступление фельдмаршала Апраксина. — Обвинения, предъявленные Екатерине по этому поводу. — III. Политическая роль Понятовского. — Он успешно ведет дела своих дядей и портит дела своего короля. — Сближение между ним и представителем Франции. — Различие во взглядах между представителями французской политики в Петербурге и Варшаве. — Маркиз Лопиталь и граф Брольи. — Двойственность французской политики. — Официальная и тайная дипломатия. — Общая непоследовательность. — Намерение защитить поляков от русских, вступив в союз с Россией. — Официальная и тайная дипломатия работают над удалением Понятовского. — Последствия поражения при Росбахе. — Понятовский остается в Петербурге. — Его приключение в Ораниенбауме. — Его отъезд. — Раздражение Екатерины против Франции. — Что вытекает из связи будущей императрицы с будущим королем. — IV. Внутренняя жизнь молодого двора. — Екатерина эмансипируется. — *Madame la Ressource*. — Характеристика великой княгини, сделанная д'Эоном. — Общее растление нравов. — Театральное представление при дворе Елизаветы. — Ночные отлучки Екатерины. — Что скрывают ширмы в спальне. — «Судно». — Роль фрейлин. — Поведение Петра. — Екатерина решается идти по «независимому пути». — V. Дни кризиса. — Арест Бестужева. — Великая княгиня скомпрометирована. — Екатерина выдерживает бурю. — Свидание с Елизаветой. — Ссора супругов в присутствии императрицы. — Победа Екатерины. — Предвестие новой и окончательной борьбы . . . 75*

**Глава 2. БОРЬБА ЗА ПРЕСТОЛ**

*I. Перемены среди приближенных Екатерины. — Уничтожение последних связей, соединявших ее с семьей и с немецкой родиной. — Пребывание принцессы Цербстской в Париже и ее*



*смерть там. — Новые знакомства и новые увлечения: английский посланник Кейт. — Григорий Орлов. — Княгиня Дашкова. — Панин. — Последние минуты царствования Елизаветы. — Кто будет наследовать ей? — II. Смерть императрицы. — Противоречивые догадки о ее последней воле. — Петр III мирно вступает на престол. — Резкое изменение внешней политики. — Авансы прусскому королю. — Император объявляет о своем намерении разорвать с союзниками. — Сцена, устроенная им барону Бретейлю на ужине у канцлера Воронцова. — Игра императора. — «Испания проиграет». — Гнев герцога Шуазеля. — Заключение мира с Пруссией. — Внутренние преобразования. — Чем они были вызваны. — Их значения. — Петр III сам готовит себе гибель. — Недовольство армии. — Негодование Екатерины. — Петр публично оскорбляет жену. — «Дура!» — Он грозит ей арестом. — III. Революционный заговор. — Рассказ Рюльера. — Его неправдоподобность. — «Записки» княгини Дашковой. — Признания, сделанные ей Дидро. — Противоречия. — Недостаточность верных исторических данных. — Вероятное положение вещей. — Рискованные и неумелые попытки Орловых и княгини Дашковой. — Роль барона Бретейля. — «Покупка» в 60 000 рублей. — Заместитель де ла Шетарди. — Вильбуа. — Никто не сомневается в том, что должно произойти. — Колебания Екатерины. — Она находится в ожидании событий. — Взятая ею на себя роль наружного спокойствия и выдержки . . . . . 104*

### Глава 3. ПОБЕДА

*I. Отъезд Петра III в Ораниенбаум. — Его воинственные замыслы. — Безопасность, в которой он считал себя. — Екатерина едет в Петергоф. — Петр отправляется за ней туда же. — Он уже не застает там императрицы. — Государственный переворот совершился. — Как становятся самодержицей вся Россия. — Орловы. — Измайловский полк. — Попытки сопротивления. — Да здравствует императрица! — Панин. — Маленький Павел. — Сенат и Синод. — Канцлер Воронцов. — Княгиня Дашкова. — Учреждение нового правительства. — II. Колебания Петра. — Поездка в Кронштадт. — «Нет больше императора»!.. — Отступление. — Смелые планы фельдмаршала Миниха. — Петр решается на переговоры. — Екатерина со*

*взбунтовавшимися полками идет навстречу мужу. — Отречение. — Заключение в Ропшу. — Пребывание Екатерины в Петергофе. — Въезд императрицы. — Григорий Орлов. — Начало фаворитизма. — III. Последние испытания. — Волнение в войсках. — Письмо к Понятовскому. — Что думает последний караульный солдат при виде императрицы. — Самообладание Екатерины. — Ее хладнокровие. — Щедрость. — Подарки и вознаграждения. — Возвращение Бестужева. — Разочарованные и недовольные. — Миних. — Княгиня Дашкова. — Генерал Бецкий. — Светлая заря нового царствования. — Туча. — IV. Драма в Ропше. — Виновные. — Екатерина, Орлов или Теплов? — Преступление или отказ от правосудия? — Кровавое пятно. — Заключение . . . . . 131*

## Книга вторая. ИМПЕРАТРИЦА

### Часть первая. ЖЕНЩИНА

#### Глава 1. ВНЕШНОСТЬ. ХАРАКТЕР. ТЕМПЕРАМЕНТ

*I. Красота Екатерины. — Противоречивые показания. — Голубые или карие глаза? — Портреты пером, карандашом и кистью, сделанные самой Екатериной, Рюльером, Чемесовым, Ричардсоном, принцем де Линь, графом Сегюром, госпожой Виже-Лебрен. — Анекдот русского двора. — Император Николай. — Впечатления принцессы Саксен-Кобургской. — Легенды. — II. Характер. — Мнение Марии-Терезии и Марии-Антуанетты. — Мнение о самой себе. — Эпитафия. — Преобладающие черты характера Екатерины. — Честолюбие, смелость, решительность. — Фатализм. — Оптимизм и эвдомонизм. — Тщеславие. — Советы Потемкина английскому послу: «Льстите ей!» — Постоянная лесть и воспевание Екатерины среди ее приближенных. — «Vouls-rim's» графа Кобенця и графа Сегюра. — Отсутствие самолюбия и кокетства. — Императрица и женщина. — Преувеличенное представление Екатерины о своем могуществе. — Она внушает это представление Европе. — Средства к тому. — III. Сила воли и непостоянство. — Отсутствие строго определенного направления. — Влияние Екатерины на русский народ. — Энергия и сила сопротивления. — Природный недостаток хладнокровия, возмещаемый громадным самообладанием. — Храбрость. — Оспопрививание. — IV. Упрямство. —*

*Трудоспособность. — Пристрастие к письменным занятиям. — Веселость. — «Рецепт, чтобы вполне развеселить кого-нибудь». — Надо быть веселой! — Неизменно хорошее расположение духа. — Детские игры. — Жмурки в шестьдесят пять лет. — V. Нравственное здоровье. — Простота общения в частной жизни. — Щедрость. — Доброта. — Была ли Екатерина жестокой? — Опять императрица и женщина. — Слуги обожают ее. — Анекдоты. — Нетерпение и живость. — VI. Темперамент. — Чувственность. — Не истерия и не нимфомания. — Догадки . . . . . 150*

## Глава 2. УМ. ОСТРОУМИЕ. ОБРАЗОВАНИЕ

*I. Умственные способности. — Отсутствие «творческого ума». — Притязания на оригинальность. — Воображение и здравый смысл. — Воздушные замки. — Высокое обаяние ее ума. — Мираж. — Красноречие Екатерины и увлекательность ее беседы. — Автографическое interview. — II. Остроумие Екатерины. — Ее остроты. — Ее манера шутить. — Немецкое происхождение. — Употребление русских поговорок. — III. Образование. — Начитанность. — Выбор книг. — «Маленькая ученая с темпераментом». — Мораль Гельвеция. — По шесть томов в день. — Плохо усвоенные познания. — Эрудиция, состоящая из массы отрывочных сведений. — Пробелы. — Недостаточное знакомство с географией. — Познания в области истории. — Самостоятельные научные опыты. — «Перигор» — славянское имя. — Неправильное правописание. — Форма и содержание. — Екатерина умела выбирать между ними. — Усвоение народного духа и воплощение национального гения России . . . . . 185*

## Глава 3. ИДЕИ И ПРИНЦИПЫ

*I. Ум непоследовательный и несистематический. — Эмпиризм. — Непостоянство идей и принципов. — Несколько твердых принципов и идей. — Чувство долга. — Культ потомства. — Русский национализм. — Преувеличенное представление о величии России. — Великая идея царствования: греческий проект. — II. Другие идеи Екатерины. — Хаос. — Отчет пред судом собственной совести. — Философские идеи. — Идеи религиозные. — Непоследовательность. — «Мои славные плуты иезуиты». — Веротерпимость. — III. Либерализм Екатерины. —*

*Благородные порывы первых лет. — Философские принципы и практика самодержавного правления. — Трагическое столкновение. — Пугачевский бунт и французская революция. — Влияние их на ум Екатерины. — IV. Екатерина и революционное движение. — Прирожденные симпатии. — Равнодушие. — Екатерина не видит надвигающейся бури. — Взятие Бастилии. — Быстрая реакция. — Суждения Екатерины о революции и ее деятелях: Лафайете, Мирабо, Малле-Дюпоне, Неккере, герцоге Орлеанском, аббате Сизесе. — Провидение Наполеона. — Антиреволюционная политика. — В Европе и в России. — Последние принципы Екатерины . . . . . 194*

### **Часть вторая. ГОСУДАРЫНЯ**

#### **Глава 1. ИСКУССТВО ЦАРСТВОВАТЬ**

*I. Предприимчивая государыня и невзрачная страна. — Подведение баланса царствованию Екатерины. — «492 славных деяния!» — Доля счастья. — Другие условия успеха. — Выдержка и самообладание. — Власть Екатерины над людьми. — Отчаяние французского дипломата. — II. Умение обращаться с людьми. — Государыня и обольстительница. — Императрица Цирица. — Халаты князя Потемкина. — Слуги Екатерины. — Ни в счастье, ни в горе она не оставляет их. — Ее обаяние. — III. Неустанная деятельность. — Государственные заботы и астраханские арбузы. — Екатерина в роли свахи. — Екатерина руководит войною со Швецией и несет интендантскую службу. — Импровизированный обоз. — IV. Приемы, впервые введенные Екатериной в политику. — Новое искусство. — Предшественница Бисмарка. — Удивление Европы. — Пессимистические предсказания дипломатов старой школы. — Оценка графа Сен-При. — Мнение барона Бретейля и графа Сольмса. — Новые средства борьбы. — Печать и общественное мнение. — Начало политического журнализма. — «Рептили» восемнадцатого века. — Колоссальная реклама. — Пользование старыми методами. — Тайная канцелярия Екатерины. — Преобладание новых приемов и нововведения. — Старые традиции. — Стиль старых московских приказов. — Торжество деспотизма. — Мнение Екатерины о науке управлять государством. — Параллель, проведенная ею между собою и правительством Франции. — V. Недочеты ее искусства. — Неумение выбирать людей,*

*возведенное в методу. — Рискованные правила. — Чрезмерное количество должностных лиц и недостаток среди них достойных. — Станный оптимизм. — Басня о деревьях, написанных на полотне. — Недалеко ушедшая от этой басни действительность. — Екатерина «видела, да не видала». — Завоевание Тавриды. — Колоссальная феерия. — Учреждение метрополии. — Екатеринослав. — Город, которого губернатор никак не может найти. — Победа «пассивного послушания». — Банкир, из которого чуть было не делают чучела. — Власть денег. — Хищения и подкуп. — Достигнутые результаты . . . . . 222*

**Глава 2. ВНУТРЕННЯЯ ПОЛИТИКА. ОХРАНА.  
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО. АДМИНИСТРАЦИЯ**

*I. Защита престола. — Заговорщики и претенденты. — Взбунтовавшийся епископ. — Смерть царя Иоанна Антоновича. — Политическая цензура. — Сочинения Жан-Жака Руссо. — Опасный политический и социальный кризис 1771—1775 гг. — Емельян Пугачев. — Реакция. — Тайная полиция при Екатерине. — Степан Иванович Шешковский. — II. Екатерина — законодательница. — Наказ комиссии о составлении проекта нового уложения. — Монтескье и Беккария. — Влияние русских консерваторов и Вольтера. — Русский Монтескье: Иван Посошков. — Созыв комиссии. — Наказы. — Первые заседания. — «Собрание занимается анатомией качеств императрицы, а не рассмотрением законов». — Кабинет для чтения. — Отрицательные результаты. — Закрытие заседаний. — Суд общественного мнения. — Парижский парламент и русская императрица. — Новые заботы Екатерины. — Ее опять охватывает легисломания. — Частичные преобразования. — Недостаток коренной реформы. — Следовало бы начать сначала. — Вопросы крепостного права. — Положение крестьян в России. — Мнение Дидро. — Мнение Сегюра. — Процесс Дарьи Салтыковой. — Женщина, замутившая до смерти сто тридцать восемь человек. — Уложение о наказания графа Румянцева. — Заключение. — Достигнутые тем не менее результаты. — Дело, положившее начало новой эры. — III. Судебное ведомство. — Смелые преобразования. — Избирательный принцип. — Смягчение наказаний. — Плетни. — Екатерина в роли верховного судьи. — IV. Администрация. — Деятельность Екатерины. —*

*Недостаток последовательности. — Препятствия, на которые наталкивалась воля императрицы. — Как в Москве создавали больных чумой. — Донесение французского инспектора полиции Лонпре. — Пророчество Дидро. — V. Финансовая политика Екатерины. — Откуда брались деньги? Ассигнации и займы. — Невозможность банкротства или революции. — Кредит России безграничен. — Особенная экономическая теория. — Ее оправдание. — Ее результаты. — Опять Посошков. — VI. Армия. — Военный дух и фаворитизм. — Дезорганизация. — Екатерина портит дело, завещанное Петром I. — Полки, доставляющие доход своим командирам. — Русский солдат. — Победа дешевой ценой. — Заключение . . . . . 248*

### Глава 3. ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА

*I. Общий характер политики Екатерины. — Миротлюбивые намерения первых лет. — Причины, побудившие Екатерину от них отказаться. — Письмо графа Воронцова к Александру I. — Новые стремления императрицы. — Воинственная и завоевательная лихорадка. — Личная инициатива. — «У императрицы нет больше министров». — Влияние темперамента и пола. — Государыня и женищина. — Преобразования в устройстве иностранной коллегии. — Заключение. — II. Союзы. — Система Петра III и система Екатерины. — Сходство и различие. — Дело, созданное лично Екатериной. — Северный союз. — Союз с Пруссией. — Медовый месяц. — Развод. — Толстый Ги. — Союз с Австрией. — Дело о Баварском наследстве. — Конгресс в Тешене. — Письмо Марии-Терезии к Екатерине. — Иосиф II едет в Могилев. — Проект раздела Турции. — «Медвежья шкура». — Императрица, увлекшаяся императором. — Разочарование. — Союз с Англией. — Успех Гарриса в Петербурге. — Вооруженный нейтралитет. — Лига нейтральных держав. — Против кого она будет направлена? — Англия предлагает Екатерине минорку. — Колебания императрицы. — «Невеста слишком хороша». — Отказ. — Очарование нарушено. — Угрозы войной. — Гибель союза с Англией. — III. Союз с Францией. — Ненависть Екатерины к Франции. — «Нечестивые французы». — Да здравствует Корсика! — Портрет Паоли. — Французы в Петербурге. — Их плачевное положение. — Приключения кавалера де Перрьера. — Слишком предприимчивый француз. — Добродетель крестьянской девушки. — Сын полномочного посла, избитый палкой. — Поворот к лучшему. — Пребывание*

в Петербурге герцога Шиме и виконта Лаваль. — Восшествие на престол Людовика XVI оказывает благоприятное влияние на чувства Екатерины к Франции. — Пристрастие Екатерины к правлению этого короля. — Влияние Вольтера и других поклонников императрицы. — Популярность Екатерины и русских в Париже. — Всеобщее увлечение. — «Эпидемия Екатерины». — Пребывание графа и графини Северных в Париже. — Любезность Марии-Антуанетты. — Все для России и все «по-русски». — Русские моды в Париже и парижские в Петербурге. — Портной, наживший себе состояние. — Разорение модистки. — Гнев 2-го Бертэн. — Приезд графа Сегюра в Петербург. — Его личный успех. — Предложения России. — Франция отступает. — Разочарование. — Подписание торгового договора. — Граф Сегюр берет для этого перо у своего коллеги, английского посла. — Последние попытки. — Петербургский кабинет и национальное собрание. — Мирабо. — Женэ в Петербурге и Симолин в Париже. — Дипломат-мученик. — Отъезд Симолина и изгнание Женэ. — Последнее свидание русского посла с Людовиком XVI и Марией-Антуанеттой. — Необыкновенная миссия. — Россия и эмигранты. — Антиреволюционная политика Екатерины. — Великий князь-демократ. — Изгнание и инквизиция. — Указ 28-го марта 1793 года. — IV. Раздел Польши. — Политика Екатерины и панславизм. — Первый раздел был делом принцессы Цербстской, а не русской императрицы. — Роль Пруссии и Австрии. — Кому принадлежала мысль о разделе? — Идея, носившаяся в воздухе. — Австрия делает первый шаг. — Второй и третий разделы. — Роковые последствия преступления. — Одно преступление влечет за собой другое. — Добыча, брошенная псам. — V. Войны. — Первая турецкая война. — «Борьба слепых с кривыми». — Победа России. — Турция падает до положения второстепенной державы. — Кучук-Кайнарджийский мир — только перемирие. — Екатерина хочет взять Константинополь. — Греческий проект. — Присоединение Крыма. — Вторая турецкая война. — Отрицательный результат. — Война со Швецией мешает планам Екатерины. — Опасное положение России. — «Платья Екатерины становятся слишком широки ей». — Верельский и Ясский мир. — Счастье Екатерины. — Новые воинственные планы. — Индийский проект. — Персидский поход. — Заключение . . . . . 285

## Книга третья. ЛИЧНОСТЬ ПРАВИТЕЛЬНИЦЫ

## Часть первая. ДРУГ ФИЛОСОФОВ

## Глава 1. ЛЮБОВЬ К ЛИТЕРАТУРЕ, ИСКУССТВУ, НАУКЕ

*I. Книги. — Библиотека Дидро. — Библиотека Вольтера. — Любила ли Екатерина литературу? — Две литературных эпохи: вторжение иностранных элементов и реакция в национальном смысле. — Державин и Новиков. — Роль Екатерины в этой борьбе. — Она была ничтожна и печальна. — Почему. — Литературные вкусы Екатерины. — Отчего она не любила Расина? — «Бесполезное испытание» Седина. — Бомарше не вызывает в ней смеха. — Литературная беседа с дворецким. — Екатерина охладевает к французской и увлекается немецкой литературой. — Странный выбор авторов. — Не Лессинг, не Гете, не Шиллер. — Она и в литературе ценит прежде всего политику. — Ее идеи в области литературной критики на целый век идут впереди ее эпохи. — Екатерина в роли мецената. — Русская академия. — II. Отношение Екатерины к искусству. — Недостаток знания и дарования. — Что она понимает в музыке? — Камерная музыка с девятью собаками вместо солистов. — Опера ее величества. — Паузиелло. — Екатерина как коллекционер. — Она не «любительница», она «жадна до ненасытности (glouton)». — Покупки и заказы. — Музей Эрмитажа. — Посторонние влияния. — Любовь к разным камням прекращается со смертью Ланского. — Мамонов тоже любит камеи. — Платон Зубов любит только деньги. — Страсть к строительству. — Почему Екатерина ставила так низко французских архитекторов. — Она была совершенно лишена чувства прекрасного. — Екатерина и Фальконе. — Екатерина и русские художники. — Смерть Лосенко. — Все только для показа. — III. Знаменитые ученые в царствование Екатерины были все иностранцы. — Отсутствие русских имен. — Чья в том вина? — Роль, отведенная Екатериной науке. — Маяк или глухой фонарь? — Официальная наука. — Две эпохи царствования. — Либерализм и реакция. — Покровительство историческим изысканиям. — Князь Щербатов. — Болтин. — Голиков. — Татищев. — Личные экскурсии Екатерины в область истории. — Удивительные открытия. — Салический закон — закон славянский. — Почему Хильперик был лишен престола. — Как искусства зародились в Сибири. — Переписка по этому поводу с Бюффоном. — Екатерина разочаровывается в науке и в ученых. — Ее последние труды. — Доктор и магистр Виттенбергского университета . . . . . 332*



Глава 2. ЕКАТЕРИНА КАК ПИСАТЕЛЬНИЦА: ДРАМАТУРГ,  
РОМАНИСТ, БАСНОПИСЕЦ, ПУБЛИЦИСТ, ПОЭТ

*I. Екатерина с пером в руке. — Страсть к писательству. — Императрица, не умеющая диктовать. — Мысль и стиль. — Принадлежали ли Екатерине письма к Вольтеру? — Сотрудничество Андрея Шувалова. — Письма Екатерины к Гримму. — Французский язык императрицы. — Грамматика и правописание. — Образчик описательного стиля. —*  
*II. Научные труды Екатерины. — «Антидот». — Аббат Шапп д'Отрош. — История римских императоров. —*  
*III. Драматические произведения. — Антрепренер наживает на комедиях Екатерины состояние. — Общий характер ее комедий. — Тенденциозные пьесы. — Борьба с духовидцами и масонами. — Юмор Екатерины. — Писала ли она свои комедии вполне самостоятельно? — Новиков. — Исторические драмы императрицы. — Подражательница Шекспира. — Екатерина как автор комических опер. — Театр Эрмитажа. — Романы и басни. — Стихотворные опыты. —*  
*IV. Екатерина — редактор журнала. — Ее полемика с «Трутнем» Новикова. — Решающий аргумент. — «Трутень» запрещен. — Положение печати в России. — Временное сближение Екатерины с Новиковым. — Журнал княгини Дашковой. — Сотрудничество в нем Екатерины. — Ее полемика с Фонвизиним. — Императрица начинает сердиться. — Покорный противник. — Нападки Екатерины на княгиню Дашкову и Академию Наук. — Гнев княгини Дашковой. — Разрыв. — Екатерина отказывается от работы в журнале. — Конец «Собеседника». — Мысли Екатерины об искусстве писать . . . . . 355*

Глава 3. ЕКАТЕРИНА В РОЛИ ПЕДАГОГА

*I. Положение народного образования в России при восшествии Екатерины на престол. — Преобразования Екатерины. — Генеральное учреждение 1764 года. — Влияние Локка и Жан-Жака Руссо. — Затруднения, встреченные императрицей при применении ее педагогической программы. — Идеи Жан-Жака Руссо не соответствовали взглядам Новикова. — Что думал в 1785 году заведующий учебными заведениями в России о пользе школ вообще. — Недостаток в учителях. — Суфлер, исполняющий обязанности инспектора классов. — Кадетский корпус. — Недостаток необходимых знания для составления учебной программы. — Екатерина взывает к философам. —*  
*II. Учреждение специальных училищ. — Die*

*Universalnormalschulmensterin.* — Мечта Екатерины. — Смольный монастырь. — Светский монастырь. — Екатерина в роли настоятельницы. — Подделка под Сен-Сир. — Плоды подобного воспитания. — Нетвердость педагогических взглядов Екатерины. — Несообразность в них. — III. Педагогические сочинения Екатерины. — Александро-Константинопольская библиотека. — Образец «гражданского начального учения». — План светского образования. — Екатерина и г-жа Эпинэ. — *Les Conversations d'Emilie.* — Бабушка и учительница. — Инструкция для воспитания великих князей Александра и Константина Павловичей. — Екатерина передает это воспитание в руки Лагарпа. — Она охладевает к мысли о необходимой реформе и распространении образования. — Ее последний взгляд на просвещение народа . . . . . 374

## Часть вторая. ЕКАТЕРИНА В ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ

### Глава 1. ЕКАТЕРИНА У СЕБЯ ДОМА

*I. День Екатерины.* — Утренний выход ее величества. — Завтрак. — Опасная чашка кофе. — Утренняя работа. — Туалет государыни. — Обед. — Чтение. — Часы отдыха. — Вечерние приемы. — Игра императрицы. — Неприятные партнеры. — Екатерина ложится спать. — II. Легенда и история. — Удовольствия и развлечения Екатерины. — Ее любовь к детям. — Маленькие воспитанники. — Морковь. — Рибоньер. — Эстаргази. — Любовь к животным. — Собаки. — Семейство Андерсон. — Другие домашние животные. — Где же Мессалина? — III. Выезды. — Прогулка в санях. — Маскарады на масленице. — Екатерина в гостях. — В Таврическом дворце. — В Царском Селе. — Деревенские вкусы. — Плантомания. — Нелюбезный петербуржец. — Записки графа Сегюра. — Приемы в Эрмитаже. — Правила. — Штрафы. — Игры. — Доля правды и вымысел. — Обмен записочек с бароном Бретейлем . . . . . 384

### Глава 2. СЕМЕЙНАЯ ЖИЗНЬ. ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ ПАВЕЛ ПЕТРОВИЧ

*I. Мать и сын.* — Причины размолвки. — Различные объяснения. — Мать и императрица. — II. Граф и графиня Северные. — Путешествие в Европу. — Берлин. — «Россия превратится в прусскую провинцию». — Пребывание Павла в Париже. — Впечатление Марии-Антуанетты. — Вспыльчивый характер. — Клериссо. — Влияние путешествия

на отношения Екатерины с сыном. — III. Эти отношения обостряются. — Разномыслие между Павлом и Екатериной. — Павел составляет оппозицию. — Денежные затруднения молодого двора. — Гневное чтение бумаг одного банкира. — Догадки о последней воле Екатерины. — Будет ли Павел лишен престола? — Все ждут манифеста. — Предполагаемое завещание Екатерины. — IV. Чья вина? Характер Павла. — Его портрет, сделанный принцем де Линь. — Свидетельство графа Ростопчина. — Любимцы и любовницы великого князя. — Другие, более благоприятные показания. — Сердце и ум Павла. — Болезненные явления. — Предполагаемые причины. — Любовник, отравляющий мужа своей подруги сердца. — Граф Андрей Разумовский. — Нервность и впечатлительность Павла. — Коронование Петра III. — V. Другой сын Екатерины. — Бобринский. — Равнодушие и заброшенность. — Нехорошая мать и лучшая из бабушек. — Воспитание внуков. — Нежность к ним Екатерины. — Браки. — Немецкие принцессы съезжаются дюжинами. — Из этой массы выбирают супруг для великих князей . . . . . 401

### Глава 3. ИНТИМНАЯ ЖИЗНЬ ЕКАТЕРИНЫ. ФАВОРИТИЗМ

I. Легенда и история. — История и характер фаворитизма в России. — Размеры, которые он принял при Екатерине. — Государственное учреждение. — Первый фаворит. — Его преемники. — Число их все растет. — Ненасытная чувственность или страстность натуры? — Доля рассудка. — Осложнение любовных увлечений чувством материнства. — Воспитанники Екатерины. — Фаворит — основатель школы. — II. Безумие и разум. — Фаворитизм становится частью правительственного механизма. — Организация его. — Выбор избранных. — Их помещение во дворце. — Первый дар любви. — Золотая клетка, которую зорко стерегут. — Фавориты и случайные любовники. — Число избранных. — Как фавориты теряли свое положение. — Различные взгляды. — Мнение графа Сегюра. — Мнение Сент-Бева. — III. Доля чувства. — Григорий Орлов. — Тяжелое расставание. — Попечение Екатерины о прежнем любовнике. — Странный договор. — Корсаков. — «Прихоть ли это»? — Потемкин. Ссора влюбленных. — Любовная переписка. — Любовник и друг. — Удивительные компромиссы. — Потемкин и Мамонов. — Они делят милости императрицы. — Появление Зубова. — Смерть красавца Ланского. — Горе возлюбленной. — IV. Неудобства

<i>фаворитизма. — Быстрое повышение временщиков. — Как был назначен один посланник. — Что стоит фаворитизм. — Общий итог в 400 миллионов. — Развращающее влияние. — Школа порока. — Мораль Екатерины. — Целомдренность и стыдливость. — Позорящие обвинения. — Искупление. — Заключение . . . . .</i>	419
<i>Заключение . . . . .</i>	446
<b>Дополнение. ЕКАТЕРИНА II И МНЕНИЕ ЕВРОПЫ</b>	
<i>I. Прославление личности Екатерины. — II. Отношение к событиям ее царствования. — III. Суд потомства . . . .</i>	455

## ВОКРУГ ТРОНА

<i>Предисловие . . . . .</i>	473
------------------------------	-----

### Часть первая. ЕКАТЕРИНА ВЕЛИКАЯ

#### Глава I. ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ЛЮДИ

<i>I. Русские, малороссы и иностранцы. Первые роли и статисты. — Немцы. — II. Панин. — Министр переходного времени. — Борьба с фаворитами. — Личное вмешательство в политику Екатерины. — III. Князь Вяземский — Глебов. — Либерализм и ретроградное направление. — Чернышovy. — IV. Безбородко. — Завтрак, имевший важные последствия. — Императорский фактотум. — Торжество хохла. — Влияние плохо натянутых чулок на карьеру государственного человека. — V. Другой малоросс: граф Разумовский. — Уничтожение гетманства. — Присоединение Малороссии. — VI. Иностранцы-сотрудники. — Бестужев, Миних. — Сочинитель мадригалов. — VII. Остерман. — Кейзерлинг. — Штакельберг. — Сиверс. — Второй раздел Польши . . . . .</i>	475
--	-----

#### Глава II. ВОЕННЫЕ

<i>I. Солдаты и генералы. — Румянцев. — Каменский. — Репнин. — Панин. — Военные пороки и добродетели. — II. Суворов. — Соперник Тюренна. — Притворство или безумие? — Военный, придворный, отец. — Суворочка. — В Крыму и в Италии. — Массена и Моро. — III. Иностранцы-генералы. — Волонтер, не попавший в русскую службу. — Бонапарт. — Последний из великих кондотьеров. — Граф Нассау-Зиген. — IV. Русский флот. — Екатерина в Кронштадте. — Неудачный морской смотр. — Знаменитый адмирал Голицын. — Спиридов. —</i>
---

*Английские адмиралы. — Эльфинстон, Дегдель и Грейг. — Первый знаменитый русский моряк. — Чичагов. — Еще иностранец. — Рибас . . . . . 510*

### Глава III. ЛЮБИМЫЕ СОТРУДНИКИ. ОРЛОВЫ. ПОТЕМКИН. ЗУБОВЫ

*I. Легенда и история. — Потомство Ивана Орла. — Орел и его орлята. — Пять братьев. — Фаворит. — Домогательства Григория Орлова. — Проект женитьбы на Екатерине. — Супруг Елизаветы. — Воронцов и Разумовский. — «Госпожа Орлова не будет Российской императрицей». — II. Разочарование. — Пробуждение. — Григорий Орлов в Москве. — Немилость Васильчикова. — III. Новое положение вещей. — Верхи и низы. — В Царском и в Гатчине. — Принцесса Дармитадская. — Бурлак. — Новый соперник. — Потемкин. — IV. Окончательный разрыв. — Неожиданный эпизод. — Идиллия и трагедия. — Девица Зиновьева. — Свадьба. — Сумасшествие и смерть. — V. Алексей Орлов. — Чесменская победа. — Повелитель России. — Возвышение и падение. — Борьба с Потемкиным. — Отставка. — За гробом Петра III . . . . . 529*

Орловы . . . . . 529

### Потемкин

*I. Происхождение. — 13-го июля 1762 г. — Серебряный темляк. — Воспитанник Екатерины. — Записка императрицы. — Возвышение фаворита. — II. Сосредоточение власти в его руках. — Должности и почести. — Граф и князь. — Новые домогательства. — В Троицкой Лавре. — Комендант и комедиантка. — Екатерина не хочет венчаться. — Разрушенное очарование. — III. Новая звезда на горизонте. — Завадовский. — Борьба. — Победа Потемкина. — Распорядитель императорскими прихотями и вице-император. — IV. Физиономия его личности. — Циклоп. — Сибаритство и беспорядочность. — Горячность и доброта. — Не любим!.. — Честолюбие. — Фатализм. — Тщеславие. — Главная квартира в Бендерах. — Сарданапал. — V. Умственные дарования. — Государственный человек. — Воин. — Творческий гений. — Помощник Екатерины. — Взаимность услуг и нежных излияний. — Мораль и история. — Любовь. — VI. Любовные приключения. — Пять племянниц. — Варенька. — Прекрасная фанариотка. — Княгиня Долгорукая. —*

*Стиль великого влюбленного. — VII. Закат светила. — Зубов. — В Таврическом дворце. — Прощальный вечер. — Смерть. — Херсонская могила . . . . . 556*

### Зубовы

*I. Возвращение весны. — Возобновление сентиментальной комедии. — Маленький, черненький. — Балованный ребенок. — Честолюбие, жадность и nepотизм. — Борьба с Потемкиным. — II. Платон Зубов. — Политика. — Администратор. — Воин. — Валериан Зубов. — Герой. — Возвращение из Польши. — III. Суд современников. — Возвышение фаворита. — Обезьяна, завтракающая париком царедворца. — Фаворит в Смольном монастыре. — Смерть Екатерины. — Странности Павла. — Императрица разливает чай. — Милость и немилость. — Зубов в Германии. — Теплицкая дуэль. — Конец . . . . . 590*

## Часть вторая. СЕВЕРНАЯ СЕМИРАМИДА

### Глава 1. УМСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ ПРИ ДВОРЕ ЕКАТЕРИНЫ.

#### ФИЛОСОФЫ

*I. Философия и самодержавие. — Задача, которую предстоит решить. Прошлое и настоящее. — II. Иллюзия и действительность. — Исповеди. — Обмен мыслей или обмен услуг? — Заказы памфлетов и посылки часов. — Лесть и ложь. — Петербургская Богоматерь и Като. — Почему Вольтер не поехал в Петербург. — III. Великий француз и Франция. — Раздел Польши. — Увлечение эллинизмом. — Не обскурант. — IV. Превосходство Екатерины. — Что она берет у философии и философов. — После смерти Вольтера. — Заключительное слово . . . . . 601*

Вольтер . . . . . 601

#### Дидро

*I. Начало сношений между философом и императрицей. — Проект закончить Энциклопедию в С.-Петербурге. — Покупка библиотеки. — Библиотекарь Ее Величества. — II. Благодарность Дидро. — Проект памятника Славы Екатерины. — Проект новой Энциклопедии. Путешествие в Петербург. — Посол от «Литературной республики». — III. Прибытие. — Первые разочарования. — Разговоры с Екатериной. — Красноречие и мимика философа. — Апостольская деятельность. — Дипломатические попытки. —*

*Глас, вопиющий в пустыне. — IV. Философ развлекается. — Враждебное влияние. — Черный человек при дворе. — Мистификация. — Отъезд. — Иллюзия и новые разочарования. — Смерть. — Окончательное разочарование . . . . .* 617

**Д'Аламбер. Руссо. Вольнэ**

*I. Д'Аламбер. — Авансы государыни и благоразумная сдержанность философа. — Досада Екатерины. — Ссора. — II. Руссо. — Эмиль и общественный договор. — Отказ в знаках почтения. — Гнев Семирамиды. — 1794-й год. — Враждебность и репрессии. — Вольнэ. — III. Общий обзор . . . . .* 634

**Философские идеи в России. Новиков, Фонвизин, Радищев**

*I. Движение мысли в России и Французская революция. — Карамзин и Фонвизин во Франции. — Двойное течение, разделявшее мыслящих людей в России — II. Новиков. — Франкмасонство и иллюминизм. — Сен-Мартен. — Начало вражды. — Процесс Новикова. — III. Русский реформатор и философ. — Радищев. — «Почта духов». — «Путешествие из Петербурга в Москву». — Приговор. — Смерть . . . . .* 639

**Глава 2. ЛИТЕРАТОРЫ, УЧЕНЫЕ И ХУДОЖНИКИ**

*I. Обмен любезностей с императорами Запада. — Культ св. Екатерины. — Лагарп. — Дора. — Аббаты. — Скептики и диссиденты. — Мадемуазель де Леспинас. — Аббат Галиани. — Рюльер. — Шапп д'Отрош. — Французские литераторы при дворе Семирамиды. — Мерсье де ла Ривьер. — Сенак де Мейлан. — II. Русские писатели и поэты. — Сумароков. — Державин. — Карьерист восемнадцатого столетия. — Русские подражатели Вольтера. — Князь Белосельский. — Два Шуваловых. — III. Западное искусство в России. — Французские художники в Петербурге. — Фальконе. — «Годы его нетерпения». — Незаплаченный долг. — Клериссо. — Гудон. — Мадам Виже-Лебрен. — Русские художники. — Лосенко . . . . .* 645

**Глава 3. ИНОСТРАННЫЕ ПРИДВОРНЫЕ**

*I. Фридрих. — Принц Генрих. — Толстяк Гу. — Иосиф II. — Могилевское сватовство. — Царскосельская гостиница. — Императрица «подается». — Несчастный брак. — Комедия*

*и чувство. — Последняя мысль Иосифа. — Густав III. — В Петербурге и в Фридрихсгаме. — Брат и сестра. — Ссора и примирение. — Заключительный выстрел. — II. Принц де Линь. — Его неизданные письма. — Граф Сегюр. — Дипломатия и поэзия. — В Крыму. — При приближении революции. — «Лжив, как Иуда!» — Граф Сегюр и просто Луи Сегюр. — III. Лозен. — Союз Екатерины и Марии-Антуанетты. — Лорд Файндлэтер. — Граф Тюрпен . . . . . 666*

#### Глава 4. ФРАНЦУЗЫ ПРИ СЕВЕРНОМ ДВОРЕ

*I. Французы в России и русские во Франции. — Каржавин. — Бернард де Сен-Пьер. — Первый французский журнал в России. — Виридэ. — Литературные перебежчики. — Авраам Шомэ. — Ремесленники. — Кондитер фаворита Ланского. — Актеры и актрисы. — Мадемуазель Хюсс. — Пиков переулоч в Павловске. — Настоящие и самозванные дворяне. — Мошенники. — II. Новый наплыв эмигрантов. — Покровительствуемые графом де Сегюр. — Волонтеры. — Во время осады Измаила. — Благотворное влияние. — Лагарп. — Воспитание Александра. — III. Эмигранты. — Сен-Приест. — Эстергази. — Сомбрель. — Буйе. — Армия принцев. — В лагере Кондэ. — В С.-Петербурге. — Двор и салоны. — Клуб Анри. — Переселенческое дело в России. — Граф д'Артуа. — «С Богом за короля». — Реакция. — Тюрьмы. — Суворов . . . . . 679*

#### Глава 5. АВАНТЮРИСТЫ И АВАНТЮРИСТКИ. КНЯЖНА ТАРАКАНОВА

*I. Итальянцы и итальянки. — Пьемонтец Одар. — Неаполитанец Ласкарис. — Барон Тотт. — II. Калиостро. — Княгиня Санта-Кроче. — Герцогиня Кингстонская. — Княжна Тараканова . . . . . 698*

### Часть третья. ИНОСТРАННАЯ ЖИЗНЬ. ВНЕШНИЙ ДЕКОРУМ

#### Глава 1. ФАВОРИТЫ

*I. Первые преемники Григория Орлова. — Солдат, варвар и тенор. — Васильчиков, Зорич и Корсаков. — Политическая важность избранников. — Реванш аристократической партии. — Попытки воспитания. — Библиотека фаворита. — II. Прилежный ученик. — Екатерина в должности секретаря. — Артистические вкусы красавца Ланского. — Его смерть. — Неутешная возлюбленная. — Утешения. — Ермолов. —*



*Вечная молодость. — III. Мамонов. — Торжество французского влияния. — Безукоризненный придворный. — «Красный кафтан». — Ревность фаворита. — Измена. — Драма в Зимнем дворце. — Девушка Щербатова. — Свадьба. — Раскаяние изменника. — Вечная иллюзия. — Возвышение Зубова . . . . . 715*

#### Глава 2. КОРРЕСПОНДЕНТЫ. ГРИММ

*I. Официальная и интимная переписка. — Мадам Жоффрен. — Мадам Биельке. — Северная Почта. — II. Вольтер. — Фридрих II. — Иосиф II. — Принц де Линь. — Переписка и слог восемнадцатого века. — Циммерман. — Французские и немецкие философы. — Семейная переписка. — Великий князь Павел и великая княгиня. — Принцесса Дармштадская. — III. Мельхиор Гримм . . . . . 736*

#### Глава 3. НАПЕРСНИКИ И НАПЕРСНИЦЫ. КНЯГИНЯ ДАШКОВА

*I. Княгиня Дашкова. — Милость и опала. — Председательница Академии или надзирательница над прачками. — Редкий музей изящных искусств. — В Париже. — Беседы с Дидро. — Признания мисс Вильмонт. — Княгиня в деревне. — Из-за свиней. — Русская женщина в истории. — Последние годы. — II. Графиня Брюс. — Щекотливые обязанности. — Измена и изгнание. — Девушка Энгельгардт. — Графиня Протасова. — Анна Нарышкина. — Единственная в своем роде 2-жа Ливен. — Бецкий. — Наперсник или отец? — Кумушка императрицы. — Анастасия Соколова. — Второй «козел отпущения»: Храповицкий. — Образцовый секретарь: Козицкий. — Специалист по устройству браков: барон д'Ассебург. — Роджерсон . . . . . 755*

#### Глава 4. ДВОР ЕКАТЕРИНЫ

*I. Двор Екатерины и Версальский двор. — Празднование коронации. — Царское село. — «Лягушатник». — Эрмитаж. — Роскошь и бедность. — Европа и Азия. — Содержание русского посланника. — Придворный бюджет. — Штат. — II. Этикет и одежда. — Ливреи и мундиры. — Преобразование в туалетах и прическах. — Огорчение великой княгини. — Подражание западным образцам. — Французские моды. — Утонченность, варварство и развращенность. — Успехи супругов Мандини. — Личные склонности Екатерины. — Ее любимое отдохновение. — Интимный кружок Эрмитажа. — Русские Роклор и Сен-Симон; Лев Нарышкин и Расстончин. —*

*Обычные развлечения. — Клоуны и акробаты. — Военное. — Государыня среди своей гвардии. — Водка. — III. Переезды двора. — Путешествие в Крым . . . . . 770*

## Глава 5. КОНЕЦ ЦАРСТВОВАНИЯ

*I. — Закат. Упадок физических и умственных сил. — Меланхолия. — Признаки государственного утомления и обеднения. — Сильное сопротивление. — Смертельный удар. — Неудавшийся брак Александры Павловны. — Густав Шведский в Петербурге. — Придворные интриги и дипломатические маневры. — Идиллия. — День обручения. — Все рушится. — Жених не придет. — II. Екатерина еще борется. — Веселый вечер в Эрмитаже. — На другой день. — В уборной. — Трон Понятовского. — Статуи и карикатуры. — Памятники в Саратове и С.-Петербурге. — История . . . . . 790*

## СЫН ВЕЛИКОЙ ЕКАТЕРИНЫ. ПАВЕЛ I

*Предисловие . . . . . 805*

### Часть первая. ОЖИДАНИЕ

#### Глава 1. ПРЕТЕНДЕНТ НА ПРЕСТОЛ

*I. Преемство верховной власти в России в восемнадцатом веке. — Престол по избирательному или захватному праву. — Павел не был наследником до вступления на престол Екатерины — он ей обязан званием наследника. — Его права и притязания. — Другие последствия государственного переворота 1762 года. — II. Воспитание цесаревича. — Его гувернер Бехтерев и Панин. — Русский Данжо. — Порошин. — Двор Екатерины. — Развращающее влияние и реакция. — Основная драма и ее следствие. — Раннее честолюбие и нервность ученика. — III. Его первый брак. — Наталья Алексеевна. — Вакханка. — Красавец Андрей Разумовский. — Сожительство втроем. — Новая драма. — Смерть великой княгини. — Павел быстро утешен. — Вторичная помолвка. — Мария Федоровна. — Образцовая жена. — Супружеская идиллия. — Этюп и Павловск. — Злополучное вмешательство Екатерины. — Павел разлучен со своими детьми. — Александр. — Отец и сын. — Лагари. — Первое несчастье. — Кто был в нем виновен. — IV. Русская Агриппина. — Попытка Екатерины привлечь своего сына к управлению делами. — Неудача. — Павел в роли претендента на престол. —*

*Систематическая оппозиция: интриги и заговоры; политический и нравственный антагонизм. — Австрийский союз и дружба с Пруссией. — Тревога Екатерины за свое наследство. — V. Вопрос о лишении Павла прав на наследование престола. — Мать и сын принимают свои меры предосторожности. — Завещание Павла и «Правда Воли Монаршей» Петра Великого . . . . . 810*

## Глава 2. РЕФОРМАТОР

*I. Характер Павла; его эволюция. — Счастливое влияние первого брака. — Успокоение. — «Отсутствие иллюзий!» — Павел развлекается. — Возвращение к серьезным занятиям. — Увлечение французской литературой. — Дидро. — Лагарп. — Путешествие в Берлин. — Фридрих II. — Переворот. — Прусский милитаризм. — Мечтания о реформах. — Советники великого князя. — Панин и Репнин. — Военная реформа. — Враг гинекокрации. — II. Новые впечатления. — Вена и Версаль. — Культ старого режима. — Растерянность мыслей и воли. — Наклонность к мистицизму. — Масонство в России. — Новиков. — Мартинисты. — Противоположные веяния. — Вступление Павла в масонские ложи и его связь с французскими эмигрантами. — III. Окончательно сложившийся нравственный облик. — Внешность. — Уродство. — «Мертвая голова». — Нервность. — Преждевременное старчество. — Темперамент. — Мрачность и вспышки веселости. — Вечная возбужденность. — Лихорадочное нетерпение. — Беспокойство. — Трусость. — Чрезмерная гордость. — Преобладание эгоизма. — IV. Умственные способности. — Природная живость ума и влияние образования. — Память. — Научные знания. — Остроумие. — Веселость. — Любовь к каламбуру. — Недостатки и несоответствие умственных способностей. — Царствование реформатора является катастрофой . . . . . 835*

## Глава 3. НАСЛЕДНИК

*I. Две резиденции: Павловск и Гатчина. — Идиллия и казарма. — Напоминание о Версале и подражание Потсдаму. — Гатчинская армия и флот. — II. Приближенные Павла. — Растопчин, Аракчеев, Кутайсов. — Двуличность фаворита и политическая карьера брадобрея. — III. Женский элемент. — Романы в жизни Павла. — Первые шаги. — Ссора между супругами. — Мистицизм и волокитство. — Е. И. Нелидова. — IV. Начало ее успеха. — Апогей. — Новое сожительство втроем. — Характер*

*этой связи. — Фикция и действительность. — Мария Федоровна бьет тревогу. — Торжество фаворитки. — V. После победы. — Период разочарований. — Е. И. Нелидова удаляется. — Мария Федоровна ничего не выигрывает от этого. — Примирение. — Соперница. — Веригина. — Гнев фаворитки. — Разрыв и возвращение нежных чувств. — Наследник, которому грозит быть лишенным престола, и император. — VI. Вопрос о преемнике Екатерины. — Намеренья императрицы. — Неудачные попытки привести их в исполнение. — Александр и Лагарп. — Вызывающее поведение Павла. — Обращение к Государственному Совету. — Сопротивление. — Екатерина требует согласия Марии Федоровны на устранение Павла. — Она получает согласие Александра. — Ожидаемый манифест. — Внезапная смерть Екатерины . . . . . 858*

## **Часть вторая. ЦАРСТВОВАНИЕ**

### Глава 4. ВСТУПЛЕНИЕ НА ПРЕСТОЛ

*I. Гатчинская мельница. — Тревога. — Прибытие Николая Зубова. — Павел считает себя погибшим. — Он узнает, что мать его при смерти. — Новые огорчения. — Последние желания Екатерины. — Кому наследовать? — II. Наследник в Петербурге. — Агония государыни. — Опись ее бумаг. — Преждевременные проявления власти и первое возмездие. — Прежние и новые фавориты. — Аракчеев и Платон Зубов. — Смерть императрицы. — Принесение присяги новому государю. — Алексей Орлов. — Первые перемены. — Караульные будки прусского образца. — III. Перемены при дворе и в городе. — Война с круглыми шляпами. — Легенда и действительность. — Принятые Павлом меры предосторожности. — Милости и щедроты. — Великодушные наставления. — Освобождение поляков. — Костюшко. — IV. Новая политическая ориентировка. — Отплата за переворот 1762 года. — Мнение и удовлетворение. — Воскрешение. — Вторичное погребение Петра III и Екатерины II. — Капризы и непоследовательность. — Благоволение к одному из Зубовых и немилость к другому. — Ссылка княгини Дашиковой. — Бобринский. — V. Деятельность Павла. — Утренний парад. — Военные реформы. — Падение гвардии. — Торжество гатчинцев. — Колебания общественного мнения. — Благоприятные впечатления преобладают. — «Русский Тит». — Поворот. — VI. Коронавание. — Петровский дворец. —*

*Дом Безбородко. — Кремль. — Император и глава церкви. — Далматика царя. — Закон о престолонаследии. — Скучные торжества. — Целование рук. — Рука императора не распухает! — Изнанка апофеоза . . . . . 880*

## Глава 5. У ВЛАСТИ. МЫСЛИ И ПОСТУПКИ

*I. Стремление к подражанию. — Версаль и Потсдам. — Забота о роли и о производимом впечатлении. — Сценическая обстановка и эффекты. — II. Работа императором. — Уверенность в непогрешимости и плутовство. — Непосредственное управление. — Ящик для доносов. — Неспособность и причуды. — Проявление добродушия и вспышки ярости. — «Order, countre-order, disorder». — Мелочи и ребячества. — Жестокости и раскаяние. — III. Павел предпринимает слишком много. — Он теряет в подробностях. — Чрезмерные требования и оскорбительные поступки. — «Дурак!» — Урок Екатерины. — Обращение к печати. — Павел и Фридрих. — Образец и подражание. — IV. Полицейский режим. — Черный кабинет. — Злоупотребление уставом. — Враждебность к иностранцам и политическая профилактика. — Павел в роли литературного цензора. — Мысль о патриархальном значении его роли. — Обед баронессы Строгановой. — Указы и их применение. — Граф Пален «намыливает голову» княгине Голицыной. — V. Либерализм Павла. — Что от него осталось. — Цензуры. — Дело пастора Зейдера. — Преобразовательные идеи царя. — «Ябеда» Капниста. — VI. Террор. — Плац-парад. — Павел как судья, и революционные судьи. — Петербургское общество. «Труссы» и «трусихи». — Личное впечатление страха. — Спасайся кто может! — Насилие и жестокости. — Дело Грузинова. — VII. Противоположные намеренья. — Принципы терпимости и инквизиторские приемы. — Записки об исповеди. — Раскол. — Попытка религиозного объединения. — Итог режима. — Незначительность его вредного действия и в некотором отношении полезные результаты . . . . . 902*

## Глава 6. ОКРУЖАЮЩИЕ ГОСУДАРЯ

*I. Прохождение службы чиновника. — Быстрые перемены в карьере. — Калейдоскоп. — Состав служащих, завещанный Павлу Екатериной. — Он сначала сохраняет большую их часть. — Два канцлера: Остерман и Безбородко. — Агент-провокатор. — Архаров. — Великие полководцы. — Румянцев*

*и Суворов. — Ничтожество. — «Marin d'eau douce, morechal d'eau salée». — II. Новый состав служащих. — Оба Куракина. — Кризис в департаменте Иностранных Дел. — Кочубей и Панин. — Всемогущество Раstopчина. — Роковой человек. — Пален. — Человек «без лести преданный». — Аракчеев. — Вереница генерал-прокуроров. — Обольянинов. — Неизменный фаворит. — Кутайсов. — III. Женские влияния. — Новое возвышение Нелидовой. — Союз с императрицей. — Роль благодетельницы. — «Ворчунья». — Новые разногласия. — Французская эмиграция и католическая пропаганда. — Мальтийская авантюра. — Нелидова способствует вовлечению в нее Павла. — Заговор против фаворитки. — Ей выставляют соперницу. — IV. Павел в Москве. — Лопухина. — Семейные отношения. — Общая перетасовка. — Отставка Нелидовой. — V. Новая фаворитка. — Она господствует при Дворе. — «Благодать». — Восторги любви. — Рыцарский романтизм и французская учтивость. — Павел ревнует. — Свадьба фаворитки. — Княгиня Гагарина становится настоящей любовницей. — Жизнь втроем и удовольствия вчетвером. — VI. Подозрительная компания. — Актрисы и авантюристки. — г. и г-жа Шевалье. — Интриганы и шпионы. — Пристрастия Павла к театральному миру. — Соперник Тальма. — Фрожер. — К катастрофе . . . . . 927*

## Глава 7. ВНУТРЕННЕЕ УПРАВЛЕНИЕ. НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ ПРОГРАММЫ

*I. Наследие Екатерины. — Блеск и ничтожество. — Программа Павла. — II. Лихорадочное стремление к деятельности. — Двойная работа. — Предпринятое составление свода законов. — Законодатель и друг правосудия. — «Закон — это я!» — III. Политическая реорганизация. — Осуждение коллегиальной системы и классового элемента. — Торжество личного элемента и бюрократической системы. — Нарушение принятого принципа. — Шаг к учреждению министерств. — Централизация. — Крушение корпоративного начала. — Падение дворянства. — Новые противоречия. — Восстановление автономных учреждений в присоединенных провинциях. — IV. Компенсации, предложенные дворянству. — Непоследовательности. — Милости и дурное обращение. — Грамота 1785 года. — Применение телесного наказания. — Банк вспомоществования. — Ненависть к аристократии и любовь к народу. — V. Отношение к крестьянам. — Жестокая*

мистификация. — Аграрные беспорядки и кровавая расправа. — Павел приведен в замешательство. — Новые непоследовательности. — Устав о барщине. — Привилегированное положение казенных крестьян и массовая отдача их частным лицам. — Методические несообразности. — VI. Национальная церковь. — Меры к нравственному и материальному возвышению духовенства и другие решения, ведущие к его уничтожению. — Демонстрации в пользу католицизма. — Торжество Иезуитского ордена. — Патер Грубер. — VII. Административное переустройство. — Новое разделение губерний. — Удар, нанесенный национальному единству. — Заботы об экономических интересах страны. — Несовершенства при выполнении. — Гибельные последствия внешней политики государя. — Возбуждение деятельности и застой. — VIII. Честолюбивые замыслы финансовой реформы. — Бюджет Павла. — Фикция и действительность. — Возрастание дефицита. — Займы и выпуски ассигнаций. — Упропасти. — IX. Умственное движение. — Полицейские и цензурные управления. — Затмение. — Одинокая Россия. — Очаг иностранной культуры. — Открытие Дерптского университета . . . . . 952

## Глава 8. ВОЕННАЯ РЕФОРМА

I. Армия Екатерины. — Ее достоинства и недостатки. — Гвардия. — Ее пороки. — Работа Потемкина. — Реакция. — II. Реформа привилегированных частей. — Новые формирования. — Реорганизация артиллерии. — Полезные мероприятия и фантазии. — III. Новые уставы. — «Плохая копия прусской армии». — Вызванное неудовольствие. — Суворов. — Расслабляющее влияние. — Упадок военного духа. — IV. Преобразование в одежде. — Маскарад. — Противоположные стремления. — Экономия и роскошь. — Урок Итальянского похода. — V. Военное образование. — Увеличение числа школ. — Курс тактики Каннабиха. — Прискорбные результаты. — VI. Дисциплина. — Правило пассивного и слепого повиновения. — Суровость нового режима. — Низшие слои армии получают преимущества. — Неуважение чинов. — Неудовлетворительный итог. — VII. Флот Екатерины. — Обратная сторона славы. — Ветхость эскадры. — Реформа в судостроении. — Английская школа. — Новый морской устав. — Попытки административного преобразования. — Успехи образования. — Проекты развития торгового флота. — Павел в роли главного командира. — «Кампания» 1797 года . . . 988

## Глава 9. ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА. ЗАВЯЗКА

*I. После Арколе. — Екатерина и революция. — Европейская солидарность и национальный интерес. — Осторожная политика. — Воинственные демонстрации последних часов. — Шедевр дипломатии. — II. Система Павла. — Заявление об отречении. — Торжество Пруссии. — «Ошибки» Екатерины. — Ее сын собирается их исправить. — Возобновление переговоров с Швецией. — Первая неудача. — III. Другие разочарования. — Дипломатические сотрудники государя. — Глухая оппозиция его взглядам. — Политика Пруссии. — Первое разочарование. — Франко-прусское соглашение 1796 года. — Граница по Рейну. — Австрия и Англия овладевают прежней позицией. — Завязка. — IV. Противоположные побуждения. — Отряд Конде в России. — Людовик XVIII в Митаве. — Отозвание русской эскадры, посланной на помощь Англии, и предложение нового содействия. — Проект посредничества. — Миссия князя Репнина в Берлине и в Вене. — Прусское министерство. — Трио: Гаугвиц, Ломбард и Луккезини. — Берлинский кабинет прячется. — Павел склоняется к Австрии. — На пороге коалиции. — V. Покушения другого рода. — Попытки соглашения с Францией. — Переговоры впустую. — Делакура и Талейран. — Павел и Безбородко. — Кальяр и русские послы. — Французский проект. — Русский канцлер его одобряет. — Его подчиненный старается провалить проект. — Окончательный провал. — VI. Последние усилия Австрии и Англии. — Принц Фердинанд Вюртембергский в Петербурге. — Павел вверяется. — Воинственность царя . . . . . 1008*

## Глава 10. В СЕТЯХ КОАЛИЦИИ

*I. Вопрос о Мальте. — Предшествующие исторические события. — Январская конвенция 1797 года. — Протекторат царя и Великое Российское приорство. — II. Взятие Мальты французами. — Избрание Павла великим магистром ордена. — Два русских приорства. — Загадка этого предприятия. — Недоумение европейских дворов. — Колебания папы. — Замешательство Австрии. — Недоразумения Павла с Баварией. — III. Другие причины вступления царя в коалицию. — Польский вопрос. — Поддержка Францией ее прежних клиентов. — Бонапарт и его легионы. — Безбородко высказывается за соглашение с республикой. — Причины интимного характера приводят Павла к противоположным решениям. — Перемены при Дворе. — Появление Лопухиной. —*



*IV. Переговоры с Пруссией. — Сийес и Кобенцль в Берлине. — Отрицательный результат. — Окончательное торжество Австрии в Петербурге. — Выступление русского корпуса. — Первое разногласие между союзниками. — V. Раштадтский конгресс. — Протест французских полномочных министров против вступления русских в Германию. — Деятельность английской дипломатии в Петербурге. — Начало враждебных действий в Италии содействует ее успеху. — Договор об англо-русских субсидиях. — Союз России с Неаполитанским королевством. — невыполнение условий Австрией. — Австрия предлагает перенести выступление коалиции в Италию. — Предложение командования Суворову. — VI. Последние попытки в Берлине. — Чрезвычайная миссия Томаса Гренвиля. — Предложение субсидий со стороны Англии и военной поддержки со стороны России. — Пруссия продолжает уклоняться. — Русский ультиматум и угроза войны. — Окончательная неудача переговоров и разрыв дипломатических сношений. — Пруссия остается нейтральной. — Война между коалицией и Францией . . . . . 1030*

## Глава 11. СУВОРОВ В ИТАЛИИ

*I. Открытие неприятельских действий. — Первые неудачи французов. — Подавляющее численное превосходство союзников. — Осведомленность Директории о русской армии. — Записки Костюшки. — II. Суворов. — Его эксцентричность и его гений. — Впечатление от его появления в Вене. — Он внушает доверие. — «Наука побеждать». — Он назначен фельдмаршалом австрийских войск. — Причины, поставившие его в зависимость от Австрии и ее генерального штаба. — Антагонизм военный и политический. — III. Союзники на пути в Италию. — Критическое положение французской армии. — Шерер и Моро. — Стремительный марш русских. — Поражение Моро при Кассано. — Вступление Суворова в Милан. — Его первые недоразумения с товарищами по оружию. — Восстание итальянцев против французов. — Занятие союзниками Турина. — Убийство французских министров в Раштадте. — Разногласия Суворова с Веней. — IV. Макдональд является на помощь Моро. — Суворов предупреждает их встречу. — Сражение на Треббии. — V. Неблагодарность Австрии. — Суворову препятствуют воспользоваться плодом его победы. — Пробуждение воинственной энергии со стороны Франции, Жубер в итальянской армии. — Новое быстрое наступление*

*Суворова. — Сражение при Нови. — Спор в лагере победителей и бездействие. — VI. Причины разлада. — Недоверие Англии, домогательства Австрии и обидчивость России. — События на Мальте. — Вопрос о вознаграждении. — Дворы Туринский и Неаполитанский. — Намерение вытеснить русских из Италии. — VII. Новый план кампании. — Суворов отозван в Швейцарию. — Проект вторжения во Францию. — Отсутствие согласия. — Измена Австрии. — Эрцгерцог Карл и Корсаков. — Близость к поражению . . . . . 1049*

## Глава 12. БЕГСТВО

*I. Выступление Суворова в Швейцарию. — План сосредоточения и соединенной атаки. — Путь через С.-Готард. — «Колоссальная ошибка». — Причина такого выбора и истинный недостаток проекта. — II. Ошибки в расчетах и запоздания. — Переход через Альпы. — Суворов и Лекурб. — Обходные движения. — Прибытие на место встречи. — Разочарование. — Корсаков и Массена. — III. Поражение при Цюрихе. — Отчаянное положение русских. — Славное отступление. — IV. В Фельдкирхе. — Переговоры с эрцгерцогом Карлом о возобновлении наступления. — Невозможность прийти к соглашению. — Суворов покидает Швейцарию. — Причины его удаления. — Последствия военного разрыва между русскими и австрийцами. — Павел подумывает об отозвании своих войск. — V. Другие неприятности царя в коалиции. — Голландская экспедиция. — Поражение при Бергене. — Русские эскадры в Ионическом и Средиземном морях. — Зависть Англии. — Высокомерие Австрии. — Анкона. — Оскорбление русского флага. — VI. Затруднительные переговоры между Петербургом и Веной. — Два течения в русской политике. — Панин и Растропчин. — Получив отвращение к Австрии, Павел хочет продолжать войну не иначе как с другими союзниками. — Опала Кобенця. — Эрцгерцог-палатин в Петербурге. — Проект Северного союза. — Возобновление переговоров с Пруссией. — Барон Крюденер в Берлине. — Политика итальянских посланников, враждебная Австрии. — Отозвание Суворова. — Внезапная перемена в пользу Венского Двора, за которой последовало новое несогласие. — VII. Новые споры Суворова с Тугутом. — Фельдмаршал в Праге. — Его проекты вторжения во Францию. — Он не может обойтись без австрийцев. — Неудача переговоров с Веной. — Конец австро-русских совместных действий. — Корпус Конде переходит на службу*

*Англии. — Опала Суворова. — Неудовольствие Павла. — Смерть героя. — VIII. Окончательная ссора с Австрией. — Великая княгиня Александра в Вене и Будапеште. — Ее кончина. — Победа Раstopчина над Паниным. — Возвращение к политике Екатерины. — Попытки к сближению с Францией. — Последние усилия эмиграции. — Дюмурье в Петербурге. — Неудача его миссии. — Конфликт с Англией. — Мальтийский вопрос. — Разрыв. — Первые враждебные действия. — Восстановление вооруженного нейтралитета. — Нельсон в Балтийском море . . . . . 1075*

### Глава 13. ПАВЕЛ И БОНАПАРТ

*I. После Маренго. — Движение в пользу сближения между Россией и Францией. — Его происхождение и средства. — Дипломатические авантюристы и маклеры. — Г-жа Шевалье, гражданин Гюттен. — Последствия 18 брюмера. — II. Посредничество Пруссии. — Берновиль и Крюденер в Берлине. — Враждебность русского посланника. — Хитрость Панина и интриги Гаугвица. — Вопрос о вознаграждениях. — Более благоприятные симптомы. — Французская дипломатия в Гамбурге. — Мысль Бургоэня. — III. Письмо Талейрана к Панину и предложение вернуть русских пленных. — Муравьев, в Гамбурге, отказывается взяться за это поручение. — Поворот в С.-Петербурге в пользу Франции. — Сопrotивление Панина. — Новое письмо Талейрана. — Уступки в вопросе о Мальте. — История и легенда. — Панин побежден. — IV. Нота Раstopчина. — Посольство Спренгтпортена в Париж. — «Изменник и узурпатор». — Несогласия, существующие между обоими кабинетами. — Заинтересованное вмешательство Пруссии. — Фальшивый дипломатический документ. — V. Спренгтпортен в Берлине. — Великий план Раstopчина. — Предложенное расчленение Турции и разделение европейской гегемонии. — VI. Спренгтпортен во Франции. — Неопределенный характер его миссии. — Первое письмо Бонапарта к Павлу. — Цезарь и Дон Кихот. — Царь идет навстречу желаниям первого консула. — VII. Союз нейтральных держав. — Вызов Англии. — Возвращение графа Карамана. — Людовик XVIII изгнан из Митавы. — Опала Панина. — VIII. Сущность мысли Павла. — Посольство Кольчева. — Его секретные инструкции. — Павел советует Бонапарту принять титул короля. — Препятствия к соглашению. — Мальта и Египет. — Интриги маркиза Луккезини. — Проект*

высадки в Англии. — Вопрос о Неаполе. — Мало примирительное отношение Колычева. — Отправление в С.-Петербург Дюрока. — Новый план Раstopчина. — Раздел Турции. — IX. Экспедиция в Индию. — Фикция и действительность. — Прежние поступки. — Проекты Бонапарта и решения Павла. — Явное отсутствие согласия. — Мобилизация Донских казаков. — Сумасшедшее предприятие. — Разглагольствования и безумие. — X. Последние фантазии царя. — Вызов на поединок европейских монархов. — Последнее возвращение к политике Екатерины. — Присоединение Грузии. — Явный кризис и перспектива рокового исхода . . . . . 1112

### Часть третья. КАТАСТРОФА

#### Глава 14. ОКОНЧАТЕЛЬНЫЙ КРИЗИС

*I. Предполагаемое умопомешательство Павла. — Согласующиеся отзывы. — Они относятся к первым месяцам его царствования. — II. Противоречивые признаки. — Легенда об эпилептических припадках и басня об отравлении опиумом. — Физическая и нравственная сила субъекта. — Вопрос о вырождении. — Разновидность соответствующих типов. — Частные виды помешательства. — «Фобии» (боязни). — Недостаток в устройстве централизующего аппарата и закон контрастов. — На границе безумия. — III. Политические последствия факта. — Критическое положение России. — Уменьшение населения Петербурга. — Стремление к эмиграции за границу. — Спасайся, кто может! — Недовольство. — Великий князь Александр. — Революционная пропаганда. — Накануне мартовского покушения 1801 года. — IV. Недовольные и удовлетворенные. — Высшие классы и народ. — Гвардия. — Офицеры и солдаты. — Уравнительные тенденции Павла. — Ошибка в суждении. — Равнодушие народного элемента. — Попытка не удалась с одной стороны, но здание минировано с другой. — Манифест об амнистии. — Неловкий маневр. — Он ускоряет катастрофу. — V. Предвозвестники. — Тревоги в Павловске. — Великая княгиня Елизавета. — Берегись, тиран! — Беспокойство и уныние Павла. — Он ищет укрытия. — VI. Двор Екатерины и двор Павла. — Призраки Версаля и Потсдама. — Пышность и дисциплина. — Строгий устав и неумолимый этикет. — Придворный шут. — Иванушка. — Распространение церемониала на улицу. — Выход из карет. — Расточительность и экономия. — Пережиток*

азиатских обычаев. — Павел I и Людовик XIV. — VII. Михайловский замок. — Спешная постройка. — Роскошь и крайняя простота. — Дворец и крепость. — Павел доволен и развлекается. — Княгиня Гагарина и госпожа Шевалье. — Недобрые слухи. — Павел дает им пищу. — VIII. Он плохо обходится с женой и старшим сыном. — Вымышленные проекты о лишении прав престолонаследия. — Брут Вольтера. — Намеченный наследник. — Принц Евгений Вюртембергский. — Общее смятение и ожидание трагического события. — «Это не может продолжаться!» . . . . . 1152

## Глава 15. ЗАГОВОР

I. Первые подстрекатели. — Панин и Рибас. — Красавица Ольга Жеребцова и кавалер Витворт. — Легенда об английском золоте. — II. Пален. — Момент его присоединения к заговору и причины этого. — Намерения Панина. — Проект регентства. — Признания, сделанные великому князю Александру. — Двойственность приемов великого князя. — Причины его нерешительности. — Раздумье Панина. — Вражда его с Раstopчиным. — Последняя попытка одержать вверх над соперником. — Неудача и начало решительных действий. — Привлечение военной власти столицы. — Генерал Свечин. — Падение и ссылка вице-канцлера. — Смерть Рибаса. — Кажущееся разрушение заговора. — Пален берется им руководить. — Более энергичные действия. — Набор сообщников. — Зубовы. — Беннигсен. — III. Окончательное согласие Александра. — Признаки и доказательства. — Характер этого участия. — Непротивление увлечению и сознательное закрывание глаз. — Развитие начального проекта. — Оставление проекта о регентстве. — Павел должен будет отречься от престола и будет заточен. — Зловещие оговорки. — «On ne fait pas d'omelette sans casser des oeufs». — IV. Успехи заговора. — Рекрутский набор в гвардии. — Затруднения. — Сборные пункты и средства обольщения. — Тонкие ужины госпожи Жеребцовой. — Содействия внушений и различных домогательств. — Традиции Екатерины. — Мария Федоровна и ее приближенные. — Подозрения в сообщничестве. — Непокорный элемент. — V. Всеобщее молчание. — Павел ни о чем не догадывается. — Мнимые признания Палена, выдавшего государыню и великих князей. — Мнимые указы об аресте. — Несообразности и противоречия. — Смутные подозрения, возникшие у государя. — Он возвращает

*Аракчеева и Линденера. — Запоздалые, или мнимые предостережения. — Принц Евгений Вюртембергский и княгиня Гагарина. — Павел чувствует, что ему что-то угрожает, но не считает себя в опасности. — Причины его беспечности. — Его поступки заставляют заговорщиков поспешить с выполнением заговора. — Оно назначено на 11 марта . . . . . 1181*

## Глава 16. НОЧЬ НА 11 МАРТА

*I. Последняя минута. — Трагический вечер. — Мрачный и грозный вид Павла накануне покушения. — На другой день он развеселился. — Он не помышляет о неминуемой опасности. — Его последние шаги в области дипломатии. — Призыв Пруссии и Франции к оккупации Ганновера. — II. Последний день. — Арест великих князей Александра и Константина. — Загадка. — Последний ужин. — Отец и сын. — Павел сияет. — Самый прекрасный момент его жизни. — III. Перед преступлением. — Жертва приходит на помощь своим убийцам. — Удаление караула, стоявшего перед покоем императора. — Павел у княгини Гагариной. — Он занимается тем, что набирает новых пажей и передает портфель военного министра мужу своей фаворитки. — IV. Последние приготовления заговорщиков. — Два гвардейских батальона наготове. — Ужинают. — Ночные оргии. — Rendez-vous у генерала Талызина. — Грозные дебаты. — Конституционные и революционные предположения. — Обсуждение судьбы Павла. — Свержение или смерть? — Нерешительность. — Вмешательство Палена. — «On ne fait pas d'omelette sans casser des oeufs». — V. В Михайловском замке. — Вторжение заговорщиков в комнату императора. — Павел сам лишил себя возможности бежать. — Пойманный в западню. — VI. Зачинщики пьяны. — Споры и брань. — Павел отказывается отречься от престола и зовет на помощь. — Борьба и бойня. — Задушение. — Убийцы остервенились над трупом. — VII. Бодрствование Александра. — Мнимое изумление и искреннее уныние. — Он не хочет царствовать. — Вмешательство Елизаветы и Палена. — Его заставляют выйти к войскам. — Часть армии в нерешительности. — Действительно ли умер Павел? — Они хотят видеть! — Облачение трупа. — Вступление на сцену вдовствующей императрицы. — Ее не пускают в комнату покойного. — Она хочет взбунтовать придворных и обращается с воззванием к солдатам. — Она хочет царствовать. — VIII. Александр*

<i>в Зимнем дворце. — Новая попытка конституции и ее неудача. — Возвращение к программе Екатерины II. — Манифест о вступлении на престол и принесение присяги новому императору. — Полицейские меры. — Кутайсов и г-жа Шевалье. — Восторг заговорщиков. — Гнев великого князя Константина. — «Я велю всех их повесить!» — Всеобщая радость. — «Теперь можно делать все, что угодно!» — Первое свидание Александра с матерью. — «Саша, ты виновен?» — Вдовий траур. — Противоречивые свидетельства. — Оскорбление усопшего. — Эпиграммы и шутки. — IX. Новое царствование. — Неуверенная политика Александра. — Разочарование заговорщиков. — Их судьба. — Опала Палена и Панина . . . . .</i>	1203
<i>Заключение . . . . .</i>	1239